

Древнее градостроительство

Ф. Хаверфилд

Ancient Town-Planning

F. Haverfield

Электронная книга проекта Гутенберга по древнему градостроительству

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Древнее градостроительство

Автор: Ф. Хаверфилд

Дата выхода: 28 ноября 2004 г. [Электронная книга № 14189]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено Тедом Гарвином и командой корректоров PG Online Distributed

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ДРЕВНЕЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО"

УЛИЦЫ В ТИМГАДЕ
С фотографии.

ДРЕВНЕЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Автор Ф. ХАВЕРФИЛД

Оксфорд в издательстве Clarendon Press

1913

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Лондон • Эдинбург • Глазго • Нью-Йорк

Торонто • Мельбурн • Бомбей

ХАМФРИ МИЛФОРД

Университетский издатель

ПРЕДИСЛОВИЕ

Следующие страницы являются расширением статьи, прочитанной Лондонскому университету в качестве лекции Крейтона в 1910 году, а также частично представленной Лондонской конференции по градостроительству в том же году.

Оригинальная лекция была написана как вклад ученого в современное движение. Оно рассматривало градостроительство как один из тех новых методов социальных реформ, которые несколько резко контрастируют с обычными целями политических партий и парламентов. Последние касаются главным образом внешней и общественной жизни людей как сограждан в государстве; они включают в себя такие проблемы, как самоуправление, отстранение от должности, защита. Новые идеалы сосредоточены вокруг повседневной жизни людей в их домашнем окружении. Мужчины и женщины — или, скорее, женщины и мужчины — начали требовать, чтобы к здоровью, жилью, пище и комфорту человечества, а также ко многому другому, что не так давно казалось выходящим за рамки законодательства, относились с таким же пристальным вниманием, логикой и умом, как к любой из старых и более традиционных проблем политиков. Они не оставят на произвол судьбы даже тюбики детских бутылочек для кормления.

Среди этих новых направлений градостроительство является одним из наиболее известных. Большинство из нас теперь признают, что, если необходимо построить несколько десятков домов для рабочих или городских клерков - или даже для университетских преподавателей в Северном Оксфорде, — их можно и нужно планировать с учетом здоровья, удобства и занятий их вероятных жильцов. Градостроительство приобрело статус искусства; иногда его называют наукой, и в его честь названы университетские профессорские должности; на Лондонской конференции 1910 года оно получило свой *вычет на форуме* или, по крайней мере, свой первый танец. Но он все еще молод, и его возможности не определены. Его название может применяться ко всем видам строительных схем, и мало делается попыток придать ему какой-либо конкретный смысл. Она лишь медленно продвигается к признанному методу и признанным принципам, которых требует даже искусство. Здесь, казалось, изучающий древнюю историю мог бы провести параллели с античностью, и особенно с эллинистической и римской эпохами, которые чем-то напоминают наши дни в своей заботе о благополучии личности.

Расширяя лекцию, я постарался не только сохранить эту точку зрения, но и подойти к предмету так, чтобы это было полезно ученым-классикам и историкам. Детали греческого и римского градостроительства, вероятно, малоизвестны многим, кто изучает греческую и римскую жизнь, и хотя они часто случайно обсуждались,^[1] они никогда не были собраны. Материала, однако, предостаточно, и он ярко освещает характер и значение той городской жизни, которая в своих различных формах была жизненно важным элементом как в греческом, так и в римском мире. Даже наши маленькие городки Силчестер и Кэрвент в Римской Британии становятся более понятными с его помощью. Римский студент, возможно, извлекает из этого исследования больше пользы, чем эллинист, поскольку древнеримский строитель планировал более регулярно, а современный римский археолог проводил раскопки более широко. Но замечательные немецкие раскопки в Приене, Милете и других местах свидетельствуют о том, что многое можно узнать о греческих городах и греческих землях.

Задача сбора и изучения этих деталей не из легких. Для этого нужны обширные местные знания и множество местных книг, все из которых трудно достать. Здесь, как и в большинстве областей римской истории, нам нужна серия специальных исследований судьбы отдельных римских городов в Италии и провинциях, проведенных людьми, сочетающими две вещи, которые редко сочетаются друг с другом, - научные и узкоспециальные знания. Но совокупность доказательств уже ждет своего применения, и хотя их обсуждение может привести — как привело меня — к топографическим мелочам, где полнота и определенность слишком часто недостижимы, а ошибки смертельно легки, мои результаты, тем не менее, могут содержать некоторые новые предложения и помочь некоторым будущим работникам.

Я избегал технических терминов, насколько мог, и это не только в интересах широкого читателя. Такие термины слишком часто бывают уродливыми и ненужными. Когда иностранный ученый пишет о римском городе как о "скамнирте" или "стригирте", трудно отделаться от ощущения, что это ни приятно, ни необходимо. Возможно, это даже неточно, на что я укажу ниже.

Соответственно, я постарался сделать свой текст как можно более понятным и ограничить технические детали сносками.

Ф.Х.

Содержание

- СПИСОК ПЛАНОВ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ
- ТАБЛИЦА ПОКАЗАТЕЛЕЙ
- 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ДРЕВНЕМУ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ
- 2. ГРЕЧЕСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. ИСТОКИ: ВАВИЛОН
- 3. ГРЕЧЕСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ
- 4. ГРЕЧЕСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. МАКЕДОНСКАЯ ЭПОХА
- 5. ИТАЛИЯ. ИСТОКИ
- 6. ИТАЛИЯ. ПОЗДНЯЯ РЕСПУБЛИКА И ИМПЕРИЯ
- 7. ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОРОДА
- 8. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА. I

- 9. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА. II
- 10. РИМСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ
- 11. ПРОДОЛЖЕНИЕ
- ПРИЛОЖЕНИЕ. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В КИТАЕ
- Указатель

СПИСОК ПЛАНОВ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

(Точные ссылки на источники приведены в различных сносках.)

УЛИЦЫ В ТИМГАДЕ. С фотографии

1. ВАВИЛОН. После Колдевея и других
2. ПИРЕЙ. В честь Мильхифера
3. СЕЛИН. В честь Каваллари, Юло и Фужера
4. КИРЕНА. По Смит и Порчеру, 1864 г.
5. СОЛУНТУМ. По Каваллари, 1875 г.
6. ПРИНЕ, ОБЩИЙ ПЛАН. По Циппелиусу
7. ПРИНЕ, ДЕТАЛИ ЧАСТИ РАСКОПАННОЙ ТЕРРИТОРИИ. По крупному плану Виганда и Шрейдера, 1904 г.
8. ПРИЕНА, ПАНОРАМА ГОРОДА. Восстановлено Циппелиусом
9. МИЛЕТ. После Виганда, 1911
10. ГЕРАСА. После Шумахера
11. TERRAMARA OF CASTELLAZZO DI FONTANELLATO. После смерти Т.Э. Пита
12. MARZABOTTO. После Бризидио и Леви
13. ПОМПЕИ. После Мау, 1910 г.
14. МОДЕНА. С плана Цукканьи-Орландини, 1844 г.
15. ТУРИН. Сокращено из плана, опубликованного Обществом распространения полезных знаний (*Карты*, Лондон, 1844 г., т. ii) после Цукканьи-Орландини, 1844 г.
16. AOSTA. От Промиса и других
17. ФЛОРЕНЦИЯ. А) Современная Флоренция. (Б) В честь Л. Барди (1795?) и Цукканьи-Орландини
18. ЛУССА. Из Синибальди, 1843 г.
19. ГЕРКУЛАНУМ. В честь Руджеро и Бело
20. НЕАПОЛЬ. С карты неаполитанского правительства 1865 года
21. НАДПИСЬ ОРАНЖЕВЫМ ЦВЕТОМ. From the *Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1904
22. ТИМГАД. По мотивам Р. Канья и "Большого плана" А. Баллу ("*Руины Тимгада*", "*Сентябрьские анны декувертес*" (Париж, 1911))
23. ПОДРОБНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ INSULAE В ТИМГАДЕ. После Р. Каньата, *Тимгад*, стр. 337

24. ЧАСТЬ КАРФАГЕНА. План основан на *археологической карте руин Карфагена*, составленной Гоклером и Делаттр
25. ЧАСТЬ ЛАЙБАХА. По плану доктора В. Шмида (*VI. Bericht der römisch-germanischen Kommission*, 1910-1911)
26. ЛИНКОЛЬН, ОЧЕРТАНИЯ РИМСКИХ СТЕН
27. ЛИНКОЛЬН, ОСНОВАНИЯ КОЛОННАДЫ Под БЕЙЛГЕЙТОМ. С фотографии
28. ЛИНКОЛЬН, КАНАЛИЗАЦИЯ Под БЕЙЛГЕЙТОМ. С фотографии
29. AUTUN. After H. de Fontenay (*Autun et ses Monuments*, Autun, 1889)
30. TRIER. План, уменьшенный по сравнению с планом (1:10 000) покойного доктора Ханса Гревена, *Die Denkmalpflege*, 14 декабря 1904 г.
31. СИЛЧЕСТЕР, ОБЩИЙ ПЛАН. Уменьшено с большого плана У.Х. Сент-Джона Хоупа (1:1800), *Archaeologia* lxi, лист 85
32. СИЛЧЕСТЕР, ДЕТАЛИ ЧЕТЫРЕХ ОСТРОВОВ, ФОРУМА И ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ. Из *Archaeologia*
33. КЭРВЕНТ, ОБЩИЙ ПЛАН. Сокращено с плана Ф. Кинга (1:900), *Archaeologia* lxii, лист 64
34. БОСТРА. Из плана в *Путеводителе Бедекера по Палестине*
35. СОВЕТЕР-ДЕ-ГИЕНН, БАСТИДА 1281 года нашей эры. Из плана доктора А.Э. Бринкмана
36. РУИНЫ ХАРА-ХОТО, КИТАЙСКОГО ГОРОДА, ПОСТРОЕННОГО ПРИМЕРНО В 1100 ГОДУ нашей эры. *"Географический журнал"*, сентябрь 1910 г.

За предоставленные блоки я в долгу перед Академией надписей и художественной литературы (рис. 21), Германским императорским археологическим институтом (рис. 9), Королевским географическим обществом (рис. 36), Королевским институтом британских архитекторов и редакторами *Трудов Градостроительной конференции* за 1911 год (рис. 7, 8, 17, 30, 32, 35). Рис. 11 взят из книги мистера Т.Э. Пита *"Каменный и бронзовый века в Италии"*. Остальные 26 блоков были подготовлены для этого тома.

ТАБЛИЦА МЕР

Приведенные ниже рисунки могут оказаться удобными для читателей, которые желают обратить особое внимание на размеры, указанные на следующих страницах, а также могут помочь им исправить любые ошибки, которые я невольно допустил.

1 римский фут = 0,296 метра = 0,97 английского фута.

Для практических целей 100 римских футов = 97 английским футам.

1 Югерум = 120 x 240 римских футов = 116,4 x 233,8 английских футов.

Для практических целей можно принять, что *Iugerum* занимает площадь более 2/3 акра и более ¼ гектара, а точнее 2523,3 кв. м.

1 метр = 1,09 английского ярда, чуть меньше 40 дюймов. 402,5 метра равны четверти мили.

1 гектар (10000 кв. метров) = 2,47 акра (11955 кв. ярдов).

1 Акр = почти $69\frac{1}{2} \times 69\frac{1}{2}$ ярдов. (208,7 квадратных футов) = 4840 кв. ярдов.

ГЛАВА I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Градостроительство — искусство застройки городов с должной заботой о здоровье и комфорте жителей, промышленной и коммерческой эффективности и разумной красоте зданий — это искусство непостоянной деятельности. Это относится к особым эпохам и обстоятельствам. Для его полного раскрытия необходимы два условия. Эпоха должна быть такой, в которую, будь то за счет роста или за счет перемещения населения, города свободно основываются или свободно расширяются, и почти как само собой разумеющееся внимание привлекается к методам обустройства и застройки таких городов. И, во-вторых, строители этих городов должны обладать достаточным умом, чтобы заботиться о благополучии простых людей и надлежащем обустройстве обычных жилищ. Это происходило не всегда. Во многих странах и столетиях — в эпохи, когда цивилизация была окрашена низким уровнем варварства, — одно или оба этих условия отсутствовали. В Азии на протяжении большей части ее истории, в ранней Греции, в Европе в первой половине Средневековья города состояли из одного или двух доминирующих зданий, храма, церкви или замка, одной или двух аллей для процессий верующих на священных праздниках и небольшого прилегающего хаоса извилистых переулков и убогих домов. Архитекторы создали прекрасные здания в таких городах. Но они не коснулись хаоса и не рассматривали весь населенный пункт как единое целое. Градостроительство здесь было неизвестно.^[2]

В другие периоды города основывались в большом количестве и полностью или почти полностью заросшими, чтобы обеспечить жильем множество простых людей, и их основатели строили их по какому-то плану или системе. Одним из таких периодов, конечно, является наш собственный. За последние полвека города возникли по всей Европе и Америке. Их много. Они велики по площади. Большинство из них родились почти взрослыми; некоторые основались полностью; другие резко выросли из маленьких деревень; в других местах рядом с городами, которые уже стали большими, возникли пристройки, достаточно огромные, чтобы образовать отдельные города. На протяжении всего этого развития мы можем проследить тенденцию к планированию, начиная с бессознательного механического устройства промышленных городов или пригородов и заканчивая сознательными усилиями сегодняшнего дня.

Если мы рассмотрим их размер и количество вместе взятых, то эти новые европейские и американские города превосходят все, что когда-либо видел мир. Но, за исключением размера, процесс основания или расширения городов не является чем-то новым. В старом свете, как и в греческих землях восточного Средиземноморья, так и в обширной римской империи, городская жизнь в определенные периоды быстро росла за счет создания почти полностью разросшихся городов. Самые ранние города Греции и Италии были, по чистой необходимости, маленькими. Они не могли вырасти за пределы крутых вершин холмов, которые защищали их, или вместить больше жителей, чем могли прокормить их скудные поля.^[3] Но мир тогда был велик; новые земли были открыты для тех, у кого не было места дома, и группы добровольных изгнанников, по-

прежнему сохраняя свой обычай гражданской жизни, основывали новые города по всему Средиземноморью. Этот процесс был продлен за счет государственной помощи. Республики или монархи основывали колонии, чтобы расширить свою власть или дать приют своим ветеранам, и в результате в Южной Европе, Западной Азии и даже северной Африке выросли такие же города. То же самое происходит и в более отдаленных регионах. Неясные свидетельства из Китая свидетельствуют о том, что там также в древние времена были основаны города и военные колонии были отправлены в отдаленные регионы примерно теми же методами, которые использовались греками и римлянами.

Даже при менее благоприятных условиях искусство не оставалось полностью бездействующим. Особые обстоятельства или особые люди ненадолго вызвали его к жизни. Бастиды и виль-нев во Франции XIII века были основаны в определенный период и при особых обстоятельствах, и, каким бы кратким ни был этот период и какими бы неотложными военными действиями он ни управлялся, они были построены по более или менее определенному плану (стр. 143). Улицы, спроектированные Вудом в Бате около 1735 года, Крейгом в Эдинбурге около 1770 года, Грейнджером в Ньюкасле около 1835 года, показывают, на что способен отдельный гений в благоприятные моменты. Но такие примеры, какими бы интересными они ни были сами по себе, очевидно, менее важны, чем более масштабные проявления градостроительства в Греции и Риме.

Почти во всех случаях частое создание городов сопровождалось принятием определенного принципа градостроительства, и повсюду этот принцип был, по существу, одним и тем же. В его основе лежали прямая линия и прямой угол. Это, действительно, те признаки, которые отделяют даже самую простую цивилизацию от варварства. Дикарь, непоследовательный в своей моральной жизни, столь же непоследователен, столь же неспособен "держаться прямо" в своем домостроении и прокладывании дорог. Сравните, например, британскую и римскую дороги. Римская дорога была вошедшей в поговорку прямой; даже ее несколько изгибов нередко образовывались прямыми линиями, соединенными вместе. Британская дорога была совсем другой. Она изгибалась по велению фантазии, блуждала вдоль подножия или уступа гряды холмов, следовала по гряде извилистых холмов и только случайно ненадолго выходила на прямую. Всякий раз, когда на древних останках видна длинная прямая линия или несколько правильно очерченных прямых углов, мы можем быть уверены, что они относятся к цивилизованной эпохе.

В общем, в древнем градостроительстве использовались не только прямая линия и прямой угол, но и то и другое вместе. Было проведено очень мало экспериментов с использованием других углов. Раз или два, как, например, на Родосе (стр. 31, 81), мы слышим об улицах, расходящихся веером от общего центра, подобно проходам древнего театра или магистралям современного Карлсруэ, или о Пальма-Нуова, основанной Венецией в 1593 году для защиты своих северо-восточных границ, которая имела форму почти морской звезды. Но, как правило, улицы шли параллельно или под прямым углом друг к другу, а кварталы домов, которые они окружали, были либо квадратными, либо продолговатыми.

Однако в деталях заметно большое разнообразие. Иногда очертания древнего города были квадратными или почти квадратными, жилые кварталы имели одинаковую форму, а план города был неотличим от шахматной доски. Или же вместо квадратов продолговатые блоки домов образовывали узор не строго шахматной доски, а геометрический и прямоугольный. Часто

очертания города были неправильными и просто удобными, но улицы по-прежнему сохраняли, насколько это было возможно, прямоугольную форму. Иногда, наконец, прямоугольная планировка ограничивалась несколькими широкими магистралями, в то время как более мелкие переулки были совершенно неправильной формы. Другие вариации можно увидеть в том, какое значение придается или в чем отказано общественным и особенно священным зданиям. В некоторых городах для них были созданы все условия; к ним вели широкие улицы с величественными видами, и были оставлены открытые пространства, с которых они могли быть хорошо видны. В других не было ни перспектив, ни открытых пространств, ни даже великолепных зданий.

В возникновении этих вариаций можно проследить определенную историческую преемственность. Города древних греков были достаточно величественны своими общественными зданиями и главными магистралями, но в их убогих переулках и неприглядных жилищах сквозил полуварварский дух. В середине пятого века люди превзошли этот идеал. Они начали признавать частные дома и пытаться адекватно группировать свои города как единицы, способные подчиняться единому плану. Но они не продвинули эту концепцию слишком далеко. Декоративное по-прежнему преобладало над полезным. Широких прямых улиц было все еще мало, и они были проложены в основном как аллеи для процессий и как просторные пространства для великолепных фасадов.^[4] Частные дома по-прежнему не имели большого значения. Представление о том, что Город - это государство, каким бы полезным и прогрессивным оно ни было, в определенной степени парализовало развитие городов.

Перемены произошли вместе с новой философией и новой политикой македонской эпохи. Древние греческие города-государства были большими, богатыми и независимыми; великолепные здания и пышные празднества были для них столь же естественны, как и для более крупных автономных муниципалитетов во все века. Но в македонский период отдельные города превратились в части большего целого, элементы доминирующего государства, подданные военных монархий. Использование общественных зданий, пышность публичных фестивалей в отдельных городах пришли в упадок. Вместо этого требования отдельного гражданина, которыми слишком сильно пренебрегали Города-государства, но которые были отмечены новой философией, нашли отражение даже в градостроительстве. Более четкая, более симметричная, часто более жесткая схема "шахматной доски" была введена для городов, которые теперь начали основываться во многих странах вокруг Эгейского моря и к востоку от него. Декоративные здания и широкие улицы все еще действительно были включены, но в жилых кварталах вокруг них было оставлено должное пространство для жилищ простых людей. На некоторое время греки обратили свое внимание на те детали повседневной жизни, которые в более зрелом возрасте они несколько игнорировали.

Наконец, градостроительство македонской эпохи объединилось, как я полагаю, с другими, в том числе итальянскими элементами и сформировало городскую систему более поздней Римской республики и Римской империи. Как в искусстве и архитектуре, так и в городском планировании цивилизации Греции и Италии почти неразрывно слились в результате, который, при всех его греческих чертах, в конечном итоге является римским. Теперь студент знакомится с жесткостью планировки улиц и концепцией общественных зданий, которые не являются ни греческими, ни восточными. Римский город обычно представлял собой прямоугольник, разделенный на четыре более или менее равные прямоугольные части двумя главными улицами, которые пересекались под прямым углом в его центре или вблизи него. К этим двум

улицам примыкали все остальные улицы параллельно или под прямым углом, и в результате получился определенный рисунок "шахматной доски" из прямоугольных жилых блоков (*insulae*), квадратной или продолговатой формы, более или менее однородных по размеру. Сами улицы были умеренной ширины; даже главные магистрали были немного шире остальных, и общественные здания внутри городских стен теперь сливались с общей массой домов. Главное сооружение, Форум, представлял собой закрытый двор, действительно украшенный статуями и опоясанный колоннадами, но лишенный фасадов, которые могли бы доминировать над городом. Городские советы римского мира были не более свободны, чем советы Греции или современной Англии, от муниципального порока чрезмерной застройки. Но у них не было одинаковых возможностей для ошибок. С другой стороны, в большинстве из них имелся хороший муниципальный запас воды, и канализация была проложена под их улицами.

Причина всего этого очевидна. Эти римские города, даже в большей степени, чем греческие города Македонии, были частями большего целого. Они были частью Римской империи; их граждане были гражданами Рима. У них не было ни богатства, ни желания строить огромные храмы, общественные залы или дворцы, подобные тем, что строили греки. Их величайшие сооружения, театр и амфитеатр, свидетельствуют о процветании и населении не столько отдельных городов, сколько целых кварталов, которые периодически стекались сюда на представления.^[5] Но в этих городах было единство. Их различные части были, в некотором смысле, согласованы, ни одной не пренебрегали и ни одной не злоупотребляли чрезмерно, и к целому относились как к единому организму. Несмотря на очевидные ограничения, римский мир предпринял более реальную, трезвую и последовательную попытку спланировать города, чем в любую предыдущую эпоху.

ГЛАВА II

ГРЕЧЕСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. ИСТОКИ, ВАВИЛОН

Зачатки идей и институтов редко бывают хорошо известны или хорошо зафиксированы. Они обязательно незначительны и не привлекают особого внимания современников. С градостроительством дела обстоят так же, как и со всем остальным. Ранние его формы появляются в Греции в четвертом и пятом веках до нашей эры; происхождение этих форм неясно. Старейшим городским поселением, которое до сих пор исследовалось в любой стране вблизи Греции, является Кахун в Египте, датируемый примерно 2500 годом до н.э. Здесь профессор Флиндерс Петри раскопал множество четырехкомнатных коттеджей, тесно расположенных в параллельных продолговатых блоках, и несколько больших прямоугольных домов: это (по-видимому) жилища рабочих и управляющих, занятых на строительстве соседней пирамиды Иллахун.^[6] Но поселение очень маленькое, занимающее менее 20 акров; само по себе оно не является настоящим городом, и его план не имеет схемы или симметрии городского плана. Для этого мы должны обратиться к западной Азии, к Вавилонии и Ассирии.

Здесь мы находим более четкие доказательства. Великие города месопотамских равнин обнаруживают слабые следы градостроительства, относящегося к восьмому и последующим векам, о которых греки, по-видимому, слышали и которые, возможно, скопировали. Наши

знания об этих городах, конечно, все еще очень фрагментарны, и хотя они были значительно расширены последними немецкими раскопками, они пока не приводят нас к определенным выводам. Свидетельства двоякие: частично литературные, почерпнутые у греческих писателей и, прежде всего, у Геродота, и частично археологические, полученные в результате раскопок ассирийских и вавилонских руин.

Описание Вавилона, данное Геродотом, конечно, известно.^[7] Даже в его время это было достаточно хорошо известно, чтобы быть спародированным современными комиками в афинском театре. Вероятно, отчасти это основано на знаниях из первых рук. Геродот дает нам понять, что он посетил Вавилон в ходе своих многочисленных странствий, и у нас нет причин не доверять ему; мы можем даже датировать его визит примерно 450 годом до н.э. На самом деле он был не единственным греком своего времени и не первым, забравшимся так далеко. Но, тем не менее, его рассказ не является и не претендует на то, чтобы быть рассказом только очевидца. Как и другие писатели разных эпох,^[8] он не проводил резкого разделения между деталями, которые он видел, и деталями, которые он узнал от других. Ради (может быть) наглядности он помещает их все в одну плоскость, и судить о них следует не как о свидетельствах из первых рук, а по их собственным достоинствам.

Вавилон, говорит Геродот, располагался на открытой равнине и образовывал точный квадрат огромных размеров, 120 стадий (то есть почти 14 миль) в каждую сторону; вся окружность составляла 480 стадий, около 55 миль. Он был окружен огромными кирпичными стенами высотой 340 футов. высокий, почти 90 футов в толщину, с широким глубоким рвом, полным воды, в который входили через 100 ворот; предположительно, мы имеем в виду, что эти ворота расположены симметрично, по 25 с каждой стороны. От угла до угла город был разрезан по диагонали Евфратом, который, таким образом, делил его пополам на два примерно равных треугольника, а берега реки были укреплены кирпичными укреплениями — менее грозными, чем основные внешние стены, — которые тянулись вдоль них из конца в конец города. Со стороны суши тоже была внутренняя стена. Улицы тоже были примечательны:

"Сам город (говорит он) полон домов высотой в три-четыре этажа, и его улицы прямые, особенно те, которые идут под прямым углом, то есть те, которые ведут к реке. Каждая дорога ведет к маленьким воротам в кирпичной стене у реки: ворот столько же, сколько переулков".^[9]

В каждой части города (то есть на обоих берегах Евфрата) были особенно большие здания: в одной части - царские дворцы, в другой - храм Зевса Белого с бронзовыми воротами, квадратный по очертаниям, 400 ярдов в ширину и длину.

Пока, вкратце, Геродот. Очевидно, что его слова предполагают градостроительство. Улицы, которые шли прямо, и другие, которые шли под прямым углом, достаточно значимы, даже если мы можем сомневаться в точности, что подразумевается под этими другими улицами и в том, что они пересекались или пересекались под прямым углом. Но его рассказ нельзя принимать таким, каков он есть. Что бы он ни видел, какой бы точной ни была его наблюдательность и память, не все в его рассказе может быть правдой. Его Вавилон занимает почти 200 квадратных миль; его стены более 50 миль в длину и 30 ярдов. толщина и почти 120 ярдов. высота; его ворота находятся на расстоянии полутора миль друг от друга. В Лондоне в день-не более 130 квадратных километров, а самая верхняя точка в Сент-Пол, еле 130 ярдов. высокий. Нанкин - крупнейший город Китая, и его стены - дело рук Империи, более могущественной, чем Вавилон;

но их протяженность составляет менее 24 миль в окружности, и они имеют или были немногим более 30 футов в толщину и 70 футов в высоту. высокий.^[10] Более того, рассказ Геродота о стенах следует сопоставить с заявлением, которое он делает в другом месте, о том, что они были разрушены Дарием за шестьдесят или семьдесят лет до его визита.^[11] Разрушение вряд ли могло быть полным. Но в любом случае Геродот мог видеть лишь фрагменты, которые местные *чичерони* легко истолковали неверно и объяснили как остатки чего-то совершенно не соответствующего фактам.

Обратимся теперь к фактическим остаткам Вавилона, известным из исследований и раскопок. Мы находим большой район, простирающийся до обоих берегов Евфрата, который довольно нерегулярно покрыт насыпями многих разрушенных зданий. Особенно примечательны два места в нем. На его южной оконечности находится Бирс Нимруд и несколько прилегающих к нему курганов, в древности называвшихся Борсиппа; здесь стоял огромный храм бога Небо. У его северной оконечности, в десяти или одиннадцати милях к северу от Борсиппы, вокруг Вавила и Касра, находится более обширная пустыня руин, длиной в три мили и почти такой же ширины в экстремальных размерах; здесь были обнаружены и частично раскрыты городские стены и дворцы вавилонских царей и храмы вавилонских богов, а также улицы и жилые дома обычных людей. В других местах этого района можно проследить другие признаки обитания, пока еще не исследованные.

Вполне естественно, что некоторые ученые считали, что весь этот регион представляет собой древний Вавилон и что огромные стены Геродота окружали все это.^[12] Однако с этой точкой зрения нельзя согласиться. Совершенно независимо от приведенных выше соображений, рассматриваемая область не квадратная, а скорее треугольная, и следов стены и рва, окружающих ее, совершенно нет, хотя городские стены сохранились в других местах по соседству и хотя ничто не может полностью уничтожить древний ров. Короче говоря, у нас нет веских оснований полагать, что Вавилон в какой бы то ни было форме или смысле когда-либо занимал эту большую территорию.

С другой стороны, особые руины Вавилона и Касра и прилегающие к ним курганы, по-видимому, сохранили как название, так и фактические остатки Вавилона (рис. 1). Здесь, на левом берегу Евфрата, возвышаются огромные городские стены, некогда имевшие пять или шесть миль в длину.^[13] Их можно приблизительно описать как занимающие половину квадрата, разделенного рекой пополам по диагонали, во многом так, как пишет Геродот; есть веские основания полагать, что у них был какой-то меньший аналог на правом берегу, пока еще мало исследованный. Внутри этих стен находились дворцы вавилонских царей Набополассара и Навуходоносора (625-561 гг. до н.э.), храмы национального бога Мардука или Меродаха и других вавилонских божеств, широкая прямая дорога Айбуршабу, идущая на север и юг от дворцов к храмам, величественный портал, пересекающий эту дорогу у ворот Истар, множество частных домов в квартале Меркес и внутренняя городская стена, возможно, более ранней постройки. Улица и ворота были построены или перестроены Навуходоносором. Он, как он заявляет в различных надписях, "вымостил дорогу известняковыми плитами для шествия Великого Владыки Мардука". Он построил ворота Истара "из глазурованного кирпича и поместил на их пороге колоссальных бронзовых быков и свирепых змееподобных драконов". По улице, построенной таким образом, торжественным маршем пронесли статую Мардука в День вавилонского Нового года, когда царь ежегодно поклонялся богу своей страны.^[14]

РИС . I.
БАВИЛОН

Таковы остатки города Вавилон, насколько они известны в настоящее время. Они неплохо согласуются со словами Геродота. Мы можем обнаружить в них подобие не одного квадрата, а двух неравных полуквадратич, разделенных рекой; мы можем проследить по крайней мере одну большую улицу, параллельную реке, и другие, идущие под прямым углом к ней по направлению к реке. Если кирпичные укрепления вдоль берега исчезли, это может быть связано с их менее прочным характером и многочисленными изменениями в самой реке. Для изучающего вавилонскую топографию рассказ Геродота имеет очень малую ценность. Но это все, что могло бы составить большинство современных путешественников, если бы их пустили гулять по обширной территории, застроенной зданиями, без планов, без инструментов и без какого-либо представления о том, что от них ожидают научного описания.

Останки также демонстрируют — и это больше соответствует нашей цели — идею аллеи священных процессий, которая повторяется в Греции пятого века и действительно любима архитекторами в самые современные времена. Здесь зародыш градостроительства. Но распространялась ли эта планировка улиц за пределы основных магистралей, менее ясно. Раскопки Меркеса иногда показывают улицы, сходящиеся под прямым углом, и, по крайней

мере, один примерно прямоугольный *островок* размером 150 x 333 фута. Но соседние жилые блоки не совпадают ни по размеру, ни по форме, и, похоже, до сих пор не появилось ни малейшего намека на истинный рисунок шахматной доски.^[15]

Еще несколько свидетельств можно почерпнуть из других месопотамских стоянок. В городе Ашшур был длинный, широкий проспект, похожий на священную дорогу Вавилона, но на одном из *островков* его частных домов, который еще не был раскопан, спланирован и опубликован, нет никаких признаков прямоугольной планировки.^[16] Существуют также литературные свидетельства того, что Санхериб (765-681 гг. до н.э.) проложил "Королевскую дорогу" шириной 100 футов, чтобы облегчить передвижение по своему городу Ниневия, а Делич даже приписывает династии Саргонидов в целом (722-625 гг. до н.э.) заботу о жилищах простых людей, а также о богах и царях.^[17]

В заключение, курганы Вавилон и Каср, а также другие рядом с ними, по-видимому, представляют Вавилон как из фактов, так и из Геродота. Это был город меньше, чем утверждает греческий историк; его длина и ширина были ближе к четырем, чем к четырнадцати милям. Но здесь была по крайней мере одна прямая, просторная и далеко протянувшаяся магистраль, которая давала место для церемоний и процессий, если не для бизнеса или домашнего уюта, то для жизни. По крайней мере, в некотором смысле, его улицы были прямыми. Это был не единственный город такого рода в Месопотамском регионе. Ашшур и Ниневия, возникшие несколько раньше, чем Вавилон, обладали схожими чертами. Эти города, или, по крайней мере, Вавилон, по-видимому, были известны греческим путешественникам и, вероятно, подсказали им украсить свои эллинские дома похожими улицами. Зародыш греческого градостроительства пришел с востока.

ГЛАВА III

ГРЕЧЕСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО: ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ

Греческое градостроительство зародилось в великую эпоху Греции, в пятом веке до нашей эры, но в ту эпоху не испытывали особого сочувствия к подобному движению, и его зачатки были грубыми и узкими. Еще до середины века в Греции утвердилось использование дороги для процессий. Несколько позже стала известна и применялась реальная система градостроительства, основанная на пересечении улиц под прямым углом. Еще позже, в начале четвертого века, растущая забота о городской жизни привела к появлению городских подзаконных актов и специальных магистратов для их исполнения. В той или иной форме градостроительство теперь пустило корни в греческом мире.

Два главных города Греции действительно не приветствовали новое движение. И Афины, город, который сам по себе означает Грецию для большинства из нас, и Спарта, соперница Афин, остались совершенно нетронутыми этим. Как во времена Фемистокла и Перикла, так и во всей своей более поздней истории, Афины представляли собой почти восточную смесь великолепных общественных зданий с убогими и плохо сгруппированными домами. Часто цитируемое высказывание Демосфена выставляет этот вопрос в самом выгодном свете:

Великие люди древности строили великолепные здания для нужд государства и создавали благородные произведения искусства, с которыми последующие века никогда не смогут сравниться. Но в частной жизни они были суровы и просты, и жилище Аристида или Мильтиада было не более роскошным, чем у любого обычного афинского гражданина" (Третья олинфийская речь, 25).

Это то самое "стремление к красоте и экономии", которое Перикл (или Фукидид) восхвалял в Надгробной речи. У него есть и менее привлекательная сторона. Немало отрывков из греческой литературы более или менее ясно говорят об улицах Афин как об узких и извилистых, немощеных, неосвещенных и больше похожих на хаос грязи и нечистот, чем даже на обычные греческие дороги. В Спарте было хуже. Там ни общественные, ни частные здания не вызывали восхищения, и историк Фукидид отвернулся, чтобы отметить убогость города.

Тем не менее, искусство градостроительства в Греции, вероятно, зародилось в Афинах. Архитектор, которому древние авторы приписывают первый шаг, Гипподам Милетский, родившийся примерно в 480 году до н.э. или ранее, по-видимому, работал в Афинах и в связи с афинскими городами под покровительством Перикла. Точная природа его теорий не была зафиксирована ни одним из греческих писателей, которые упоминают его имя. Аристотель, однако, утверждает, что он ввел принцип прямых широких улиц и что он, прежде всего архитектор, позаботился о правильной группировке жилых домов, а также уделил особое внимание сочетанию различных частей города в гармоничное целое, сосредоточенное вокруг рыночной площади. Но, похоже, нет никаких доказательств того, что иногда делаются заявления о том, что ему нравился какой-либо особый план города в форме круга или полукруга, веерообразный.

Пирей (рис. 2).

Названия трех городов приведены в соответствии с планом Гипподама. Аристотель говорит нам, что он планировал Пирей, афинский порт, с широкими прямыми улицами. Он не уточняет точное соотношение этих улиц друг с другом. Если, однако, результаты недавних немецких исследований и догадок верны, и если они показывают нам его работу, а не — что, к сожалению, очень возможно — работу какого-нибудь более позднего человека, то его проект включал улицы, идущие параллельно или под прямым углом друг к другу, и прямоугольные кварталы домов; более длинные и предположительно более важные улицы шли параллельно берегу, в то время как более короткие улицы спускались под прямым углом к ним к набережным. Вот прямоугольная схема улиц, хотя очертания всего города не обязательно прямоугольные (рис. 2).

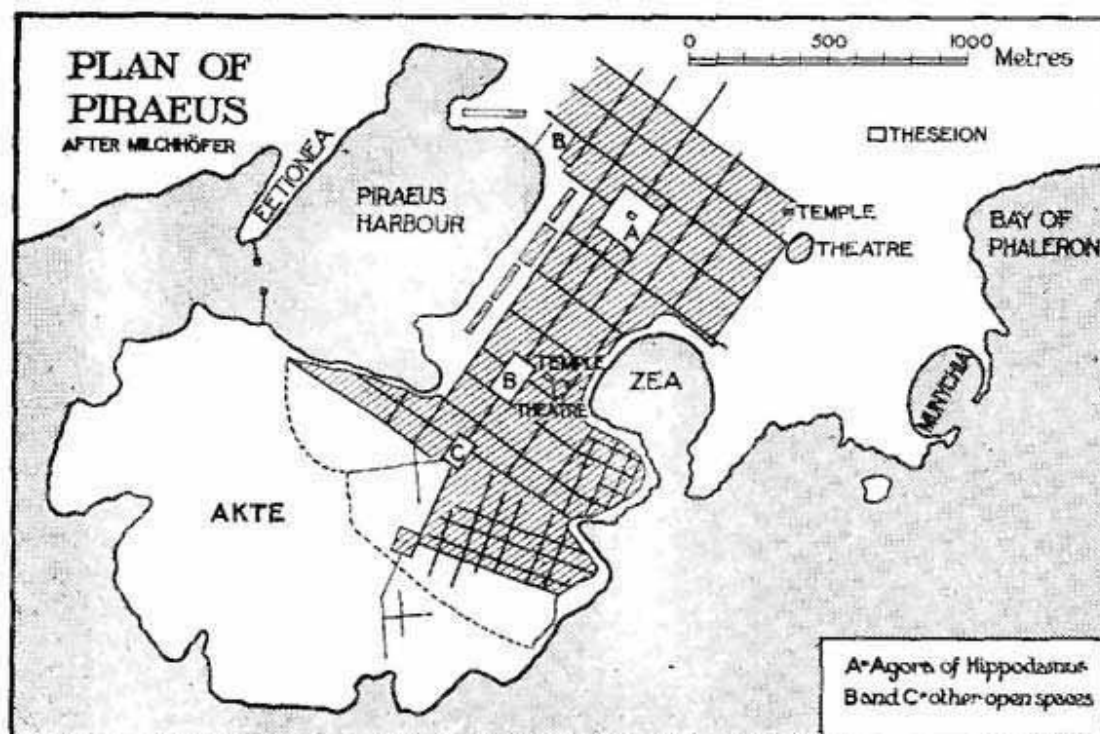

РИС. 2.
ПЛАН ПИРЕЯ

Турии.

Другой город, приписываемый Гипподаму, - это колония, которую афиняне и другие основали в 443 году до н.э. в Туриях на юге Италии, о которой сам Геродот, как говорят, был одним из первых колонистов. На его месте никогда не производились раскопки, и действительно, можно усомниться в том, что раскопки покажут план улицы 443 года до нашей эры или более поздней и, возможно, даже римской эпохи, когда город был заново колонизирован по римской системе. Но историк Диодор, писавший в первом веке до нашей эры и, без сомнения, воплощавший гораздо более древние материалы, сообщает соответствующую деталь. Город, по его словам, был разделен вдоль четырьмя улицами, а поперечных - тремя. Таким образом, очевидно, что у него была четкая прямоугольная планировка улиц, хотя краткость рассказа историка не позволяет нам определить, сколько в нем было жилых кварталов и насколько меньшие улицы были симметричны этим семи основным магистралям. В большинстве случаев, с которыми мы встретимся в следующих разделах этого трактата, количество улиц, идущих прямо или под прямым углом, намного превышает число, присвоенное Туриям. Я могу сослаться, например, на планы Прины, Милета и Тимгада.

Родос.

Третий город, приписанный Гипподаму, - Родос. Он, согласно Страбону, был заложен "архитектором Пирея"; согласно другим, он был построен вокруг гавани подобно трибунам древнего театра вокруг оркестра, то есть веером, как в Карлсруэ. Однако этот случай сомнителен. Родос был заложен в 408 году до нашей эры, через тридцать пять лет после посадки Турии и через семьдесят лет после приблизительной даты рождения Гипподама.

Возможно, но не совсем вероятно, что Гипподам все еще планировал строительство городов в своей глубокой старости, и по политическим соображениям маловероятно, что он планировал бы строительство на Родосе. Поскольку, однако, мы не знаем реальной даты его рождения, и поскольку Страбон конкретно не упоминает его имени, достоверность недостижима.^[18]

Если мы не можем точно сказать, как Гипподам планировал города или какие именно он планировал, то еще меньше мы знаем, насколько широко градостроительство по его или любой другой теории вошло в обиход при его жизни или даже до середины четвертого века. Лишь немногие греческие города были систематически раскопаны, хотя бы частично. Еще в меньшем количестве обнаружена планировка улиц, которая может быть датирована более ранним временем. Из того, что мы находим улицы в руинах древнего города, не следует, что они должны относиться к его самому раннему периоду. Этого нельзя сказать о городах любой эпохи, современной или средневековой, римской или греческой. Некоторые греческие города были основаны в древности, были перестроены в македонский период и снова перестроены в римский период. Без тщательных раскопок может оказаться невозможным отнести городской план такого места к его надлежащему месту среди этих трех периодов.

Однако у нас есть два случая в Селине на Сицилии и Кирене на северном побережье Африки, которые могут относиться к эпохе Гипподама. Их стоит описать, поскольку они иллюстрируют как трудность достижения вполне определенных выводов, так и систему, которая, вероятно, была создана в конце пятого - начале четвертого века.

Селинус (рис. 3).

Несколько лет назад итальянские археологи обнаружили в Селинусе, в так называемом Акрополе, город неправильной грушевидной формы с четким, хотя и не полностью раскопанным планом города. Две главные магистрали тянулись прямо из конца в конец и пересекались под прямым углом (рис. 3), причем более длинная из этих магистралей была всего четверть мили в длину и 30 футов в ширину. От этих двух главных улиц под прямым углом отходили другие, более узкие (шириной 12-18 футов); в результате получился прямоугольный план города, хотя и не похожий на шахматную доску. К сожалению, датировать его невозможно. Селин был основан в 648 году до нашей эры, был разрушен в 409 году, затем вновь заселен и отстроен заново и, наконец, разрушен навсегда в 249 году. Следовательно, его градостроительство может относиться к седьмому веку до нашей эры или (и это наиболее вероятный вывод) ко временам процветания Селинунта незадолго до 409 года, когда город рос и на его восточном холме возвышался великий храм Зевса или Аполлона. Или опять же, хотя и с меньшей вероятностью, это могло быть введено после 400 года. Мы можем заключить, что перед нами явный пример градостроительства, и лучше всего отнести его к более поздней части пятого века.^[19]

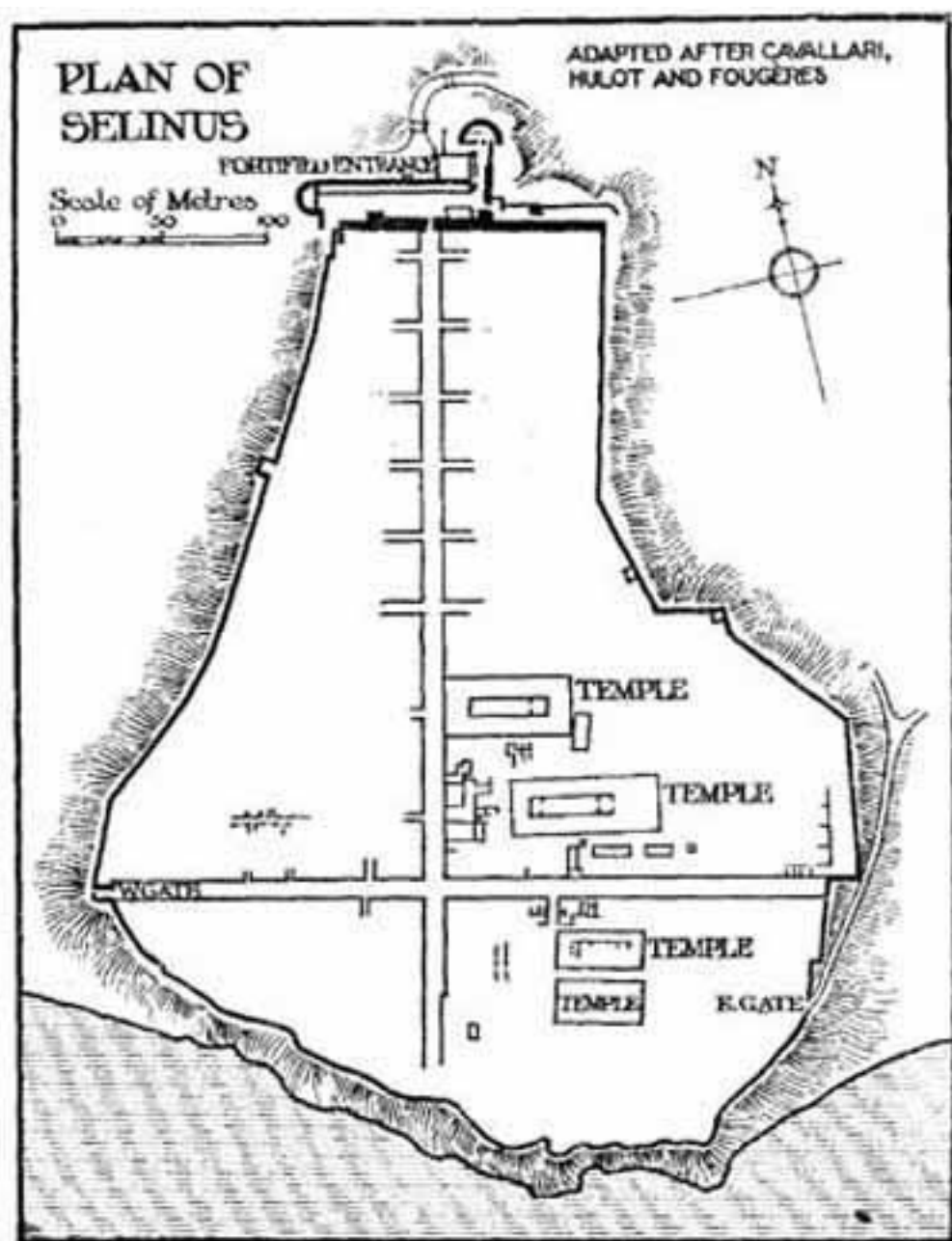

РИС. 3.
ПЛАН СЕЛИНУСА

Кирена (рис. 4).

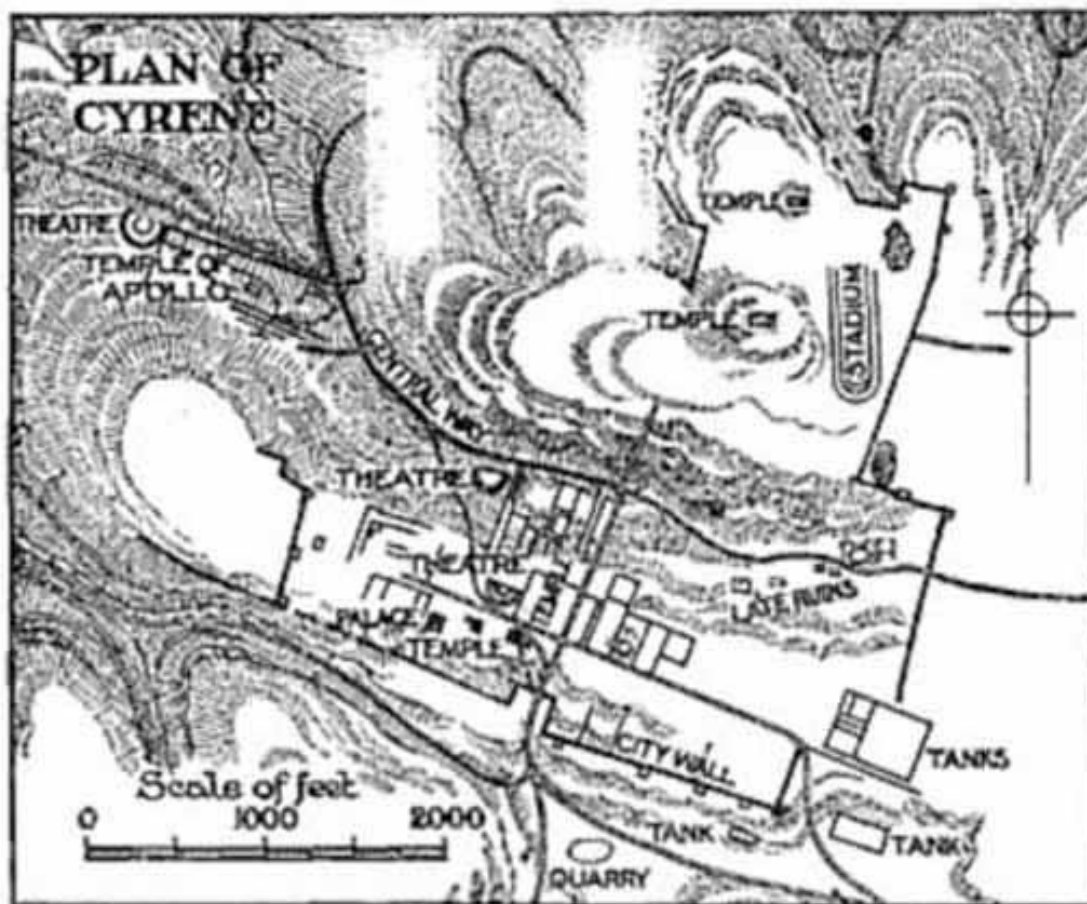

РИС. 4.
ПЛАН КИРЕНЬ

В Кирене исследования двух английских археологов около 1860 года выявили план города, основанный, как и план Селина, на двух главных улицах, пересекавшихся под прямым углом (рис. 4). Однако здесь другие улицы, по-видимому, не были спланированы равномерно под прямым углом к двум основным магистралям, и поэтому прямоугольная схема менее полная и определенная, чем в Селинусе. Кирена, к сожалению, похожа на Селин в другом отношении, поскольку у нас нет точных сведений о дате, когда были проложены ее главные улицы. Он был основан где-то в седьмом веке до нашей эры, и Пиндар в оде, написанной около 466 года до нашей эры, упоминает там большую дорогу для процессий. Была ли это одна из двух упомянутых выше дорог, неясно. Но это маловероятно, поскольку дорога Пиндара, по-видимому, вообще не проходила внутри города.^[20]

В этих двух случаях и в одном или двух других, которые можно отметить из того же или более позднего времени, схема города включает прямоугольные элементы, не имеющие какого-либо строгого сходства с рисунком шахматной доски. Доминантой является длинная прямая улица, огромной ширины и великолепия, которая служила не столько главной артерией города, сколько фасадом для величественных зданий и маршрутом для торжественных процессий. Здесь, почти как в Вавилоне, мы имеем эффектный элемент, который любят архитекторы, но которого самого по себе недостаточно для правильного расположения города. Длинные и просторные улицы, подобные тем, о которых идет речь, можно было бы легко объединить, как

это действительно происходит в некоторых современных городах южной Европы и Азии, с убогими и плохо сгруппированными жилыми домами. Сам Гипподам стремился к чему-то гораздо лучшему, как говорит нам Аристотель. Но только после 350 г. до н.э. или какой-то приблизительной даты жилые дома были действительно устроены и сгруппированы по определенной системе.^[21]

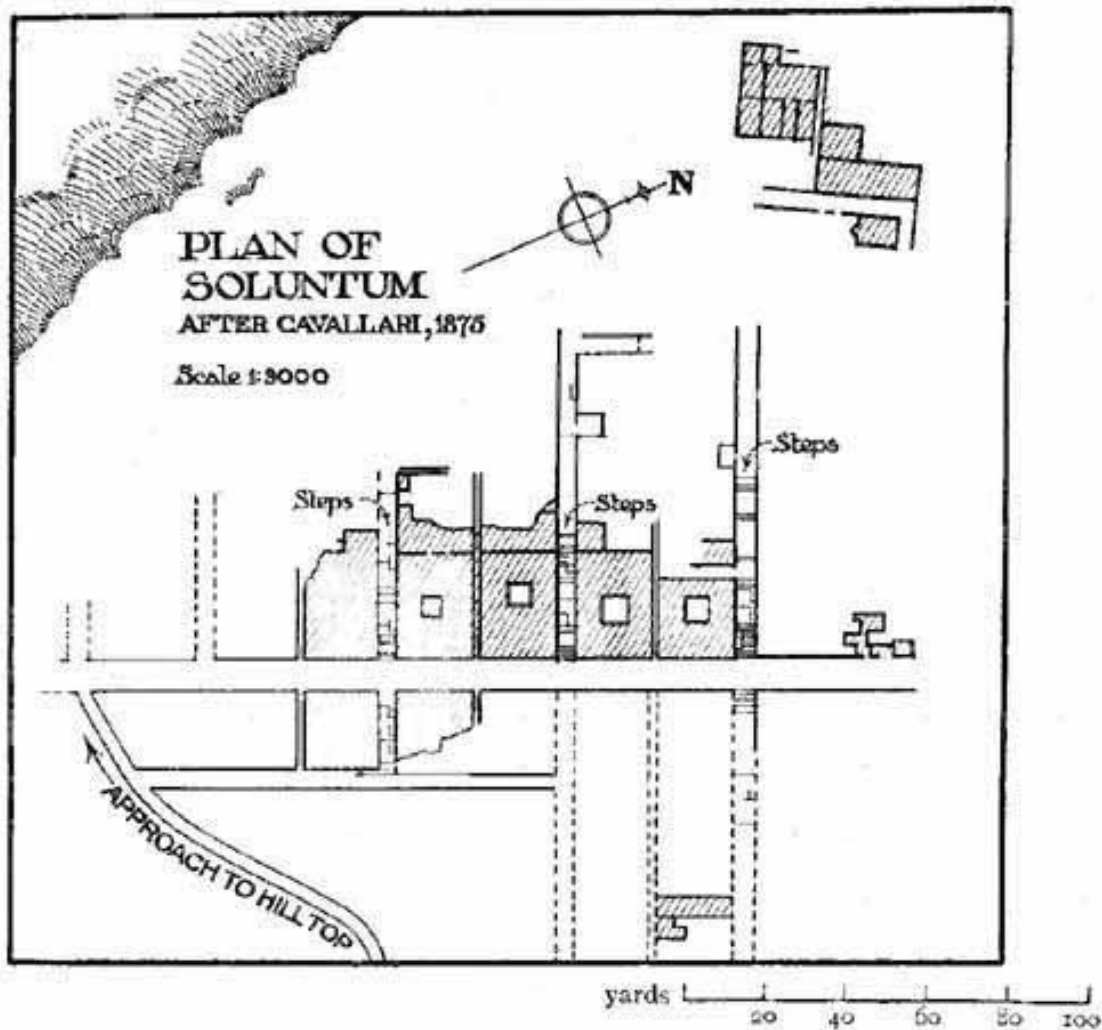

РИС. 5.
СОЛУНТУМ

Однако, вероятно, в первой половине четвертого века греческие города начали принимать подзаконные акты, касающиеся полиции, уборки мусора и общего общественного порядка на своих рынках и улицах, а также учредили *Agoranomi* для контроля рынков и *Astynomi* для контроля улиц. Эти чиновники впервые появляются в надписях после 350 года, но упоминаются в литературе несколько раньше. В отчете об афинской конституции, приписываемом ранее Ксенофону и написанном (как сейчас принято считать) около 430-424 гг. до н.э., кратко упоминается судебное преследование тех, кто строил на общественной земле, то есть (по-видимому) тех, кто посягал на улицы. Но в нем ничего не говорится о конкретных офицерах, астиноми или других. Однако Платон в своих "Законах", которые, должно быть, датируются

немного раньше его смерти в 347 году, несколько раз упоминает о таких чиновниках. Они должны были присматривать за частными домами, "чтобы все они были построены в соответствии с законами", а также следить за порядком и чистить дороги и водоканалы как внутри города, так и за его пределами. Запрет на балконы, нависающие над общественными улицами, и выступающие на них веранды также упоминается у двух или трех авторов четвертого века и, как говорят, восходит к гораздо более ранней дате, хотя его древность, вероятно, была преувеличена.^[22]

Муниципальные подзаконные акты, о которых свидетельствуют эти отрывки, явно вошли в обиход раньше, хотя, возможно, и незадолго до середины четвертого века. Они не имеют прямого отношения к градостроительству; они затрагивают строительные нормы лишь как одну из многих тем, и эти нормы таковы, какие могли быть приняты и во многих случаях принимались там, где градостроительство было неизвестно. Но они являются естественными предшественниками интереса к градостроительству. Как в современной Англии, так и в Греции четвертого века их появление свидетельствует о росте заботы о упорядоченной городской жизни и муниципальном благополучии, что напрямую ведет к более тщательному и методичному надзору за городом как за организованным сочетанием домов и групп домов.

Расставаясь с этим раннегреческим градостроительством, мы должны признать, что в целом мы мало о нем знаем. Было такое: среди его главных особенностей была забота о величественных проспектах: его главным архитектором был Гипподам. Таким образом, многое ясно. Но за исключением того, что планы Мильхефера воспроизводят Пирей 450 или 400 года до н.э., мы не можем различить ни форму, ни размер жилых кварталов, ни группировку, принятую для любого из обычных зданий, ни схему обычных дорог. Мы можем даже задаться вопросом, имели ли подобные вещи большое значение в градостроительстве того периода.

ГЛАВА IV

ГРЕЧЕСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО: МАКЕДОНСКАЯ ЭПОХА, 330-130 гг. до н.э.

Македонская эпоха принесла с собой если не новый, то, по крайней мере, более систематический метод градостроительства. Это была эпоха, когда Александр и его македонская армия завоевали Восток, а его преемники в течение нескольких поколений правили Западной Азией, когда македонцы и греки стекались во вновь открытый мир, а греко-македонские города были разбросаны в ошеломляющем количестве по всей его длине и ширине. Большинство из этих городов выросли полноценными; нередко их первыми гражданами были уволенные македонские солдаты из армий Александра и его преемников. Карта Турции в Азии изобилует ими. Их легко узнать по именам, которые часто были взяты из имен Александра, его полководцев и преемников, их жен, дочерей и родственников. Таким образом, один из самых молодых полководцев Александра, впоследствии Селевк I, иногда называемый Никатором, основал несколько городов под названием Селевкия, по крайней мере три - Апамея, а другие - Лаодикия и Антиохия, записав таким образом себя, свою иранскую жену Апamu, свою мать Лаодику и своего отца Антиоха, а его преемники, по-видимому, добавили другие города, носящие то же название. Действительно, две трети названий городов, которые

занимают видное место в более поздней истории Малой Азии и Сирии, относятся к эпохе Александра и его македонян.

Многочисленные находки показывают, что эти города были спланированы с использованием правильной схемы улиц в виде шахматной доски. Этот метод градостроительства теперь прочно вошел в европейский мир. Не зафиксировано ни одного архитектора или государственного деятеля, который изобрел бы его или систематически поощрял. Сам Александр и его архитектор, некто Динократ Родосский или, возможно, Македонский, по-видимому, использовали его в Александрии в Египте, и это, возможно, установило моду. Через семь лет после смерти Александра он повторяется в Никее в Вифинии, который был заново основан одним из преемников Александра в 323 году до нашей эры и был построен таким образом. Но ни один древний писатель не приписывает ни основателю, ни архитектору Александрии, ни основателю Никее какой-либо конкретной теории на этот счет. Если мода на шахматную доску становится сейчас, с кажущейся внезапностью, общим — хотя и не универсальным — правилом, то это, вероятно, результат событий, описанных в предыдущей главе. Приближения к планированию на шахматной доске кое-где применялись за столетие до Александра. Когда его завоевания и их сложное продолжение привели, среди прочего, к основанию множества новых городов, было естественно, что для общего пользования была выбрана наиболее определенная форма планировки.

Мы могли бы, однако, задаться вопросом, способствовал ли его принятию военный характер генералов, основавших эти города, и уволенных в запас солдат, которые стали первыми жителями столь многих из них. Военные редко испытывают отвращение к жесткости. В этой связи стоит отметить, что когда планирование на шахматной доске вошло в обиход в Римской империи, многие — возможно, большинство — городов, к которым оно применялось, были "колониями", укомплектованными солдатами с истекшим сроком службы. Точно так же в средние века и даже в сравнительно новое время города с прямоугольными планировками улиц в северной Италии, в Провансе, в долине Рейна по большей части были так или иначе связаны с военными нуждами.^[23] В наши дни прямоугольная планировка является доминирующей чертой крупнейших и новейших промышленных городов. Они приспособливают военное устройство к целям индустриальной эпохи.

Приен (рис. 6-8).

Лучший пример новой системы, возможно, не самый известный. Приене был маленьким городком на восточном побережье Эгейского моря. Над ним возвышался высокий хребет Микале; Милет выходил к нему через устье реки; Самос возвышался к морю на западе. В свои первые тусклые дни он примостился на утесе, выступающем из нависающей горы; там началась его жизнь, мы едва ли знаем, когда, на заре греческой истории. Но он был изношен в пятом веке между верхним и нижним жерновом соперничающих держав Самоса и Милета. В начале македонской эпохи его восстановили. Старый Акрополь был заброшен. Вместо этого широкая наклонная терраса, или, точнее, серия террас, ближе к подножию холма, была застроена общественными зданиями — Агорой, Театром, Стоа, Гимнастическим залом, храмами и так далее - и частными домами. Все это занимало площадь около 750 ярдов. в длину и 500 ярдов. в ширину. Следовательно, Приен был примерно вдвое меньше Помпей (стр. 63). Здесь было, по подсчетам землекопателей, около 400 индивидуальных жилых домов, а население, возможно, составляло 4000 человек.

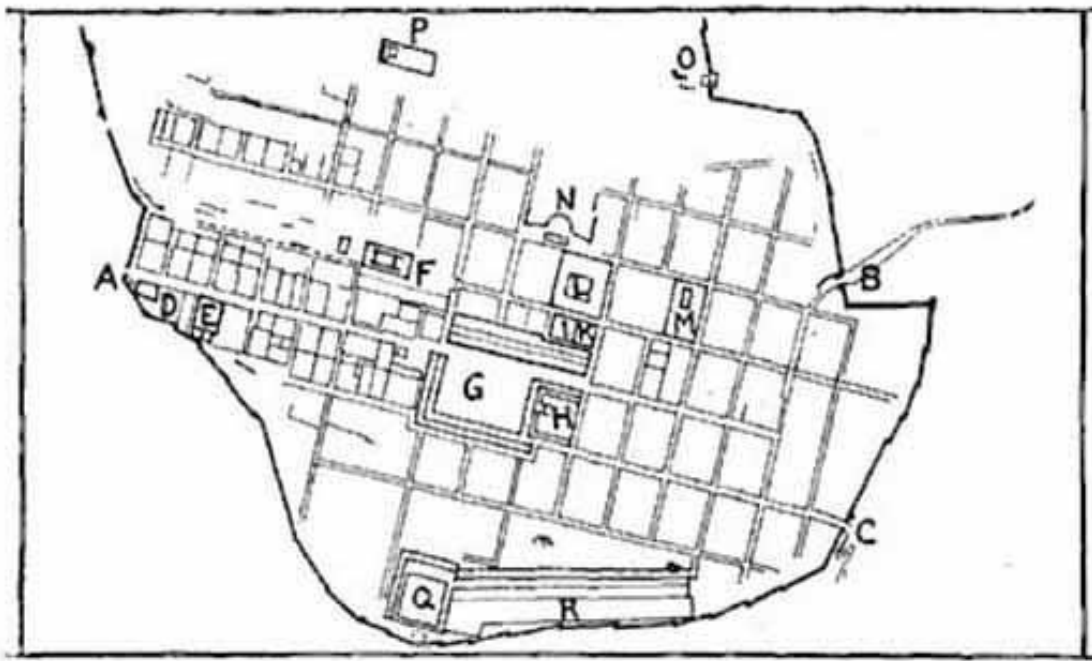

РИС. 6.

ОБЩАЯ СХЕМА ПРИЕНА

А, В, С. Ворота. D, E, F, H, M, P. Храмы (см. рис. 7). Г. Агора, рынок. I. Дом совета, К. Пританион. L, Q. Гимназия. N. Театр, О. Водохранилище, R. ипподром.

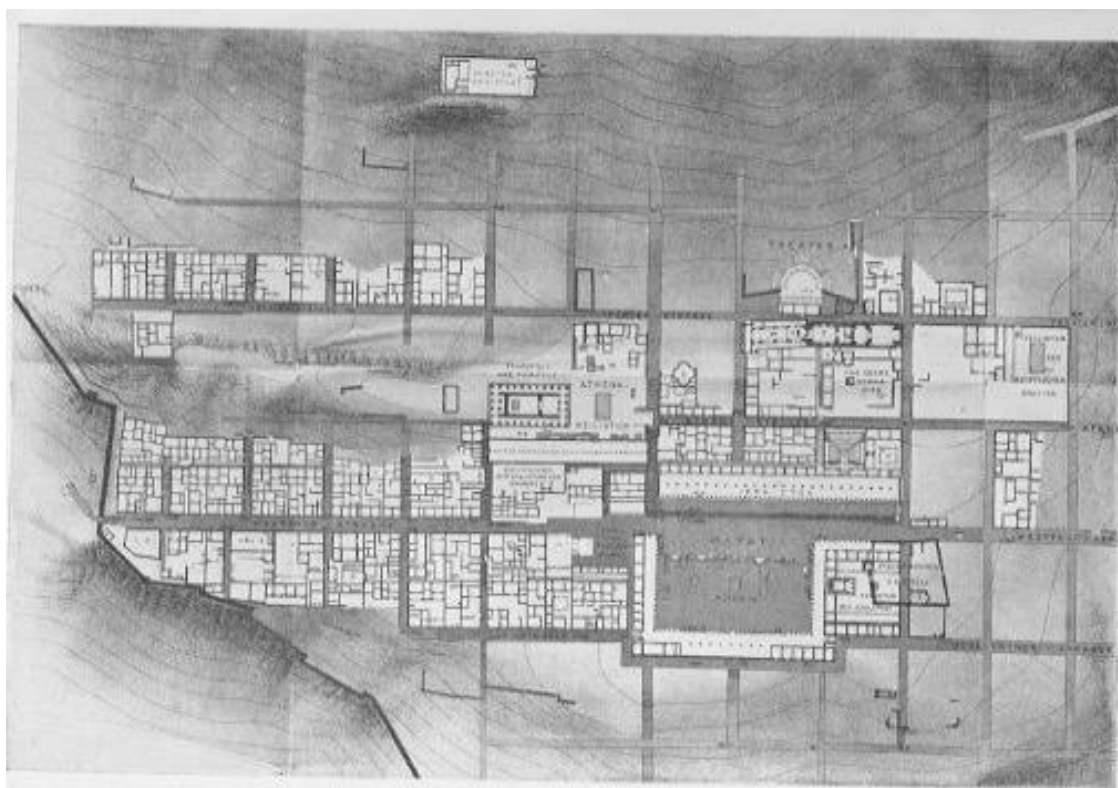

РИС. 7.
ЧАСТЬ ПРИЕНА, РАСКОПАННАЯ В 1895-8 гг.
(С большого плана Виганда и Шрейдера.)

РИС. 8.
ПРИНЕ, ПАНОРАМА ГОРОДА
(Восстановлена Циппелиусом.)

В центре находилась Агора, или рыночная площадь, с храмом и другими большими зданиями, выходящими на нее; вокруг них располагались другие общественные здания и около восьмидесяти кварталов частных домов, каждый квартал в среднем имел размеры 40 x 50 ярдов. и состоял из четырех или пяти домов. Более широкие улицы, редко превышавшие 23 фута в ширину, тянулись на одном уровне вдоль террас и параллельно друг другу. Другие, более узкие улицы, обычно шириной около 10 футов, поднимались под прямым углом вверх по склонам со ступенями, похожими на те, что были в старом Скарборо или Ассизи.^[24] Весь район еще не исследован, и мы не знаем, были ли дома меньше или больше, богаче или беднее в одном квартале, чем в другом, но регулярность планировки улиц, безусловно, распространялась на весь участок.

Несмотря на это продуманное и систематическое расположение, никаких ярких художественных эффектов, по-видимому, не было предпринято. Ни с одной улицы не открывается вид на величественные здания. Никакие площади, кроме площади Агоры — 120 на 230 футов внутри опоясывающей колоннады, — не обеспечивают открытых пространств, где можно сгруппировать более крупные здания и как следует рассмотреть их. Открытые пространства, действительно, такие, какие мы встречаем в средневековой Италии и Италии эпохи Возрождения или в современных английских городах постройки восемнадцатого века,

были очень редки в Прине. Сады тоже, должно быть, почти полностью отсутствовали. В районе, который еще не исследован, едва ли хоть у одного жилого дома был сад или приусадебный участок.^[25]

Милет (рис. 9).

Мастерство немецких археологов показало, что означало градостроительство в небольшом городке, перестроенном в александрийский период. Ни на одном другом участке пока не было обнаружено ни одного даже приблизительно полного примера. Но раскопки в соседнем и более известном городе Милет обнаружили там аналогичную планировку улиц. В одном квартале, единственном, который еще не был полностью раскопан, улицы пересекались под прямым углом и окружали правильные кварталы жилых домов размером 32 x 60 ярдов. (по данным экскаваторов), но разделен на блоки площадью около 32 ярдов. квадратные (рис. 9). Эти блоки несколько отличаются по форме от блоков из Прине, которые более близки к квадратным; более сомнительно, отличаются ли они по дате. Они определенно относятся не ранее македонской эры, и один немецкий археолог относит строительство или перестройку этого квартала Милета к "позднему эллинистическому" и, по-видимому, римскому периоду после Приены. Несомненно, в Милете сохранилось много римских работ; однако, кажется, нет достаточных оснований относить строительные блоки, показанные на рис. 7, к какой-либо другой дате, кроме некоторой части македонского периода. Несмотря на различную форму, они не очень сильно отличаются по фактической площади от домов в Прине. Они несколько меньше, но всего примерно на 60 квадратных ярдов. на каждом участке среднего размера.^[26]

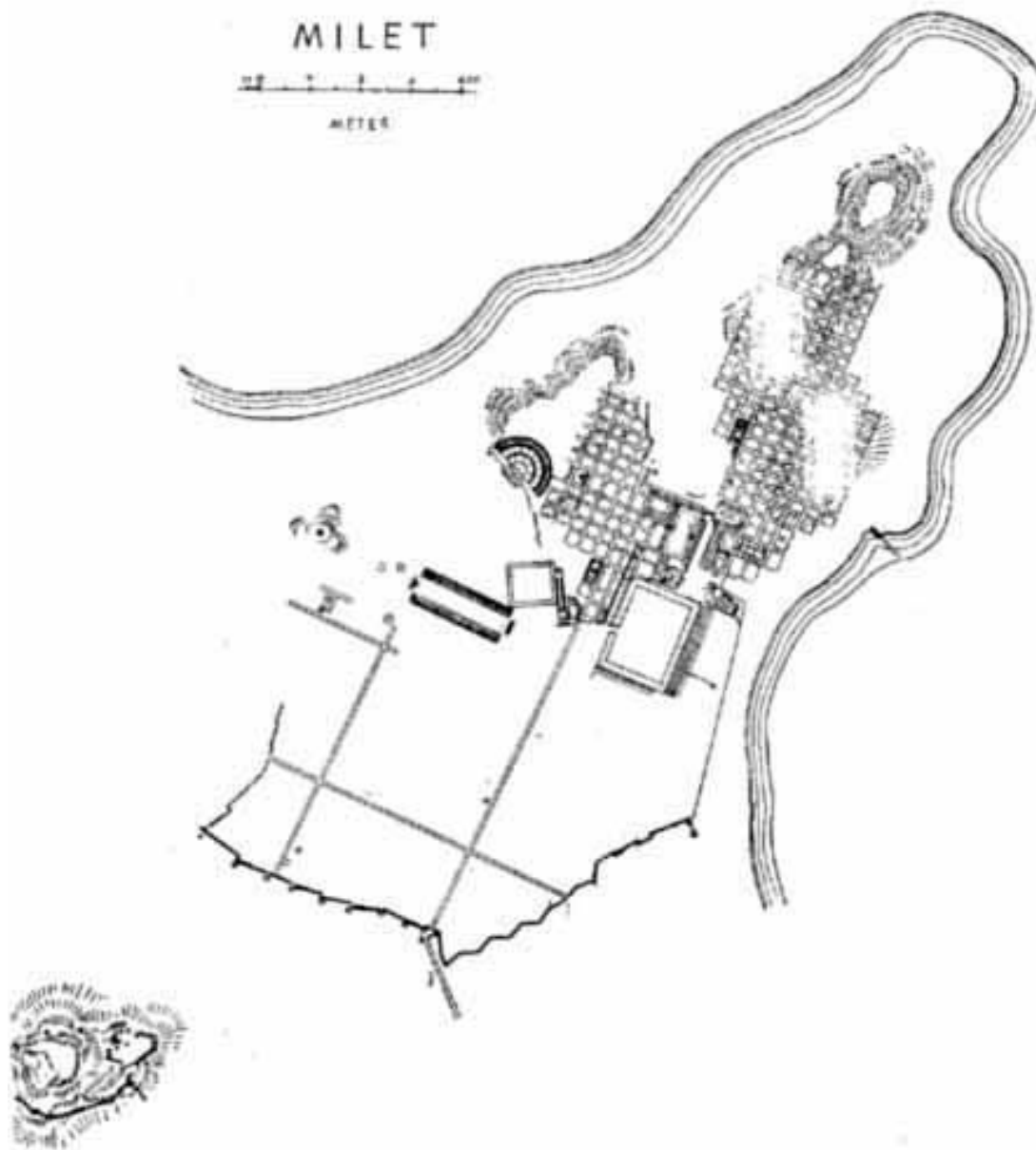

РИС. 9.
МИЛЕТ, РАСКОПАННЫЙ ВИГАНДОМ
(*Archäologischer Anzeiger*, 1911, стр. 421.)

Александрия.

Еще более знаменитый город, основанный самим Александром, определенно описан древними авторами в виде такой же квази-шахматной доски, с одной длинной магистралью, Канопик-стрит, проходящей через него из конца в конец примерно на четыре мили.^[27] К сожалению, детали плана неизвестны с какой-либо уверенностью. Раскопки были проведены по наущению Наполеона III в 1866 году арабским археологом Махмудом Беем эль Фаллаки и, по его словам, показали правильную прямоугольную схему, в которой семь улиц пролегали на восток и запад, а тринадцать - на север и юг под прямым углом к ним. Считалось, что жилые кварталы, разделенные этими улицами, несколько различаются по размеру, но в целом имеют размеры

примерно 300 x 330 метров.^[28] Однако более поздние исследования не подтвердили планы Махмуда. Раскопки мистера Хогарта и М. Ботти свидетельствуют о том, что многие из его линий неверны и что даже его Канопическая улица проложена неправильно. Мистер Хогарт, действительно, приходит к выводу, что "сейчас бесполезно анализировать его работу; те, кто хотел бы рассматривать Александрию с научной точки зрения, должны игнорировать его и начать с нуля". Более поздние раскопки, проведенные доктором Ноаком в 1898-9 годах, по-видимому, показали, что древние улицы, которые сейчас можно проследить под Александрией, относятся к римской эпохе, хотя они, конечно, могут следовать более старым линиям, и что, если некоторые пункты в планах Махмуда, возможно, верны, ошибки и упущения серьезны. Мы можем принять как достоверное утверждение, что Александрия была спланирована по прямоугольному плану города; мы не можем с уверенностью предположить, что Махмуд дал точную картину этого.^[29]

Никея.

Приена, Милет и Александрия представляют собой более или менее известные примеры македонского градостроительства. Они могут быть подкреплены множеством менее известных примеров, подтвержденных литературой или реальными останками. Один из наиболее характерных городов известен нам из литературы - Никея в Вифинии, основанная одним из македонцев в 316 году до н.э. и переименованная другим несколько лет спустя в честь его жены Никеи. Страбон, писавший около 15 года н.э., описывает это, и его описание, без сомнения, относится к сооружениям более древним, чем римляне. По его словам, он образовывал идеальный квадрат, каждая сторона которого имела размер в четыре стадия, чуть более 800 ярдов. С каждой стороны — по-видимому, в середине каждой стороны — было по одним воротам, а улицы внутри стен располагались под прямым углом друг к другу. Человек, стоявший в определенном месте посреди Спортзала, мог видеть прямо все четыре выхода.^[30] Вот рисунок шахматной доски в определенной форме, хотя центральная часть города, возможно, была спланирована скорее под влиянием зрелищного эффекта, чем геометрии.

Сикион, Фивы и др.

План другого македонского города можно найти в Сикионе, немного западнее Коринфа. Этот древнегреческий город был перестроен Деметрием Полиорцетом около 300 года до нашей эры и описан греческим писателем первого века до нашей эры как имеющий правильную планировку и пересекающиеся под прямым углом дороги. Фактические остатки этого места, частично исследованные английскими и французскими археологами в начале девятнадцатого века, показывают, что некоторые улицы проходят с математической прямоотой с северо-востока на юго-запад, а другие - с северо-запада на юго-восток.^[31] Эти улицы действительно могут относиться к периоду, когда Сикион был главным городом римской провинции Ахайя, периоду (то есть) между падением Коринфа в 146 году до н.э. и его восстановлением всего столетие спустя. Но это была не та эпоха, когда такая перестройка, вероятно, была осуществлена. Как бы дружелюбно ни проявляло себя республиканское правительство Рима по отношению к Элладе в других отношениях, нет оснований думать, что оно тратило деньги на градостроительство в греческих городах. Гораздо более вероятно, что план города Сикион датируется македонцами.

К той же македонской эпохе мы, возможно, можем отнести строительство или, скорее, перестройку беотийских Фив, которые человек, выдающий себя за современного писателя по имени Дикеарх, описывает как "недавно разделенные на прямые улицы".^[32] К тому же периоду

Страбон определенно относит более новый город Смирну, лежащий на равнине недалеко от гавани. По его словам, это произошло благодаря трудам македонян, Антигона и Лисимаха.^[33] Мы, возможно, могли бы отнести к тому же периоду градостроительство Митилены на Лесбосе, которое Витрувий упоминает как столь великолепное и столь нездоровое, если бы его объяснение его нездоровости не предполагало скорее веерообразных очертаний, чем квадратных. По его словам, это было невыносимо, какой бы ветер ни дул. При южном ветре, ветре сырости и дождя, все заболели. При северо-западном ветре все кашляли. При северном ветре никто не мог выйти на улицу из-за его ледяных порывов.^[34] Улицы, которые были открыты на север, северо-запад и юг, одинаково похожие друг на друга, можно было найти только на плане города, выполненном в виде веера. Но, возможно, Витрувий выбрал только три эпидемии Лесбоса.

В других случаях, вероятно, использовалась та же планировка, хотя известные пока свидетельства показывают только прямоугольный план главных улиц, такой, какой мы встречали в докремакедонской Греции. В самой Македонии, в Фессалониках, заложенных, возможно, около 315 года до нашей эры, была по крайней мере одна главная улица, идущая на юг к морю, и еще две, идущие на восток и запад под прямым углом к ней.^[35] В Азии примерами могут служить два сирийских города, которые занимают места, закрытые для эллинской культуры до Александра. Апамея на Оронте была построена македонянами, сразу приобрела значение и сохранила свое бурное процветание на протяжении всей Римской империи; в 6 году нашей эры она была "пронумерована" Сульпицием Квиринием, тогдашним губернатором Сирии, и перепись показала, что в городе и прилегающей к нему "территории" поселилось до 117 000 граждан. Его руины, по-видимому, появились в основном раньше римлян, а его улицы вполне могут датироваться временами его македонских основателей. По очертаниям он представляет собой неправильную продолговатую форму, почти английскую милю в длину и варьирующуюся в ширину от половины до двух третей мили. Широкая и прямая улица, на всем протяжении обрамленная колоннадами, тянется из конца в конец по всей своей длине и проходит по меньшей мере мимо пяти величественных зданий, которые, по-видимому, являются храмами и дворцами царей Селевкидов. Две другие улицы пересекают эту главную улицу под прямым углом. Проходили ли по тем же линиям улицы поменьше, можно определить только с помощью раскопок. Было бы опрометчиво так думать.^[36]

Дальше к югу, на краю Хаурана, стоял город Гераса. Он тоже, как и Апамея, был построен македонцами и процветал не только в их дни, но и в последующую римскую эпоху. Его общие очертания были яйцевидными, наибольший диаметр - три четверти мили, площадь — около 235 акров - почти столько же, сколько у римского Кельна и римского Сайренчестера. Его улицы напоминали улицы Апамеи. С севера на юг прямо проходило шоссе с колоннадами; две другие улицы пересекались под прямым углом, и его главные общественные здания, Храм Солнца и три других храма, два театра и две общественные бани, стояли рядом с этими тремя улицами (рис. 10). И снова свидетельства подтверждают прямоугольное градостроительство в общих чертах; только раскопки могут рассказать об остальном.^[37]

РИС. 10.
ГЕРАСА

В только что описанных городах отличительной чертой является расположение улиц в виде шахматной доски и прямоугольных жилых кварталов. Это, конечно, та особенность, которая больше всего беспокоит нас здесь. Возможно, это не выглядело таким доминирующим для их строителей и жителей. Города, которые основали македонцы, нередко были богатыми и большими; некоторые из них были столицами могущественных и деспотических правителей. В таких городах мы ожидаем увидеть великолепные общественные здания, храмы, дворцы. Неудивительно, что иногда те, кто их выращивал, заботились исключительно о впечатляющем скоплении великолепных сооружений и забывали о частных домах и общем плане города.

Пергам.

Одним из таких примеров македонской эпохи, возможно, самым поучительным, который мы могли когда-либо надеяться получить,^[38] является Пергам на северо-западе Малой Азии. Он был тщательно исследован немецкой наукой; его остатки великолепны; его главные здания относятся к эпохе, когда градостроительство стало привычным для греческого мира. Около 300 года до н.э. это был город на холме, где македонский вождь мог подарить военный сундук. Он

стал густонаселенным и великолепным в третьем и втором веках до нашей эры при царях Атталидах; более поздние строители, Август, Траян или кто-то другой, мало что добавили ни к его общему дизайну, ни к его архитектурному великолепию. Доминирующей идеей было построение полукруга из огромных зданий, венчающих гребень и внутренние склоны высокого хребта в форме полумесяца. У северной и самой высокой оконечности этого хребта стоял дворец князей Атталидов, впоследствии погребенный под храмом в честь Траяна. Следующей, к югу, находилась Библиотека с запасниками папирусов, которые, возможно, стоят для мира больше, чем вся архитектура Пергама. В середине полумесяца находилось святилище Афины, богини Пергама, а рядом с ним - Алтарь Зевса Спасителя, гигантских размеров, великолепной скульптуры, сам по себе равный Акрополю. Наконец, на южной, или нижней оконечности хребта располагались храм Диониса и Агора для Собраний.

Эти здания окружали вершину холма величественным полукругом; под ними в склонах был высечен театр и терраса в 250 ярдах длиной. Лонг поддерживался контрфорсами на крутых утесах. Еще ниже, под Агорой, город простых людей располагался на нижнем склоне холма в таком порядке или беспорядке, какой позволяла его крутизна. Здесь не было обычного градостроительства. Только еще более низкий и более поздний город, построенный во времена римской империи на более или менее ровных пространствах у ручья Селин, по-видимому, был построен в виде шахматной доски.^[39] Цари Атталидов, основатели Пергама, заботились только о великолепных зданиях, великолепно украшенных. Если крутые склоны холмов не позволяли пройти прямым и широким проспектам для процессий, как в некоторых других греческих городах, то вместо этого они увенчивали свои вершины полумесяцем храмов и дворцов, которым не было равных на берегах Эгейского моря.

Однако даже в Пергаме были свои строительные законы и подзаконные акты для защиты повседневной жизни. Пергаменская надпись содержит часть "Царского закона", который, по-видимому, датируется одним из правителей Атталидов. Он несовершенно. Но мы можем узнать некоторые пункты, для которых он был предусмотрен. С домами, которые упали или угрожали упасть на общественную улицу, или которые иным образом пришли в упадок, могли разбираться астиноми; если их владельцы не могли отремонтировать их, эти магистраты должны были сами устранить дефекты и взыскать с владельцев стоимость и сверх нее штраф; если астиноми пренебрегали своим долгом, за дело должны были взяться вышестоящие магистраты, стратеги. Улицы должны были убираться теми же Астиноми. В черте города были категорически запрещены кирпичные поля. Ширина дорог за пределами города была фиксированной, и владельцы прилегающих земель несли ответственность за их ремонт, и, возможно, существовало какое-то аналогичное правило, не сохранившееся в надписи, для дорог внутри стен; в Прине, похоже, эти последние находились на попечении муниципалитета. Были также предусмотрены средства для ремонта общих стен, разделявших дома, принадлежащие двум владельцам, а также для предотвращения появления сырости там, где два дома стояли бок о бок на склоне, а стена нижнего дома упиралась в почву под верхним домом.^[40]

Эти правила очень похожи на те, которые использовались до 330 г. до н.э. (стр. 37). Только они более проработаны, и важно, что надписи начинаются с македонского и более поздних времен, чтобы дать больше и полнее подробностей о характере этих законов и о существовании во многих городах чиновников для их исполнения. Неудивительно обнаружить, что римское

законодательство времен Цезаря и ранней империи применяет эти или очень похожие правила к местному самоуправлению римских муниципалитетов Империи (стр. 137).

Градостроительство, описанное выше, было настолько распространено в македонском мире, что литература того периода, даже в своих обыденных фразах и случайных сравнениях, говорит о городах как о нормально спланированных таким образом. В качестве иллюстрации будет достаточно двух примеров от двух очень разных авторов. Полибий, писавший где-то около 150 г. до н.э., в хорошо известных главах описал схему римского лагеря и в заключение сделал примерно такой вывод: "Поскольку это так, то весь контур лагеря можно охарактеризовать как прямоугольный, четырехсторонний и равноплощадочный, в то время как детали планировки улиц и их общее расположение в точности аналогичны городским" (VI. 31, 10). Он сравнивал греческий город, каким он знал его у себя на родине, с лагерем римской армии; он нашел в этом городе самую меткую и простую параллель, которую только мог представить своим читателям. Гораздо более поздний писатель, живший в совсем другой среде и занимавшийся совсем другим предметом, тем не менее подпал под влияние тех же идей. Несмотря на свое "мрачное презрение" ко всему греческому и римскому, святой Иоанн, когда хотел изобразить Святой Град Иерусалим, центр Нового Неба и Новой Земли, изобразил его как город, раскинувшийся на четыре стороны, в длину равный ширине, и в который входят двенадцать ворот: "на востоке трое ворот, на севере трое ворот, на юге трое ворот и на западе трое ворот".^[41]

Примеры и предметы, упомянутые в предыдущих параграфах, относятся к греческому миру и Римской империи. Возможно, нам следовало бы продолжить наши рассуждения и спросить, повлияла ли эта мощная система на чужие земли и сохранила ли македонская армия план города своей эпохи в более или менее совершенной форме по мере своих завоеваний. Александр разместил множество солдат на землях, которые должны были образовать его восточные и северо-восточные границы, как бы против центральноазиатских кочевников. Мерв и Герат, Коканд и Кандагар,^[42] считалось — и, похоже, считалось не без оснований — что они относятся к македонской эпохе и в свой первый период носили название Александрия. Но ни один Аурел Штайн до сих пор не обнаружил их руин, и предположения о них — всего лишь предположения.

ГЛАВА V

ИТАЛЬЯНСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. ИСТОКИ

Если греческое и македонское градостроительство достаточно хорошо известно, то Римская империя предлагает еще большую массу определенных фактов, как в Италии, так и в провинциях. Истоки, естественно, покрыты мраком. Мы можем проследить, как система работала в полную силу на заре существования Империи; мы не можем проследить этапы, по которым она росла. Свидетельства чего-то, напоминающего городское планирование по прямоугольной схеме, можно отметить в двух или трех уголках ранней итальянской истории — сначала в доисторическом бронзовом веке, затем в гораздо более позднем этрусском городе и, в-третьих, в одном или двух местах средней Италии, связанных с третьим или четвертым веком до н.э. Эти свидетельства скудны и частично неопределенны, и их отношение к нашей

проблеме не всегда ясно, но они заслуживают места в описании итальянского градостроительства. К ним следует добавить, в-четвертых, важные свидетельства, указывающие на использование системы, близкой к градостроительству в самом раннем Риме.

Терремаре (рис. 11).

(i) Мы начинаем с бронзового века, где-то между 1400 и 800 годами до нашей эры, среди так называемого Терремара. Пигорини, Кьеричи и другие компетентные итальянцы исследовали более сотни этих странных поселений. Большинство из них происходит в четко очерченном районе между По и Апеннинскими, с Пьяченцей на западной оконечности и Болоньей на восточной. Некоторые из них также были отмечены на северном берегу реки По близ Мантуи, как к востоку, так и к западу от Минчо, а два или три - в других местах Италии. Археологически все они относятся к бронзовому веку; более того, они, по-видимому, являются творением расы, отличной от всех предыдущих обитателей Северной Италии, которая, вероятно, только что переселилась на юг с Дунайских равнин. В то или иное время эта раса обитала в озерных деревнях. Теперь они поселились на сухой земле и вдали от озер — одна из их деревень находится высоко в Апеннинах, почти на высоте 1900 футов над уровнем моря. Но они все еще сохраняли в *Terremare* озерный стиль своих прежних домов.

Природу этих странных деревень лучше всего можно объяснить, описав наиболее известный и самый крупный пример из них (рис. 11). В Кастеллаццо-ди-Фонтанеллато, немного к западу от Пармы, сохранились остатки поселения, которое со своими оборонительными сооружениями занимало площадь около сорока трех акров. По очертаниям он был четырехгранным; его восточная и западная стороны были параллельны друг другу, и в целом он напоминал прямоугольник, слегка сдвинутый набок. Вокруг него тянулся прочный земляной вал шириной 50 футов у основания, укрепленный деревянными конструкциями (план, Б). Перед крепостным валом был влажный ров (А) шириной 100 футов, питаемый пресной водой из соседнего ручья через впадину в юго-западном углу (С) и опорожняемый стоком на востоке (D). Один деревянный мост давал доступ к этому искусственному острову на его южной оконечности (Е). Территория внутри вала, площадью чуть менее тридцати акров, была разделена на четыре части двумя главными улицами, которые пересекались бы под прямым углом, если бы место было строго прямоугольным; другие, более узкие улочки тянулись параллельно этим основным магистралям. На восточной стороне (F) находилась небольшая "цитадель" — *арх* или *templum* — со рвом, валом и собственным мостом (G, H); в ней были траншея и несколько ям (K), которые, судя по их содержанию, были связаны с ритуалом и религией. За пределами всего (L, M) находились два кладбища, платформы с урнами, странно похожими на саму деревню, а также небольшой горящий *хат*.^[43] Численность населения деревни неизбежно вызывает сомнения. Немецкий писатель Ниссен подсчитал, что их было четыре или пять тысяч, мужчин, женщин и детей, ютящихся в маленьких хижинах. Но эта оценка может быть слишком высокой. В любом случае, многие территории намного меньше.

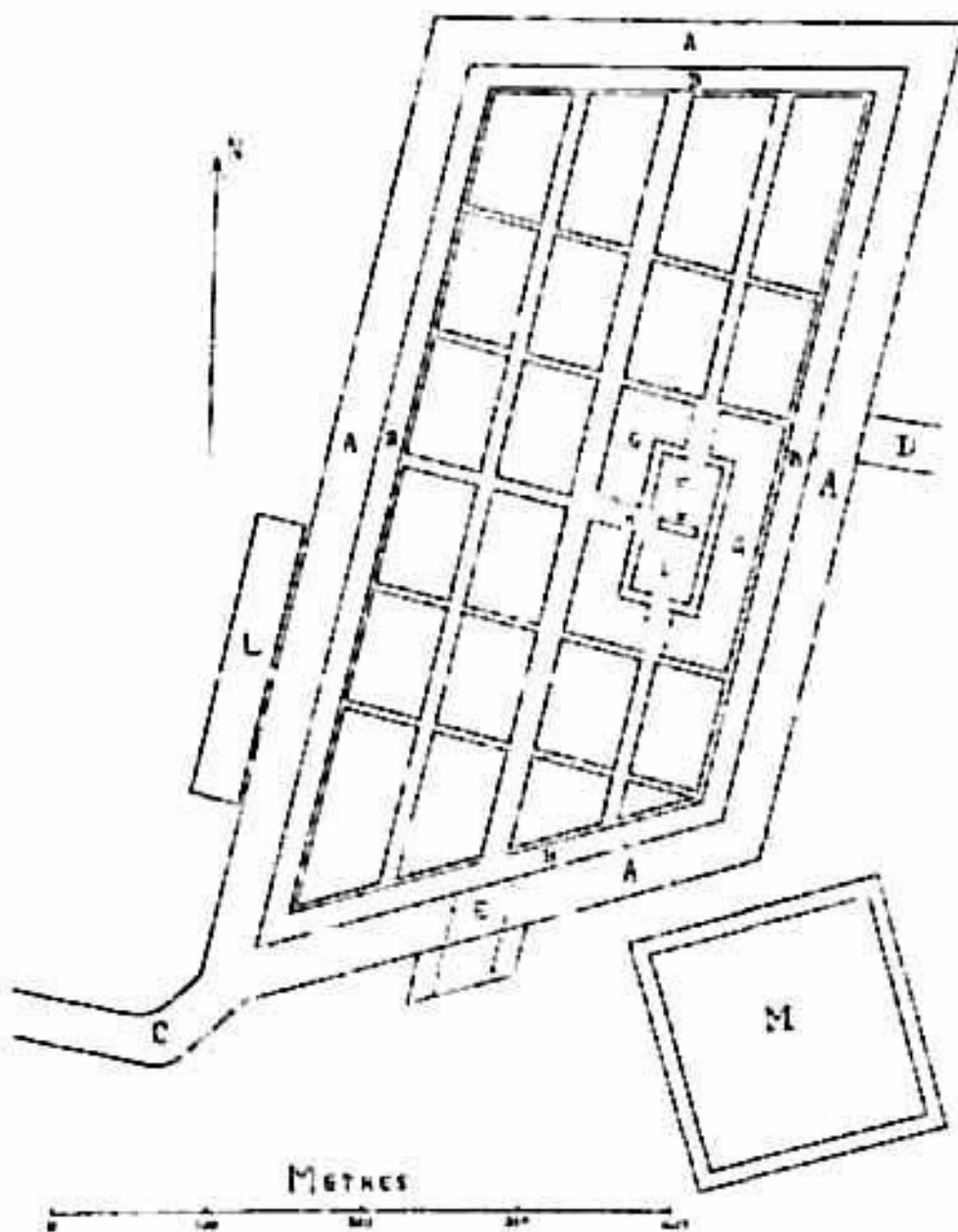

FIG. 11.
TERRAMARA OF CASTELLAZZO DI FONTANELATO

Эти терремары имеют сильное сходство с более поздним итальянским градостроительством, и обычно их считают древнейшими обнаруженными следами этой системы. Это означает, что итальянское градостроительство было заимствовано из других источников, помимо Греции или Востока, поскольку терремары намного старше Гипподама или даже Навуходоносора и Сеннахериба (стр. 23, 29). Следует добавить, что наши нынешние знания не позволяют нам проследить фактическое развитие Терремары в исторические времена и тесно связать их с более поздней цивилизацией Центральной Италии. Когда некоторые современные ученые называют жителей Терремары "италики", они выражают скорее надежду, чем доказанный факт. Возможно, на данный момент было бы безопаснее избегать этого названия и воздерживаться от

теорий относительно точной связи между доисторическим и историческим. Но ниже мы увидим, что существование связи между ними весьма вероятно.

Марзаботто (рис. 12).

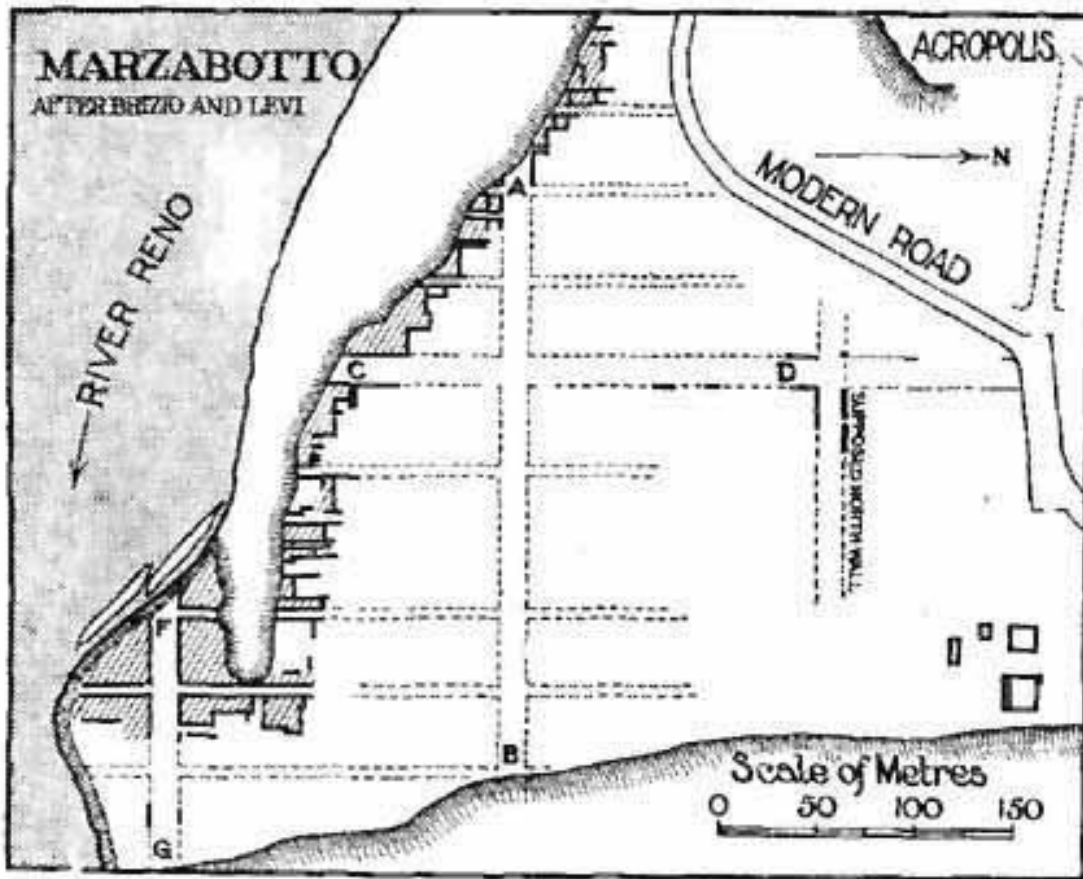

РИС. 12.

МАРЗАБОТТО

(AB, FG, CD, главные улицы. Штриховкой обозначены раскопанные дома.)

(ii) Большая загадка, датируемая, вероятно, пятым веком до нашей эры, встречается нам в руинах безымянного маленького этрусского городка, который находился за пределами собственно Этрурии, на северных склонах Апеннин. Его место находится в пятнадцати милях к югу от Болоньи, недалеко от современного Марзаботто, на левом берегу маленькой реки Рено. Раскопана лишь крошечная часть. Но экскаваторы без колебаний воплотили свои предположительные результаты в прямоугольный план города, с улицами, пересекающимися под прямым углом, и продолговатыми блоками домов размером от 158 до 176 ярдов. в длину и 37, 44 или 71 ярдов. в ширину (рис. 12). Все это, должно быть, было выложено сразу, и меньшие остатки, кажется, показывают, что это было сделано этрусками. В четвертом веке это место было разграблено галлами, и хотя позже там произошло заселение,^[44] его масштабы сомнительны.^[45]

Однако необходимы дальнейшие раскопки, чтобы подтвердить эту общепринятую интерпретацию этого места. Нигде в Этрурии или за ее пределами не было отмечено ничего, что связывало бы этрусков с какой-либо прямоугольной формой городского плана. В Вейи, например, большая часть этруского города оставалась заброшенной с тех пор, как его разрушили римляне, но на этом месте не видны никаких следов улиц, пересекающихся под прямым углом, или продолговатых кварталов домов. В Ветулонии раскопанный фрагмент этруского города показывает только изогнутые и нерегулярные улицы.^[46] Также нет реальных оснований полагать, что "этруское учение", усвоенное Римом, включало в себя искусство градостроительства (стр. 71) или что, как предположил недавно французский писатель, этруски принесли с собой какое-либо подобное искусство с Востока и передали его Западу. Мы должны заключить, что в Марзаботто у нас есть свидетельство, которое мы не можем поместить в надлежащие исторические рамки. Возможно, мы могли бы назвать это ранним сочетанием греческих и итальянских методов и сравнить с Неаполем (стр. 100). Странно, что четыре из семи жилых блоков имеют размеры чуть менее 120 римских футов. по ширине и, следовательно, приблизительно соответствует фигуре, которую мы часто встречаем в других местах римского мира (стр. 79). Но было бы неплохо узнать больше о плане при дальнейших раскопках.

Помпеи (рис. 13).

(iii) Третье свидетельство можно найти на месте, которое историки и романисты связывают в основном с Римской империей, но которое восходит ко временам ранней или средней Республики. Помпеи возникли в шестом веке до нашей эры или раньше как осканский город. Какое-то время, мы точно не знаем когда, им правили этруски. Позже, около 420 года до нашей эры, он был оккупирован самнитами. Наконец, он стал римским; в 80 году до нашей эры он был вновь основан как "колония" и вновь заселен солдатами, уволенными из армий Суллы. В 79 году нашей эры он пришел к своему концу в результате катастрофы, которой обязан своей славой. Следовательно, его жизнь была долгой и полной разрушений, перестроек, расширения. Естественно, за его архитектурной историей трудно проследить. Многие из его зданий, однако, могут быть более или менее приблизительно датированы по стилю их орнамента или характеру материала, из которого они сделаны, а линии его улиц наводят на некоторые предположения относительно его роста, которые заслуживают того, чтобы их изложили, даже если они могут противоречить общепринятым мнениям о Помпеях. Разумеется, следует понимать, что эти предположения, как и все спекуляции относительно Помпей, ограничены тем фактом, что до сих пор не исследована едва ли половина их площади и что под полами и тротуарами последнего периода было проведено очень мало поисков.^[47]

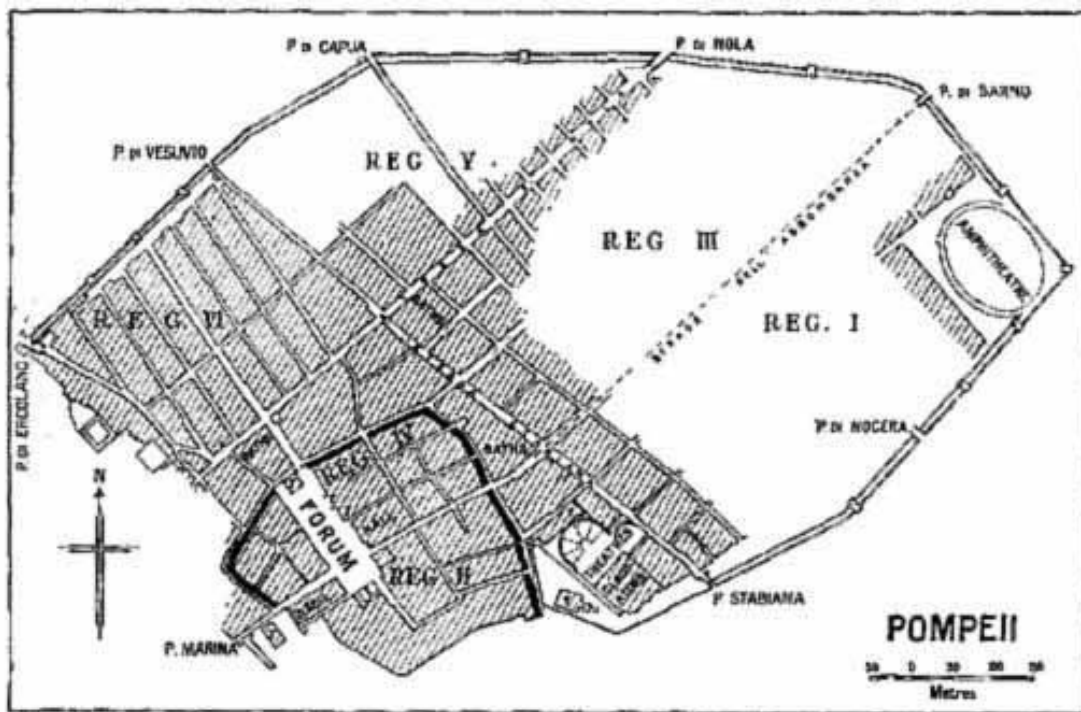

РИС. 13.

ПОМПЕИ

(Т = Храм. Территория предполагаемого первоначального поселения обведена черным.)

В том виде, в каком мы знаем его в настоящее время, Помпеи представляют собой неправильный овал площадью около 160 акров, расположенный на небольшом естественном холме и окруженный каменной стеной почти в две мили в окружности (рис. 13). На западе изначально был выход к морю, и с этой стороны стены исчезли или еще не были обнаружены. Недалеко от этого конца города находится Форум с основными храмами и общественными зданиями вокруг него. На восточной окраине города, примерно в 1200 ярдах с западной оконечности находится амфитеатр, и городские стены, похоже, были построены так, чтобы включать его в себя. Две главные улицы, ныне называемые Страда-ди-Нола и Страда-дель-Аббонданца, пересекают город с юга на северо-восток. Главные улицы с северо-запада на юго-восток менее отчетливы, но Страда Стабиана определенно тянулась от стены к стене. Хотя в целом на улицах наблюдается некоторая видимость симметрии, далеко это не заходит; вряд ли на любом углу улицы есть прямой угол или какое-либо близкое приближение к прямому углу.

Обычно считается, как утверждал Мау, что весь город был спланирован сразу, возможно, в этрусский период, по одному плану улиц, пересекающихся под прямым углом. Две главные улицы, которые сейчас называются Страда-ди-Меркурио и Страда-ди-Нола, считаются главными улицами этого самого раннего плана города и задают ему общее направление. Третья главная улица, Страда Стабиана, которая пересекает Везувий наискось к Стабийским воротам и нарушает предполагаемую симметрию плана города, объясняется влиянием небольшой естественной впадины, вдоль которой она проходит, в то время как небольшая территория к востоку от Форума, которая также выбивается из общей схемы, как полагают, была проложена неправильно, чтобы исправить эффект этого наклона.^[48]

Эта теория открыта для возражений. Во-первых, улицы (даже за исключением тех, что расположены к востоку от Форума) на самом деле не образуют единого симметричного плана. Регион VI очень плохо сочетается с регионами I и III. Оба указывают на систематическое планирование. Но Область VI выложена продолговатыми блоками шириной 110 футов и длиной либо 310 футов, либо 480 футов, в то время как области I и III состоят из примерно квадратных блоков примерно по 200 футов в каждую сторону. Более того, ориентация блоков разная. Те, что находятся в регионе VI, следуют линиям Страда-ди-Меркурио; в регионах I и II, а возможно, и в регионе V, преобладает Страда Стабиана. Тем не менее, нет очевидной причины, по которой нельзя было бы избежать этого различия; оно действительно приводит к появлению неудобных углов и пространств. Также, опять же, мы не можем признать сколько-нибудь адекватной причину, указанную Мау в связи со странной ориентацией улиц рядом с восточной стороной Форума.

Эти улицы, расположенные вокруг Форума и к востоку от него, предполагают иное развитие событий. Помпеи, возможно, начались с небольшого осканского городка, расположенного в том, что стало его юго-западным углом, недалеко от Водных ворот и Форума, на территории регионов II и IV. Здесь небольшая сеть улиц, примерно 300 на 400 ярдов. площадь (25 акров), которая плохо гармонирует с улицами остальной части города, которая находится недалеко от речной гавани Сарно, которая включает Форум и базилику - вероятно, старейшие общественные места, хотя и не самые старые сохранившиеся сооружения в Помпеях — и которая достаточно велика, чтобы образовать большую часть или даже весь доисторический город. Самое раннее сооружение, обнаруженное при раскопках в Помпеях, дорический храм с его участком, ныне известным как Треугольный форум, стоял на краю этого района, откуда с высокого утеса открывался вид на равнину Сарно. Первоначально этот Храм, возможно, стоял прямо внутри первой городской стены или, возможно, просто без нее, защищенный пропастью, которую он венчает. Этот район имеет вид "Альтштадта". Без сомнения, она была сильно изменена более поздними изменениями. В частности, Форум и Базилика выросли намного больше своих первоначальных пропорций, а окружающие их здания были пристроены, изменены, увеличены, утратив всякое сходство с первоначальным планом. Тем не менее, эта теория, по-видимому, лучше, чем какая-либо другая, объясняет этот любопытный маленький уголок улиц, которые вряд ли можно назвать регулярными даже в своих отношениях друг к другу и совершенно несовместимы с остальной частью города.

Вокруг этого примитивного города выросли большие Помпеи. Рост, должно быть, происходил скорее за счет двух или трех отдельных приростов, чем постепенного и непрерывного развития. В настоящее время мы не можем проследить эти этапы. Чтобы сделать это, мы должны подождать, пока раскопки не будут проведены глубже и пока не будет обнаружена другая половина города или, по крайней мере, пока не будут определены линии его улиц и формы жилых кварталов, как в Прине (стр. 42), путем специального расследования. Все, что пока точно известно, это то, что регионы I, III, V и VI были спланированы, и их дома существовали (по крайней мере частично) до — возможно, задолго до — 80 г. до н.э., когда была основана Сулланская колония,^[49] и мы также видим, что регион VI спланирован иначе, чем I и III.

Заслуживает внимания еще один факт. Градостроительство Помпей в основном трапециевидное, а не прямоугольное. Ни его продолговатые формы, ни площади, ни перекрестки улиц не имеют истинно прямых углов, хотя многие комнаты и перистилы в частных домах достаточно правильные. В этом отношении Помпеи напоминают трапециевидные

очертания Терремаре (рис. 11). Это также во многом напоминает римские военные работы, как республиканской, так и имперской эпохи, в которых игнорируется строгий прямой угол и используются квадраты и продолговатые формы, расположенные, так сказать, косо. Предполагается, что мотивом строительства Терремара, как я уже говорил выше, было обеспечение легкого течения воды в окружающем его рву. Мотив различных военных лагерей, возможно, можно найти скорее в желании закрепить за собой ту же площадь, что и за ортодоксальным прямоугольником, даже несмотря на то, что земля запрещала строгое выполнение ортодоксальной фигуры. Какова бы ни была причина, трапециевидные жилые кварталы Помпей демонстрируют особенность, которая не чужда более раннему градостроительству Италии, хотя и непривычна для городов Греции.

Норба.

Нам нужно больше знать не только о самих Помпеях. Нам также нужны свидетельства из других итальянских городов того же возраста. Здесь наше невежество глубоко. Был даже предварительно исследован только один сайт, который может помочь. Норба, которая когда-то венчала отрог Монти-Лепини над понтийскими болотами, была основана как римский город, согласно ортодоксальной хронологии, в 492 году до н.э.^[50] Но принятая хронология ранней республики, какой бы точной она ни казалась, вероятно, заслуживает не большего доверия, чем столь же точные, но в основном вымышленные даты, отнесенные саксонской хроникой к началу английской истории. Фактические останки, найденные в Норбе, скорее предполагают, что она была основана (не обязательно Римом) примерно в 300 году до н.э. или чуть раньше; следовательно, это позже, чем Терремаре и Марцаботто, а также позже, чем эпоха Оскана в Помпеях. С другой стороны, он закончился в сулланский период (82 г. до н.э.). Его раскопки только начались, но они уже указывают на схему улиц, несколько напоминающую Помпеи,^[51] и это полезное дополнение к нашим лучшим знаниям о более знаменитом городе. Вместе они представляют собой примеры градостроительства средней Италии примерно 400-300 гг. до н.э., в те времена, которые являются историческими лишь наполовину, и, таким образом, помогают заполнить пробел между Терремаре и полностью развитой системой периода Римской империи.

В этом контексте, возможно, будет позволено добавить план североитальянского города, некоторые современные улицы которого напоминают один квартал Помпей (рис. 14). Модена, римская мутина, была основана как "колония" с 2000 поселенцами мужского пола в 183 году до нашей эры и, несмотря на различные несчастья, стала одним из главных городов Ломбардской равнины. Одна часть этого города представляет собой ряд длинных узких кварталов размером примерно 20 x 160 метров (рис. 14, план А), со вторым рядом более коротких кварталов той же ширины и примерно вдвое меньшей длины (план Б). Эти кварталы были сильно испорчены и урезаны неизбежными изменениями городской жизни, но их симметрия не может быть случайной, и если они восходят, что вполне возможно, к римским временам, их можно поместить рядом с Шестым районом Помпей, который содержит два ряда похожих кварталов.^[52]

MODENA

РИС. 14.
МОДЕНА
(См. стр. 69.)

(iv) В-четвертых, остаются свидетельства, относящиеся к самому раннему Риму, а также к сложившимся там обычаям и обрядам. Эти обычаи относятся к трем областям религии, аграрного землевладения и войны. Все три демонстрируют один и тот же принцип, разделение определенного пространства двумя прямыми, пересекающимися под прямым углом в его центре, и (при необходимости) дальнейшее разделение такого пространства другими линиями, параллельными двум основным. Римский авгур, вопрошавший волю Небес, размечал квадратный участок неба или земли — свой *templum* — на четыре четверти; в них он искал свои знаки. Римский полководец, расположивший свои войска лагерем, расставил их палатки по прямоугольной схеме, руководствуясь той же идеей. Комиссары, которые выделяли сельскохозяйственные участки в общественных владениях гражданам-эмигрантам Рима, планировали эти участки по одной и той же прямоугольной схеме, о чем свидетельствует карта сельской Италии по сей день.

Эти римские обычаи очень древние. Позже римляне считали их такими же древними, как сам Рим, и, хотя такие патриотические традиции принадлежат скорее политике, чем истории, мы находим фактические обычаи хорошо устоявшимися, когда наши знания впервые становятся полными, около 200 г. до н.э.^[53] Римский лагерь, например, приобрел свою сложную форму

задолго до середины II века, когда Полибий описал его словами. Вряд ли можно сомневаться, что здесь есть вещи древнее даже Рима. Ученые действительно говорили о греческом или этрусском происхождении, а технический термин для обозначения римского геодезического инструмента, *groma*, был объяснен как греческое слово "гномон", заимствованное через этрусский язык. Но название одного инструмента не означало бы происхождения целого искусства, даже если бы эта этимология была более достоверной, чем она есть на самом деле. За исключением загадки Марцаботто (стр. 61), у нас нет оснований связывать этрусков с градостроительством или с римской системой геодезии. Когда римский антиквар Варрон утверждал, что "римляне основывали города с этрусским ритуалом", он задал моду многим более поздним утверждениям римских и современных авторов.^[54] Но он не доказал своего утверждения, и не так ясно, как принято считать, что он имел в виду "этрusский ритуал", включающий архитектурное градостроительство, а также религиозный церемониал.

Это итальянские обычаи, гораздо более древние, чем начало греческого влияния на Рим, более древние, чем систематическое градостроительство греческих земель, а также более древние, чем этруски. К ним следует относиться как к наследию итальянских племен, родственных Риму, и они должны быть связаны с планом Помпей и с гораздо более древним Терремаре. Многие поколения в генеалогическом древе, без сомнения, были утеряны. Генеалогию можно рассматривать только как предположение. Но это разумное предположение.

По своему первоначальному характеру эти обычаи, вероятно, были скорее светскими, чем религиозными. Они возникли как методы, доказавшие примитивной практикой, что они являются хорошими методами для организации земель под сельское хозяйство или для размещения армий лагерем. Но в ранних сообществах все обычаи, касавшиеся государства, были квазирелигиозными; чтобы обеспечить их надлежащее исполнение, они выполнялись религиозными чиновниками. Таким образом, в Риме, особенно в ранние времена, авгуры были озабочены разграничением как сельскохозяйственных участков, так и солдатских палаток. Они свидетельствовали о том, что поселение, будь то сельское или военное, было должным образом построено в соответствии с обычаями предков, санкционированными богами. Последующие века снова секуляризовались, и по мере того, как они секуляризовались, они также вводили науку. Возможно, именно греческое влияние привело к более строгому использованию прямоугольника и большей заботе о регулярной планировке.

Может возникнуть вопрос, как все это применимо к планированию городов. У нас, конечно, нет таких четких свидетельств в отношении городов, как в отношении подразделений аграрного или военного характера. Но планы городов, с которыми мы познакомимся в следующих главах, показывают почти те же очертания, что и планы лагеря или фермерских участков. Они основаны на одном и том же существенном элементе - двух прямых, пересекающихся под прямым углом в центре (обычно) квадратного или продолговатого участка. Это элемент, который не встречается, по крайней мере, в такой же форме, в Приене или в других греческих городах, планы которых нам известны, и его вполне можно назвать итальянским. Нам не нужно колебаться, когда мы ставим город и лагерь рядом и принимаем утверждение, что римский лагерь был городом с оружием в руках. Нам также не нужно колебаться с дальнейшим предположением, что в планировке города, как и в планировке лагеря, греческое влияние, возможно, добавило более жесткое использование прямоугольных "инсул". Когда это произошло, будет обсуждаться в главе VI.

Была ли принята в городах номенклатура *авгура*, *солдата* и *земельного комиссара* - вопрос более трудный, но, к счастью, менее важный. Современные авторы говорят *окардо* и *декуманусе* римских городах и даже применяют к ним более узкоспециальные термины, такие как *стрига* и *скамнум*. В пользу использования *кардо* применительно к городам есть некоторые свидетельства (стр. 107). Но это очень незначительно, и для использования других терминов практически нет никаких доказательств вообще.^[55] Молчание, как о литературе, так и о надписях, показывает, что они были, в лучшем случае, теоретическими выражениями, ограниченными кабинетом землемера.^[56]

ГЛАВА VI

ИТАЛЬЯНСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО: ПОЗДНЯЯ РЕСПУБЛИКА И РАННЯЯ ИМПЕРИЯ

Во времена поздней республики и ранней империи было основано или воссоздано множество итальянских городов. Этому способствовали несколько причин. Как и греки до них, римляне времен Республики время от времени отправляли небольшие группы эмигрантов, когда местное население становилось слишком большим для своего узкого пространства. Каждое из этих поселений было достаточно большим, чтобы образовать небольшой городок, и, таким образом, каждая миграция означала — или могла означать — основание нового города, полностью выросшего с момента своего рождения. Греки обычно основывали новые и политически независимые города. Римляне последовали другому методу. Их колонисты остались подчиненными Риму и образовали новые центры римского владычества, небольшие квази-крепости римского владычества на отдаленных землях. Часто военная потребность в такой крепости была больше связана с основанием "колонии", чем с наличием в городе слишком большого количества *ртов*. Цицерон, говоря о "колонии", основанной в Нарбо (ныне Нарбонна) в южной Галлии около 118 г. до н.э. и основанной, возможно, с некоторым учетом фактического перелива населения в современном Риме, тем не менее называет ее "колонией римских граждан, сторожевой башней римского народа, бастионом против диких племен Галлии". Эти слова очень четко обозначают главную цель многих подобных фондов как при Республике, так и при Империи.

Другую причину создания "*coloniae*" можно найти в истории умирающей Республики и зарождающейся империи. Во время гражданских войн Суллы, Цезаря и Октавиана противоборствующие военачальники выводили на поле боя огромные армии. По окончании каждого конфликта огромные массы солдат приходилось увольнять почти сразу. Ради будущего мира было крайне важно, чтобы эти люди были быстро приспособлены к какой-либо форме гражданской жизни, в которой они могли бы жить. Выбранной формой была знакомая форма "колонии". С солдатами с истекшим сроком службы обращались - не совсем необоснованно — как с избыточным населением, и их рассаживали большими группами, иногда в существующих городах, которые нуждались в населении или, по крайней мере, в лояльном населении, иногда в новых городах, созданных специально для этой цели. Этот метод обращения с уволенными солдатами сохранялся и на заре Империи, хотя тогда он применялся с некоторыми перерывами, и "колонии" чаще насаждались в провинциях, чем в самой Италии; действительно, создание

итальянских "колоний", в отличие от почетных пожалований колониальных званий, почти прекратилось после 68 года нашей эры.

Определить количество таких новых городов в Италии непросто. Около семидесяти или восьмидесяти относятся к раннему и среднему периодам Республики — примерно до 120 года до нашей эры; Сулла добавил около дюжины; Октавиан (Август) в ранние годы основал или помог основать около тридцати.^[57] Но эти цифры вряд ли могут отражать все факты в целом. Несомненно лишь то, что в силу только что описанных причин очень большое количество итальянских городов были либо основаны полностью, либо заново основаны в новых условиях во времена поздней Римской республики и ранней империи. Немногие города в Италии развивались так же, как развивался сам Рим, расширяясь от небольших зачатков в медленном непрерывном росте, который управлялся удобством и оппортунизмом и не был затронут никаким новым рождением или систематической реконструкцией.

Совпадая с этими процессами городской экспансии, мы находим во многих городах, которые могут быть связаны с более поздней Республикой или Империей, примеры определенного типа градостроительства. Этот тип имеет очевидные аналогии с более ранней Италией и градостроительством греческого мира, но также в определенных отношениях отличается и от того, и от другого. Городские районы, с которыми мы сейчас имеем дело, представляют собой небольшие квадраты или продолговатые формы; они разделены двумя главными улицами на четыре части, а другими параллельными улицами - на квадратные или продолговатые жилые кварталы ("insulae"), и прямоугольная схема выполнена с некоторой геометрической точностью. "Островки", какой бы ни была их форма — квадратной или продолговатой, — повсюду довольно однородны. Только те, которые тянутся вдоль северной стороны улиц Э. и В., часто больше остальных (стр. 88, 125).^[58] Две главные улицы, по-видимому, следуют какому-то методу ориентирования, связанному с астрологией. Как правило, одна из них проходит на север и юг, другая - на восток и запад, и время от времени последняя улица, кажется, указывает на место, где солнце поднимается над горизонтом на рассвете какого-то важного в истории города дня.^[59]

Общественные здания в этих городах, как правило, несколько невелики и расположены без особых попыток продемонстрировать процессионное или архитектурное величие; они редко доминируют или даже пересекают схему улиц. Открытые пространства встречаются редко; на Форуме, который соответствует греческой Агоре, есть, например, мощеный открытый двор, но этот двор почти так же огорожен, как монастырь средневековой церкви или четырехугольный двор средневекового колледжа. Театр и амфитеатр^[60], без сомнения, могли достигать огромных размеров, но внешне они чаще были массивными, чем декоративными, и амфитеатр часто располагался за пределами городских стен. Кое-где триумфальные арки пересекали дорогу там, где она приближалась к городу, и представляли собой единственную архитектурную панораму, которую можно было увидеть в большинстве этих римских городов.

Размеры, конечно, различались. Нормальных размеров для зарождающегося города не было. Некоторые из них, когда они только были основаны, занимали площадь немногим более 30 акров - площадь средневекового Уорика. Другие были в четыре-пять раз просторнее; они были вдвое или почти вдвое больше средневекового Оксфорда, немаленького города в Англии XIII века. Большинство из них, несомненно, выросли за свои первоначальные пределы; некоторые простирались на квадратную милю, что вдвое превышало площадь средневекового Лондона. Точно так же "insulae" варьировались от города к городу. В одном из них, Тимгаде, они были

всего 70-80 квадратных футов. Часто их размеры составляли от 75 до 80 ярдов. площадь, скорее больше акра, как во Флоренции, Турине, Павии, Пьяченце.^[61] Иногда они были больше, но редко превышали три акра, и их средняя площадь была ниже распространенной практики планирования на современной шахматной доске.

В большинстве городов, хотя и не во всех, размеры "изоляций" имеют общий элемент. В длину, или в ширину, или и в том, и в другом, они обычно приближаются к 120 футам или несколько кратны этому. Цифра значительная. Единица римского землеустройства, "югерум", представляла собой прямоугольное пространство размером 120 на 240 римских футов — в английских футах чуть меньше - и, по-видимому, из этого следует, что "insulae" часто выкладывались с определенной привязкой к "югеруму". Возможно, деления не всегда были математически правильными; наши доступные планы редко бывают достаточно хорошими, чтобы позволить нам судить об этом,^[62] и мы не знаем, следует ли нам считать поверхность улиц с измерением "инсул". Но общая практика кажется ясной, и она распространилась даже на Британию (стр. 129), и хотя кварталы, образующие ровно "юджерум" или половину "юджерума", встречаются редко, итальянская земельная мера, безусловно, повлияла на цивилизацию провинциальных городов.

В этой системе, пожалуй, наиболее характерной особенностью является сочетание квадратных и продолговатых "островков". Это не просто вариация, которую можно проследить в Прайне (рис. 5), где некоторые блоки более квадратные или продолговатые, чем другие, но где все они приближаются к одной и той же норме. В римских городах, которые мы сейчас рассматриваем, представлены две разновидности жилых блоков. Иногда блоки квадратные; иногда, возможно, чаще, они продолговатые, приближающиеся к квадрату, как кварталы Приене. Но в некоторых случаях, как в Неаполе среди более древних, так и в Карфагене среди более поздних фундаментов, они продолговатые, а продолговатые очень длинные и узкие.

Трудно обнаружить какой-либо принцип, лежащий в основе использования этих различных форм. Несомненно, различия исторического происхождения в конечном итоге являются причинами смещения. Но наши нынешние знания не раскрывают эти истоки. Свидетельства, действительно, противоречивы по всем пунктам. Если греко-македонскую моду приводить в качестве прецедента квадратных "инсула", то Terremare демонстрируют то же самое. Если теоретическая схема более раннего римского лагеря, казалось, основывалась на длинном узком прямоугольнике, то фактические остатки лагерей легионеров второго века до нашей эры в Нумантии включают в себя множество квадратов. Если одна часть Помпеи имеет продолговатую форму, то другая состоит из квадратов. Если Пьяченца, впервые основанная в северной Италии около 183 года до н.э. и основанная снова сто пятьдесят лет спустя, имеет квадратную планировку, то ее ровесница Модена предпочитает продолговатую. Если древнегреческий город Неаполь воплощает крайний тип продолговатости, то же самое можно сказать и о более позднем Карфагене времен Августа (стр. 100, 113). В исторический период, казалось бы, не проводилось и не ощущалось четкой границы между различными типами "insulae". В основном предпочтение отдавалось квадратным или квадратно-продолговатым. Местные несчастные случаи, такие как удобство площадки в Карфагене, привели к случайному использованию более узкой продолговатой формы.

Римские землемеры, правда, очень определенным образом различали квадрат и продолговатую форму. Площадь, утверждали они, принадлежала итальянской земле или тем

провинциям, которые пользовались привилегией облагаться налогами — или освободиться от них — по итальянской шкале. Продолговатый вид они связывали с обычной землей провинций, где платили налоги. Это различие, однако, не проводилось даже в аграрных обзорах, которыми эти авторы были особенно озабочены,^[63] и еще в меньшей степени оно применимо к городам. Без сомнения, это выдумка ведомства. Было бы вполне по-человечески, если бы геодезисты, обнаружив, что используются обе формы, изобрели теорию для их объяснения.

Система, описанная в предыдущих параграфах, по-видимому, возникла, как уже было сказано (стр. 73), в результате слияния греческих или греко-македонских обычаев с итальянскими. Римское градостроительство, как и римское искусство, было переработано под влиянием эллинизма и, таким образом, приобрело математическую точность и симметрию. Когда это произошло, сомнительно. Иностранные ученые часто приписывают это Августу и находят особую связь между первым императором и планом города на шахматной доске. Но архитектор Витрувий, посвятивший свою книгу Августу и вкратце рассказавший о градостроительстве, настоятельно призывает размещать города не по схеме шахматной доски, а по восьмигранному или (как мы могли бы это назвать) звездообразному плану.^[64] Он вряд ли осудил бы схему, специально разработанную его покровителем, и, действительно, его критика шахматной системы не звучит так, как если бы он осуждал новшество в итальянском строительстве.

С другой стороны, кажется, нет большой трудности в идее, что упорядочение старой итальянской планировки города под влиянием греции произошло спонтанно в период поздней Республики. Действительно, мы не можем определить дату этого изменения. Должно оставаться сомнительным, происходило ли это постепенно или все сразу,^[65] и относились ли прямоугольные планы таких городов, как Аквилея^[66] или Пьяченца, к их первому основанию, то есть примерно к 180 году до нашей эры, или к более поздним перестройкам. Но представляется разумным полагать, что греко-итальянская прямоугольная форма градостроительства действительно вытеснила более ранний, неправильный итальянский стиль и стала господствующей еще до конца Республики.

ГЛАВА VII

ПРИМЕРЫ ИТАЛЬЯНСКИХ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПЛАНОВ

В предыдущих главах рассматривались истоки и общий характер плана итальянского города. Теперь мы переходим к останкам, которые он оставил в своем собственном доме, в Италии. Их много. В одном городе, поистине величайшем из всех, невозможно обнаружить никакого градостроительства. Подобно Афинам и Спарте, Рим демонстрирует тот консерватизм, который присущ столь многим столичным городам. Насколько нам известно, ни одна его часть не имела прямоугольной формы или вообще какого-либо плана.^[67] Он рос, как мог. Его строители, прежде всего императорские строители, очень заботились о впечатляющих эффектах и архитектурной пышности. Даже в позднереспубликанские времена мрачная громада Табулария и храмов Капитолия, должно быть, возвышались над Форумом не случайно, и в имперском Риме было много зданий во многих кварталах, свидетельствующих о том, что это была столица Империи. Но для градостроительства мы должны обратиться в другое место.

Источники наших знаний двояки. В нескольких случаях при археологических раскопках обнажилось мощение римских улиц или фундамент римских жилых блоков. Чаще всего средневековые и современные улицы, кажется, повторяют древние линии, а древний план города или его часть используются по сей день. Такие пережитки особенно распространены на севере Италии. На самом деле собрать их полный список невозможно. Тому, кто хотел бы это сделать, нужна более длинная серия хороших карт городов и хороших местных историй, чем существует в настоящее время; ему также нужны более широкие знания средневековой итальянской истории и более близкое личное знакомство с современными итальянскими городами, чем это может сделать ученый-классик. Но многому можно научиться даже из нашего ограниченного материала.^[68]

Улицы, однако, нуждаются в проверке в каждом конкретном случае. Было бы опрометчиво предполагать римское происхождение итальянского города просто потому, что его улицы старые и имеют прямоугольную планировку. Существует множество прямоугольных городов средневекового или современного происхождения. Такова Терра Нова, недалеко от древней Гелы на Сицилии, построенная Фредериком Ступором Мунди в начале тринадцатого века. Таков и Ливорно, построенный Медичи в шестнадцатом веке. Таковы также многочисленные маленькие военные колонии Итальянских республик, разбросанные по частям северной и средней Италии. Часто легко доказать, что, несмотря на свои шахматные планы, эти города стоят не на римских стоянках. Часто расследование ведет в регионы, далекие от изучения древней истории.

К счастью, в качестве римских примеров можно выделить достаточно, чтобы они послужили нашей цели. Некоторые из них встречаются на равнине Ломбардии, где как во времена Республики, так и на заре Империи многие "coloniae" были посажены полностью взрослыми и где городская жизнь по римскому образцу развивалась иным образом. Не все эти города сохранились до наших дней; не все из уцелевших сохранили четкие следы римской планировки; по крайней мере, в девяти случаях улицы, безошибочно повторяют римские очертания. Четыре из девяти относятся к древности; в конце третьего и начале второго веков (218-183 до н.э.) Пьяченца, Болонья, Парма и Модена были построены как новые города в ранге "колонии". Первые три из них были позже перестроены, примерно в 40-20 годах до н.э. — вопрос о том, были ли их улицы проложены заново, остается открытым, — и были добавлены Турин и Брешиа. Кроме того, Верона, Павия и Комо получили муниципальный статус в этот более поздний период или раньше, хотя когда и как они были расположены симметрично, точно неизвестно.^[69] И есть другие, менее определенные примеры.

Можно привести и другие примеры, но не такие многочисленные, относящиеся к югу от Апеннин. Во Флоренции, например, и в Лукке "coloniae" были посажены в полный рост, и планы улиц до сих пор фиксируют этот факт. В Неаполе, в Геркулануме, возможно, в Сорренто,^[70] сохранились доказательства аналогичного планирования. Но города центральной Италии были в значительной степени более древними, чем эпоха точного градостроительства, и многие из них были расположены в истинно итальянской манере на высоких утесах - *praeruptis oppida saxis*, — в которых не было места для квадратных или продолговатых жилых кварталов. В период умирающей Республики и зарождающейся империи здесь было посажено меньше "колоний", чем на севере, в то время как на большей части юга Италии города во все века были сравнительно редки.

В только что упомянутых городах мы можем проследить многие, хотя и не все, оригинальные жилые кварталы. Обычно кварталы квадратные или почти квадратные, как в Турине, Вероне, Павии, Пьяченце, Флоренции, Лукке. Реже они представляют собой длинные и даже узкие прямоугольники, как в Модене, Сорренто и, прежде всего, в Неаполе, и, как обычно, нелегко понять причину разницы (стр. 80).

Турин (рис. 15).

Из всех известных нам примеров римского градостроительства в Италии Турин, безусловно, самый известный.^[71] Здесь улицы сохранились почти нетронутыми, и раскопки подтвердили истинность их существования, обнаружив как древнее дорожное покрытие, так и древние городские стены и ворота. Турин, *Augusta Taurinorum*, возник около 28 года до нашей эры как "колония", посаженная Августом. Его стены окружали продолговатый участок размером около 745 x 695 метров (127 акров).^[72] Стороны представлены (1) на севере улицей Виа Джулио, в западной части которой южный край улицы фактически совпадает с линией римской городской стены, в то время как дальше на восток Палатинские ворота защищают древние ворота; (2) на западе улицей Виа делла Консолата и Виа Сиккарди, восточная сторона последней улицы, кажется, упирается в римскую городскую стену; и (3) на юге Виа делла Черная и Виа Тереза, северная сторона которых возвышается над римской городской стеной. южная городская стена. (4) Восточная стена не совпадает с существующей улицей, но может быть представлена линией, проведенной через театр Кариньяно и западный фасад Палаццо Мадама, на котором расположены настоящие башни римских восточных ворот.^[73] Северо-западный угол, открытый в 1884 году, представляет собой острый прямой угол. Эта особенность повторяется в Аосте и Лайбахе (стр. 90, 116), которые, как и Турин, были основаны в эпоху Августа и, по-видимому, относятся к тому периоду; позже она уступила место закругленному углу, видимому в Тимгаде (стр. 109) и во многих римских фортах средней империи.

О внутренних зданиях города известно мало. Форум, возможно, находился рядом с нынешним Палаццо ди Читта, а Театр был обнаружен в 1899 году в северо-восточном углу города, занимая, по-видимому, целый остров;^[74] о частных домах, похоже, ничего определенного не зафиксировано.

Но план улицы сохранился нетронутым, за исключением двух отдаленных уголков. Город был разделен на квадратные или почти квадратные кварталы, которых насчитывалось девять, считая с востока на запад, и восемь с севера на юг. Размер большинства из этих "инсул" составлял около 80 ярдов. площадь.^[75] Некоторые были больше, 80 x 120 ярдов.; они располагались вдоль северной стороны улицы, ныне называемой Виа Гарибальди (ранее Дора Гросса), которая представляет собой главную римскую улицу между восточными и западными воротами — на языке римских землемеров, *decumanus maximus*. Эта улица делила город на две равные половины. Другие районы города были не менее симметричными. Но, поскольку с востока на запад было девять "изоляций", главная северная и южная улицы не могли разделить город пополам. Действительно, южные ворота, по-видимому, располагались в пяти жилых кварталах к западу от них и в четырех к востоку от них, в то время как Палатинские ворота находятся дальше к западу, с шестью кварталами на западной стороне от них. Таким образом, северные и южные ворота не находятся напротив.^[76] Был ли это первоначальный план, неясно, равно как и возраст сохранившихся стен и ворот не вполне определен; скрепляющие ходы в некоторых участках каменной кладки стен не кажутся древними. Но план улиц можно без

колебаний отнести ко времени первого основания города, примерно в 28 году до н.э. С тех пор он распространился далеко за пределы римских стен. Почти весь современный Турин был застроен по крупицам в подражание оригинальным римским линиям и в продолжение их.

РИС. 15.
ТУРИН
С ПЛАНА 1844 ГОДА.

Аоста (рис. 16).

Другой пример плана итальянского города, относящийся к той же дате и району, что и Турин, представлен Аугуста Претория, ныне Аоста, примерно в пятидесяти милях к северу от Турина, в долине Дора Балтеа, недалеко от подножия Монблана.^[77] Аоста была основана Августом в 25 году до н.э. на доселе пустом месте, чтобы обеспечить жильем солдат с истекшим сроком службы и служить квази-крепостью в важной альпийской долине. Его первыми жителями были 3000 человек, уволенных из преторианской гвардии, с их женами и детьми; первоначально его население, возможно, насчитывало около 15 000 свободных людей, не считая рабов. Город, каким он известен нам по раскопкам и наблюдениям, имел форму прямоугольника 620 ярдов в длину и 780 ярдов в ширину и занимал площадь около 100 акров (рис. 16). Стены по углам образовывали острые прямые углы, как в Турине. Внутри стен находились амфитеатр, театр, общественные бани, сооружение площадью почти 2 акра, интерпретируемое как зернохранилище или (возможно, более правильно) как цистерна,^[78] и частные дома, которые еще не исследованы. Под главными улицами располагались канализационные коллекторы, по которым, собственно, и были проложены эти улицы.

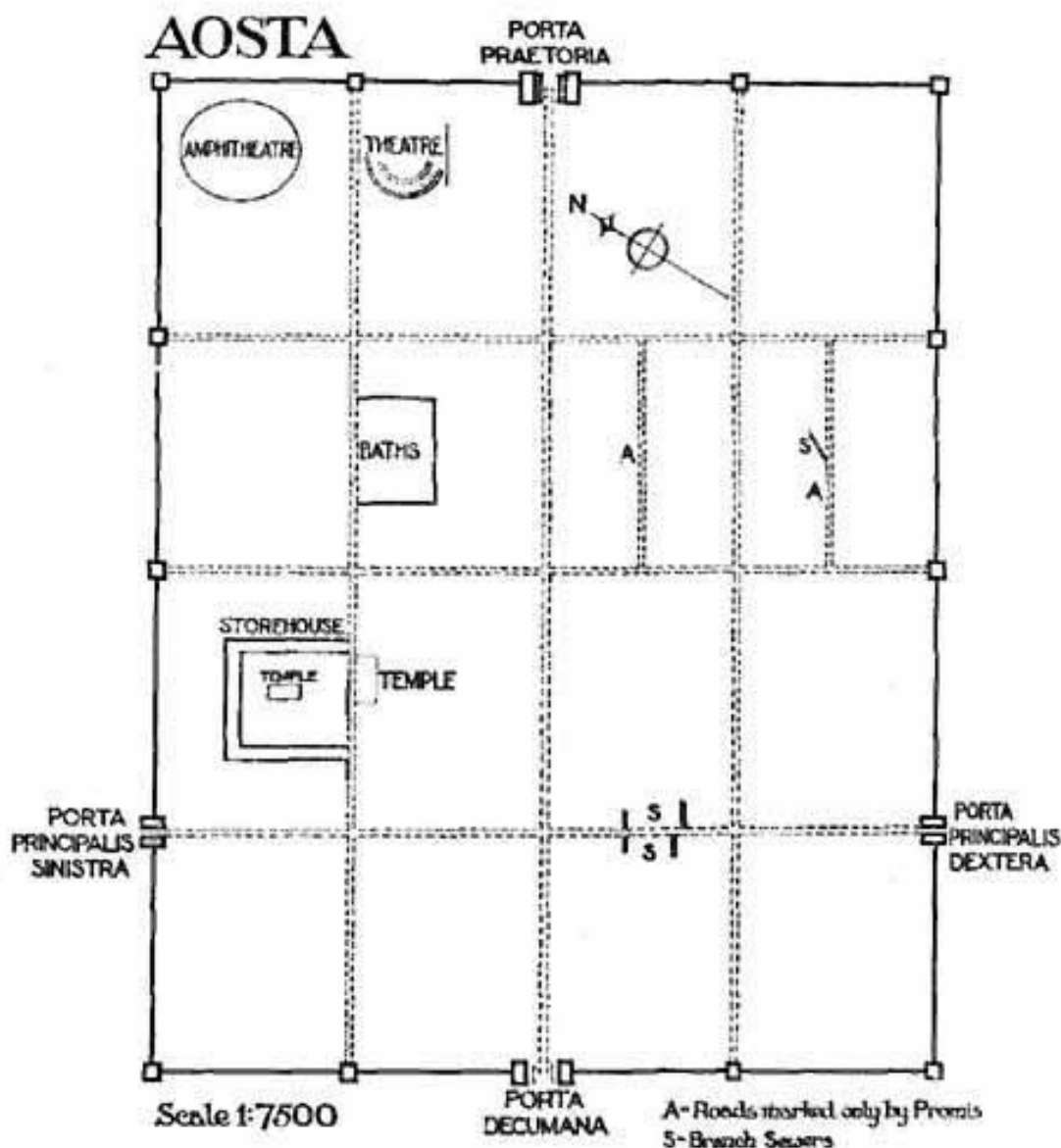

РИС. 16.
АОСТА

Вся территория была разделена регулярной сетью улиц на прямоугольные кварталы. Согласно последнему плану участка, здесь было шестнадцать блоков, почти идентичных по форме и в среднем 145 x 180 ярдов. (5½ акра). Это, однако, невероятная территория для отдельных жилых блоков, и следует отметить, что на Promis показаны еще две дороги (А, А на рис. 16). Если это остатки других подобных дорог, в Аосте могло быть тридцать две продолговатые "инсулы", каждая размером почти 220 x 540 футов, или даже шестьдесят четыре "инсулы" поменьше и квадратнее, размером в половину этого размера.^[79] Въезд вели четыре ворота; те, что с двух более длинных сторон, которые обращены на северо-запад и юго-восток, находятся на удивление далеко от центра и действительно близко к юго-западной оконечности города. Конечно, невозможно определить без опыта работы, какие из узнаваемых зданий Аосты датируются основанием этого места в 25 году до н.э., но общая внутренняя схема и

симметричный, практически "шахматный" рисунок улиц, должно быть, относится к первому основанию.^[80]

Флоренция (рис. 17).

Еще более интересный образец римского плана города, сохранившийся на многих улицах, можно найти во Флоренции.^[81] Во времена римской империи Флоренция была "колонией". Когда была посажена эта "колония", очень сомнительно. Возможно, эпоха Суллы (90-80 гг. до н.э.) является наиболее вероятной датой; все, что на самом деле несомненно, это то, что фундамент был заложен до конца первого века нашей эры. Эта "колония", как и другие, была построена в виде шахматной доски, и остатки ее улиц сохранились в Центре, который образует сердце нынешнего города. Центр Флоренции, каким мы видим его сегодня, очень современный. Он действительно был заложен поколение назад итальянскими архитекторами, которые спроектировали широкие улицы, пересекающиеся под прямым углом, которые формируют его характерную черту. Но эта "османнизация" возродила, сознательно или бессознательно, старую систему. На плане Флоренции 1427 года показана группа из двадцати безошибочно узнаваемых "инсул", каждая из которых площадью около 1-1 / 8 акра, то есть очень похожа по размеру на "инсулы" Турина. Эта группа ограничена современными улицами Торнабуони на западе, Porta Rossa на юге, Кальцайоли на востоке, Театина на севере; она занимает прямоугольник размером примерно 305 x 327 ярдов., не совсем 21 акр.

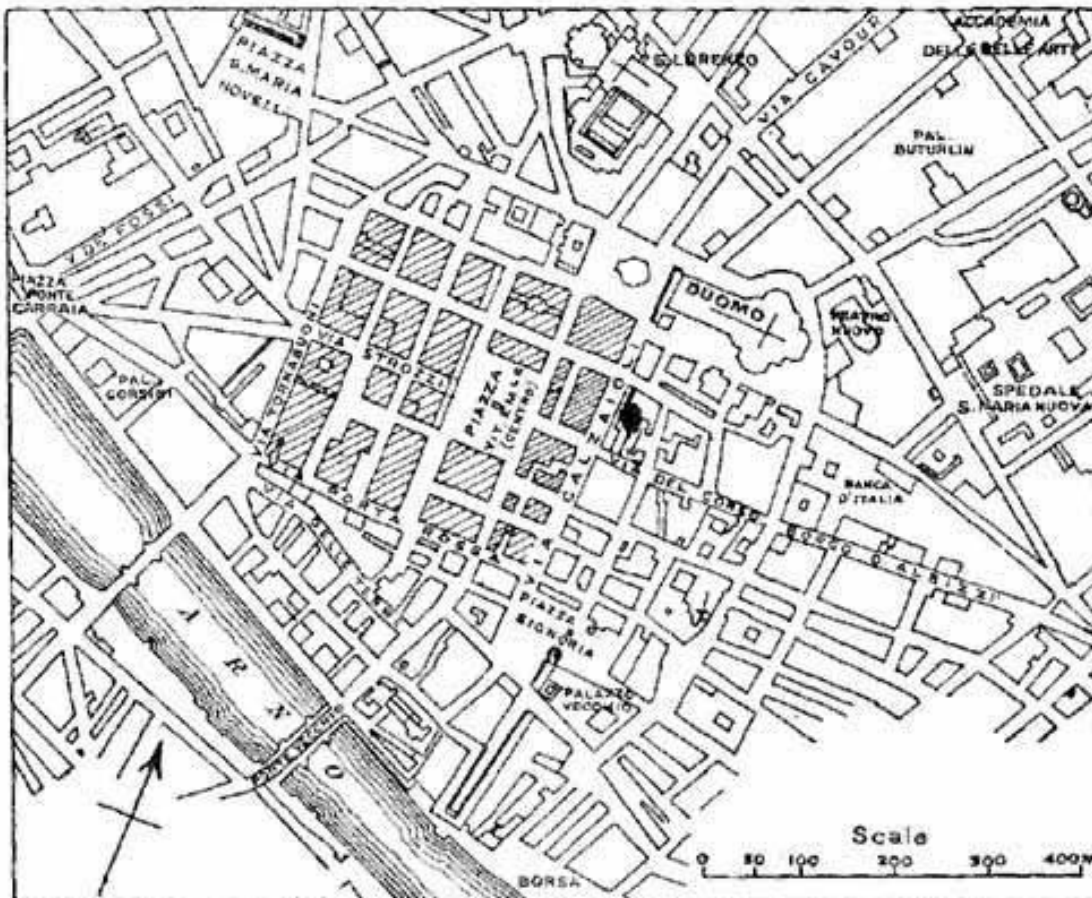

РИС. 17А.
ФЛОРЕНЦИЯ, ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
(Центр заштрихован.)

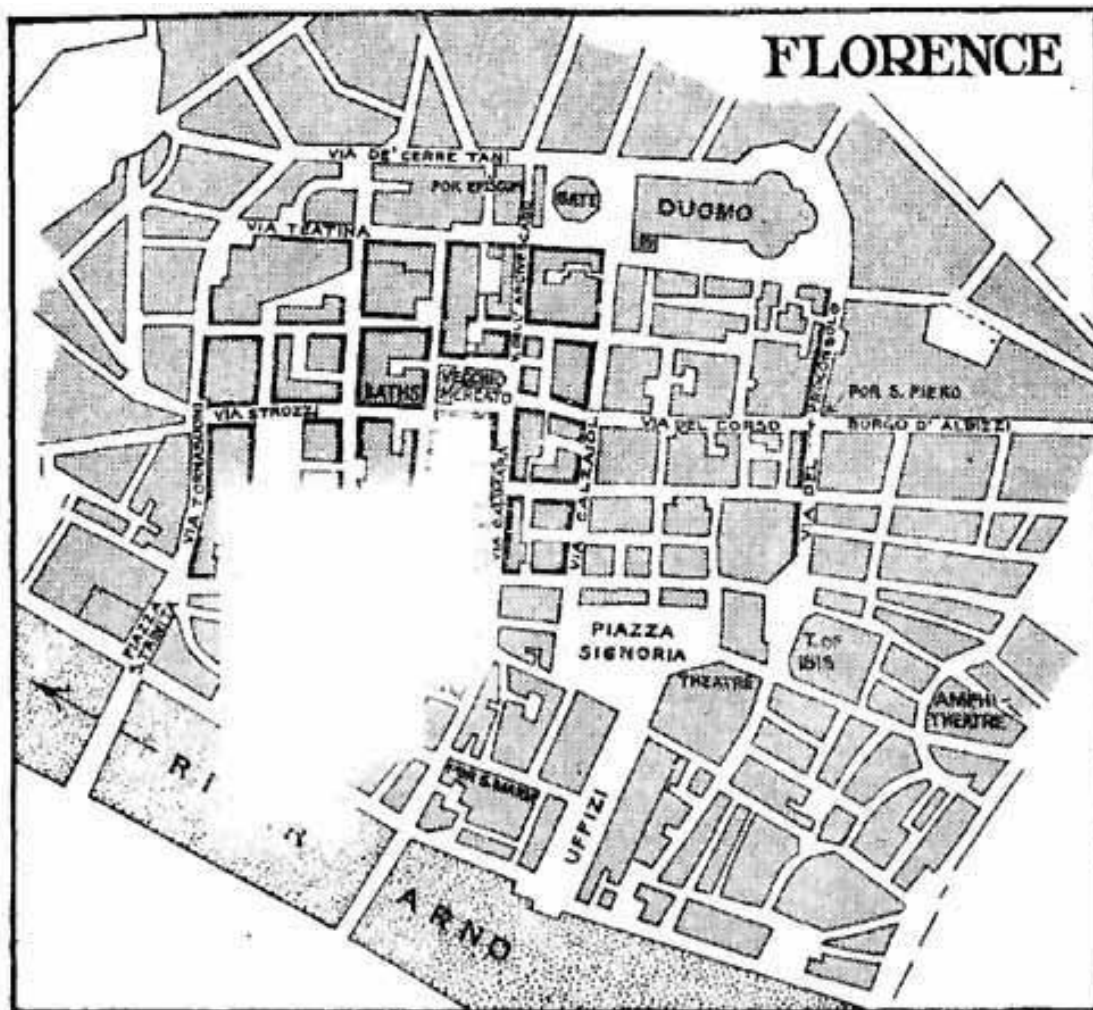

РИС. 17В.
ФЛОРЕНЦИЯ ОКОЛО 1795 года, РАБОТЫ Л. БАРДИ
Главные улицы, которые, по-видимому, сохранили римские линии, отмечены черным.

Первоначальный римский город, по-видимому, простирался за эти узкие пределы. Но определить его площадь нелегко, и за их пределами невозможно обнаружить безошибочные "инсулы". На западе Виа Торнабуони, по-видимому, обозначала римскую границу, как и сегодня. На севере вероятную линию обозначают ворота Пор Епископи, которые когда—то пересекали проход - ныне открытое пространство — на восточной стороне архиепископского дворца (план 17 Б). Эти ворота находились между Виа Театина и следующей улицей к северу, Виа деи Черретани, а римская северная стена и ров, по-видимому, проходили через промежутки между этими двумя современными улицами — как, собственно, и предполагают линии некоторых средневековых переулков. Предполагается, что на востоке "колония" простиралась до Виа дель Проконсоло и старого порта Сан-Пьеро, вероятно, первоначальных

восточных ворот. Здесь следы "insulae" сохранились плохо; рассматриваемое пространство должно было содержать двенадцать кварталов в дополнение к двадцати указанным выше средневековым улицам.

Южная граница римской Флоренции по направлению к реке Арно совершенно сомнительна. На Виа делле Терме есть или были следы римских бань, и считалось, что город простирался к реке до старых ворот Пор-Сан-Мария и площади Сан-Тринита. Ворота, однако, расположены неправильно, а линия стены, подразумеваемая этой теорией, неправильная.

Средневековые улицы скорее указывают на южную стену рядом с Виа Порта Росса. Бани, возможно, возникли в результате более поздней римской пристройки, такой, какую мы встретим в Тимгаде (стр. 113). Порт Святой Марии может быть даже связан с одной из реконструкций Флоренции в средние века. В конце концов, мы должны признать, что без дополнительных доказательств границы римской Флоренции не могут быть установлены наверняка. Но указанные выше ограничения дают вполне приемлемые размеры в 46 акров (380 x 590 ярдов), в то время как история двадцати несомненных инсуланов Центра по-прежнему полна интереса. Мы видим здесь так же ясно, как и везде в римском мире, как правильный римский план постепенно искажался вторжениями и как, даже при своей неправильности, он имел силу подталкивать современных строителей к своему древнему стилю.

О внутренних районах римского города известно мало. Улицы, которые сейчас называются Строчи и Специали, явно сохраняют главную римскую улицу с востока на запад, в то время как Виа Калимара пересекает ту, что тянулась с севера на юг. Там, где они пересекались, была средневековая площадь Меркато Веккьо, ныне расширенная до патриотической площади Витторио Эммануэле; здесь мы можем разместить римский форум, и здесь же, рядом с бывшей церковью Святой Марии в Кампидольо, находился храм Капитолийского Юпитера. Здесь также были театры, святилище Исиды и, за пределами римской границы, амфитеатр, все еще различимый в изгибах некоторых улиц (план 17 Б). Какой бы маленькой ни была Флоренция, в ней сохранились истинные черты римского города.

Лукка (рис. 18).

Хорошую параллель с Флоренцией можно найти в Лукке, древней Луке, где улицы снова сохраняют прямоугольную форму, но при этом четко не показывают, какова была их полная протяженность. Говорят, что Лука был основан как "колония" в 177 году до нашей эры, но это утверждение сомнительно. Конечно, во времена Цицерона это был "муниципалитет", а чуть позже, в период 40-20 гг. до н.э., он получил звание "колонии" и многих колонистов, набранных (как гласит надпись) из уволенных солдат VII и XXVI легионов. Нелегко сказать, относятся ли сохранившиеся следы градостроительства к этому последнему событию или к какой-то более ранней эпохе. Но в плане улицы сомнений быть не может, хотя ее первоначальный размер неясен. Прямоугольная площадь около 700 ярдов. с востока на запад и 360 ярдов. с севера на юг разделена на пятнадцать квадратных "изоляций", расположенных в три ряда. Площадь каждого островка составляет около 3 акров, но островки среднего ряда больше остальных (150 x 150 ярдов). Виа Сан-Кроче, которая проходит вдоль южной стороны этого ряда, была, возможно, главной восточной и западной магистралью города, "decumanus maximus", так что более крупные "insulae" соответствуют тем, которые появляются в том же месте в Турине и в других местах (стр. 88).

РИС. 18.

ЛУККА

(Улицы, сохранившие римские линии, отмечены черным.)

Недоступно

Сомнительно, существовали ли другие "инсулы", кроме этих пятнадцати. На востоке их, безусловно, не было: две узкие параллельные улочки в восточной части только что описанного района, очевидно, возникли из-за роста домов вдоль первоначальной восточной стены. Другие границы более неясны. Вероятно, северная и западная стены стояли немного за пределами Виа Галли Тасси (когда-то С. Пеллегрини) и Виа С. Джорджо, но вполне возможно, что к югу от Виа дель Баттистеро был ряд инсулы, ныне уничтоженных. Известны одно или два внутренних здания. Форум, по-видимому, находился там, где сейчас находится площадь Сан-Микеле в Форо; рядом находился храм; всеверо-восточном квартале, на площади Пьяцца дель Кармине, вероятно, находился театр; рядом с ним, но за стенами, находился амфитеатр, его очертания все еще видны на площади Пьяцца дель Меркато (110 x 80 ярдов). в наибольших размерах).^[82]

Геркуланум (рис. 19).

К этим примерам из северной Италии можно добавить два из южной, Геркуланум и Неаполь. У Геркуланума была почти такая же ранняя история, как и у его более важного соседа Помпеи. Сначала поселение осканов, затем этрусков, затем самнитов, позже оно перешло под власть Рима. После Социальных войн (89 г. до н.э.) он появляется как "муниципалитет"; о его истории с этой даты до его разрушения (79 г. н.э.) мы почти ничего не знаем. Но раскопки, начатые в восемнадцатом веке и сейчас надолго приостановленные, пролили свет на его планировку.^[83] Это был прямоугольный комплекс из продолговатых жилых блоков размером 54 x 89 ярдов, а в некоторых случаях и чуть больше, разделенный улицами шириной от 15 до 30 футов, которые проходили под прямым углом или параллельно друг другу. До сих пор раскопана только часть города. В нем широкая главная улица с колоннадами тянулась с северо-запада на юго-восток; на северо-восточной стороне этой улицы стоял ряд жилых кварталов со строением, которое было принято за базилику, а на юго-западе от нее находились десять жилых кварталов, в одном из которых было несколько общественных бань. В северной части этого района находятся театр и храм, в южной - два больших сооружения, которые назывались храмами, но больше похожи на большие частные дома; на востоке (по словам исследователей восемнадцатого века) находятся могилы.

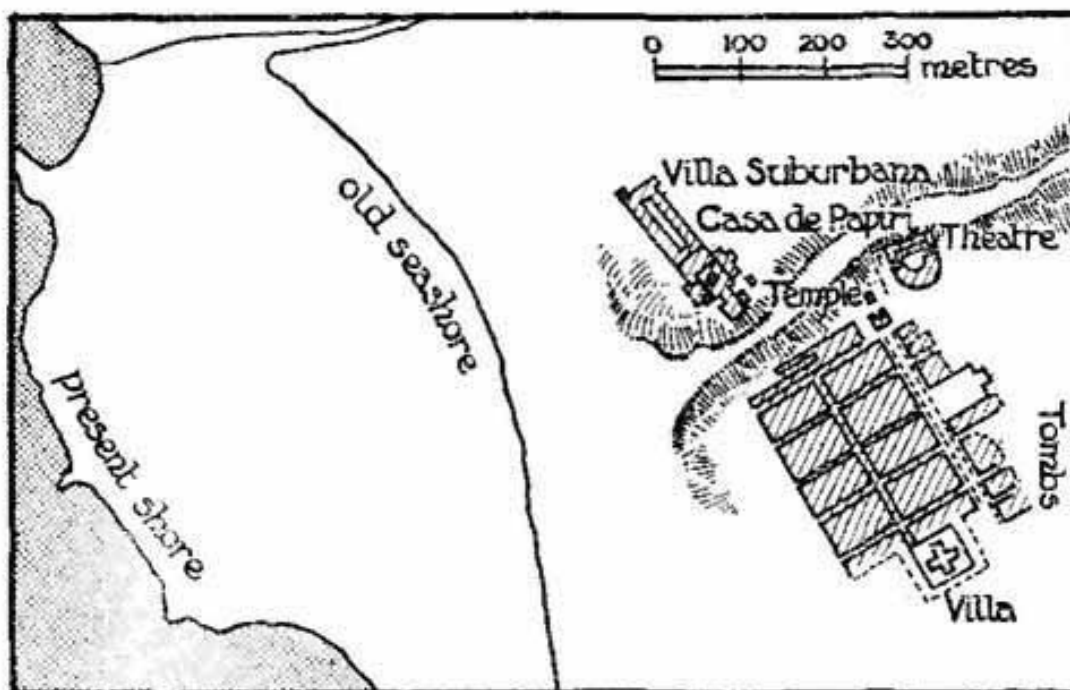

РИС. 19.
ГЕРКУЛАНУМ

Какая часть города была раскрыта, а какая все еще скрыта под лавой, которая затопила его в 79 году н.э., оспаривается. От его городских стен и ворот до сих пор не найдено никаких следов. Но почти все его общественные здания, по-видимому, известны; могилы на восточной стороне, если их первооткрыватели правильно нанесли их на карту и если они ровесники улиц и домов, не оставляют места для дальнейших "изоляция" в этом направлении, в то время как большой загородный дом под названием "Каса деи Папири" явно стоял за городом на северо-западе. Исходя из этих фактов, один современный автор подсчитал, что Геркуланум был менее четверти мили в длину, то есть менее 350 ярдов. широкая и менее 26 акров в длину - короче говоря, это не шестая часть Помпеи. Эти показатели, вероятно, слишком малы. "Базилика" на северной стороне главной улицы не могла стоять на окраине города. Должно быть, здесь было не три, а четыре ряда жилых кварталов с юго-запада на северо-восток; могилы, когда-то замеченные в этом квартале, должны быть старше нашего Геркуланума или иным образом не связаны с ним. Площадь всего города, должно быть, составляла 40 или 45, а не 25 акров. Несмотря на это, это маленький городок. Без Энтузиазма упоминаемые о нем в древней литературе, в конце концов, правдивы. Если не считать огромной виллы за его пределами — возможно, императорской резиденции, — он вряд ли заслуживал или сегодня заслуживает того, чтобы его раскопали с такими невероятными затратами, которые были бы связаны с его раскопками.

Дата его планирования столь же сомнительна, как и масштабы его территории. Один из недавних авторов, Ниссен, предположил, что он был реконструирован после землетрясения 63 года н.э. и едва ли был завершен до извержения 79 года. Землетрясение хорошо засвидетельствовано. Но это никак не могло разрушить город настолько, чтобы вызвать массовую перестройку по новым линиям, и надпись скорее указывает на времена Августа. Некто Марк Ноний Бальб (так гласит текст) построил "базилику, ворота и стену за свой счет", и

этот строитель Бальб, вероятно, был современником Августа.^[84] Другие предпочитают думать, что градостроительство обнаруживает греческое влияние; они указывают на греческий город Неаполь, расположенный в 7 милях к западу от Геркуланума, и дорический храм в Помпеях, расположенный примерно на таком же расстоянии к востоку от него. Однако ни градостроительство Неаполя, о котором пойдет речь в следующих параграфах, ни градостроительство Помпей (стр. 68), по-видимому, не обязательно греческое, а в самом Геркулануме нет ничего, что нельзя было бы объяснить как итальянское. Возможно, хотя записей об этом нет, что он получил поселение из уволенных солдат где-то около 30 года до нашей эры, а затем был заложен заново. Но здесь, как и во всем этом исследовании, требуется больше света, если исследователь хочет перейти от догадок к доказанным фактам.

Неаполь (рис. 20).

Еще один пример из окрестностей Геркуланума может дополнить список итальянских планов улиц. Неаполь, греческий и римский Неаполис, был греческим городом, самым процветающим из греческих городов Кампании.^[85] После 90 г. до н.э. он, по-видимому, стал римским "муниципием". Но он сохранил большую часть своей греческой цивилизации. Писатель начала первого века после Рождества Христова Страбон утверждает, что там сохранилось множество следов греческой жизни: "гимназии, спортивные школы, племенные разделения и греческие названия даже для римских вещей". Даже позже Тацит называет его "греческим городом", и греческий язык все еще использовался там для официальных надписей в третьем веке.

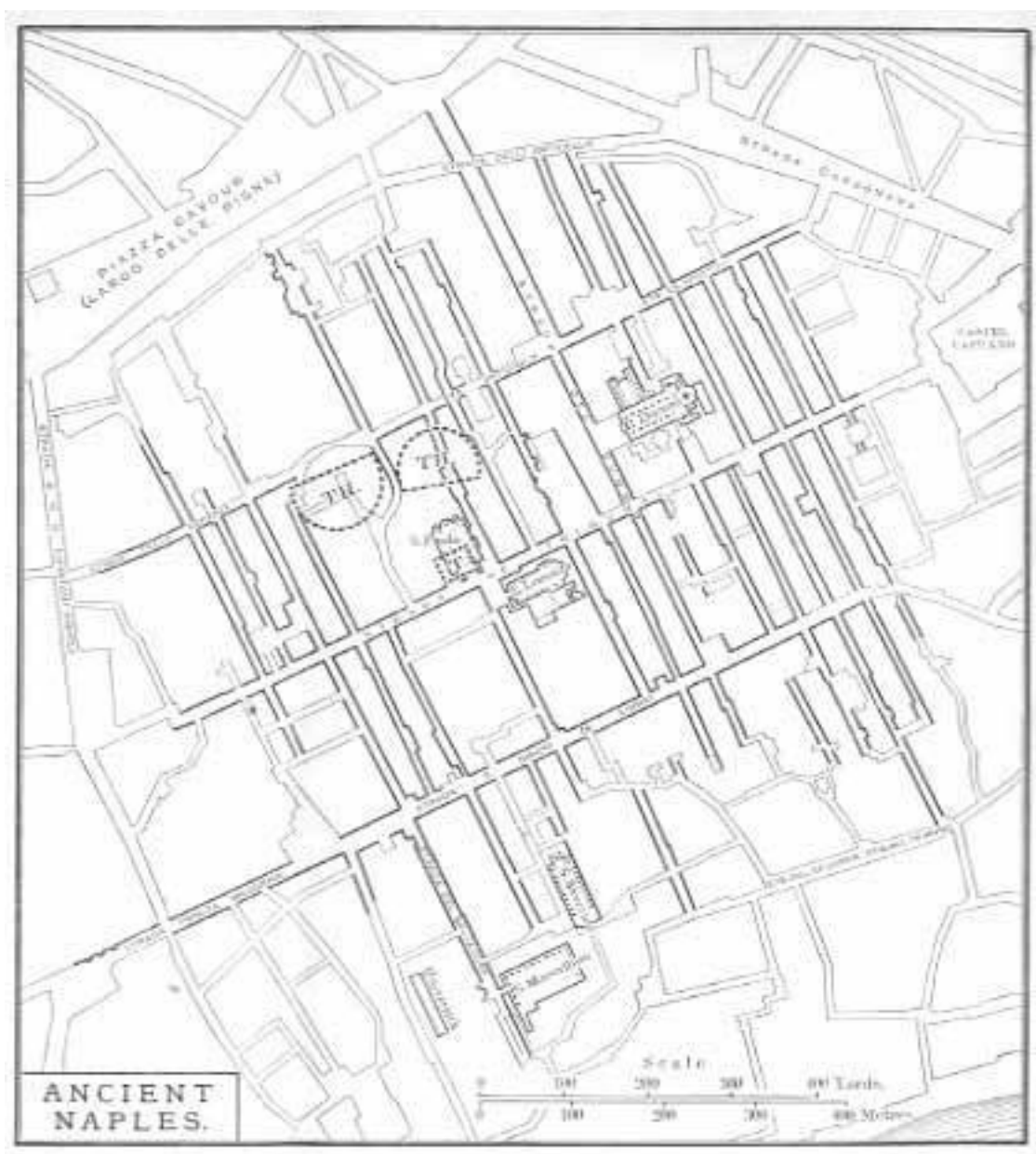

РИС. 20.
НЕАПОЛЬ. АДАПТИРОВАНО ПО ПЛАНУ 1865 ГОДА
(TH = Театр, Т = Храм.)

Этот город Неаполис имел, как утверждают некоторые существующие улицы, своеобразную форму градостроительства. Территория, занимаемая этими улицами, представляет собой неправильной формы пространство площадью 250 акров в центре современного города, примерно в 850 ярдах с севера на юг - 1000 ярдов с востока на запад.^[86] Во времена римской империи три прямые улицы тянулись параллельно с востока на запад, а большое количество улочек поменьше, около двадцати, тянулись под прямым углом к ним с севера на юг. Все жилые кварталы, окруженные этими улицами, были одинакового размера и формы: тонкий продолговатый участок размером 35 x 180 метров (39 x 198 ярдов). Некоторые общественные здания, естественно, занимали более одного "островка"; театр, похоже, действительно занимал три части. В целом, продолговатые дома, по-видимому, были выложены с большой

регулярностью, а углы - прямые, хотя "утеплители" в северном и южном рядах жилых блоков не могли быть полностью прямоугольными и симметричными.

Этот план города Неаполя отличается от любого из упомянутых выше. Его кварталы уже, чем в любом итальянском городе, за исключением Модены, и, хотя они напоминают "инсулы" шестого региона Помпеи (рис. 13), они гораздо более правильные, чем те. Почти единственная близкая параллель - римский Карфаген (рис. 24). Поскольку Неаполь по происхождению и характеру был греческим городом, предполагалось, что эти узкие продолговатые участки представляют собой греческое устройство. Однако они не соответствуют ничему, что известно в греческих землях, ни о македонском, ни о каком-либо более раннем периоде. Трудно избежать вывода, что этот греческий город Неаполь перенял итальянскую схему улиц, но проложил ее с большей научной регулярностью, чем сами ранние итальянцы. Когда это произошло и почему, совершенно неизвестно. О том, что результатом не является непрактичная форма застройки, свидетельствует тот факт, что подобные длинные и узкие жилые блоки являются характерной чертой современного Ливерпуля, хотя они редко встречаются в других английских городах, если только не смешаны с квадратными и другими блоками.

ГЛАВА VIII

ПЛАНЫ РИМСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ. I

Провинции, и прежде всего западные провинции Римской империи, рассказывают нам о римском градостроительстве даже больше, чем Италия. Но они рассказывают об этом по-другому. Они содержат множество городов, которые были основаны полностью или заново основаны и в то же время перестроены, и которые в любом случае были построены по римскому плану. Но современные преемники этих городов редко сохранили сеть своих древних улиц в узнаваемых деталях. Хотя стены, ворота, храмы, бани, дворцы, амфитеатры все еще упрямо возвышаются среди затопленных современных жилищ, это всего лишь острова, обозначающие затопленную территорию. Тропинки и проходы, по которым люди когда-то передвигались по этой местности, исчезли под волнами, и их невозможно восстановить при любом обследовании этих видимых фрагментов. Едва ли найдется хоть один современный город во всех европейских и африканских провинциях Римской империи, который все еще использует значительную часть своей древней планировки улиц. В нашей собственной стране нет ни одного случая. В Галлии и Германии сохранились только две или три улицы в Кельне и одна или две в Трире.^[87] В Иллирии нет примера, за исключением, возможно, Белграда. На испанском полуострове город Брага на севере Португалии, кажется, стоит особняком. В римской Африке — Тунисе, Алжире и Марокко — ни один экземпляр не пережил арабского завоевания.^[88]

Однако, если остатки древних улиц так же редки в провинциях, как и в Италии, в провинциях есть другие свидетельства, неизвестные Италии. На этих землях, и прежде всего в Африке, места многих римских городов остались заброшенными и нетронутыми со времен римской империи, ожидая, когда экскаватор восстановит нетронутый рисунок их улиц. Если Римская империя принесла некоторым провинциям, как это, несомненно, произошло с Африкой, счастливейший период в их истории почти до наших дней, это только делает их останки более

примечательными и поучительными. Здесь новое искусство раскопок уже достигло многих и разнообразных успехов. В западной империи один город, Силчестер в Британии, был полностью раскопан в пределах окружности его стен. Другие, такие как Кэрвент в Британии или Тимгад и Карфаген в Африке, были методично исследованы, хотя исследования еще не затронули или, возможно, никогда не смогут затронуть их целиком. В других странах, некоторые из которых расположены на востоке, случайные поиски или даже случайные открытия пролили желанный свет. Наших знаний уже более чем достаточно для целей этой главы.

Мы уже можем видеть, что план города, описанный на предыдущих страницах, широко использовался в провинциях империи. Мы находим его в Африке, в Центральной и Западной Европе, и действительно везде, где были тщательно раскопаны останки рорранцев; мы находим его даже в отдаленной Британии в условиях, которые делают его использование преждевременным. Там, где раскопки пока не дали никаких доказательств, пробел заполняют другие свидетельства. Так уж получилось, что в южной Галлии археологические находки бесполезны. Но именно там обнаружилась надпись, единственная в своем роде в римском мире, которая доказывает, что по крайней мере одна из "coloniae" Gallia Narbonensis была разбита на прямоугольные продолговатые участки. Достаточно ясно, что этот план города был одной из форм распространения итальянской цивилизации по западным провинциям.

Однако точную меру его популярности определить трудно. На востоке он не нашел широкого распространения. Там очень похожие македонские и греческие методы градостроительства прочно укоренились задолго до того, как Рим завоевал Грецию, Малую Азию, Сирию или Египет. Те немногие планы городов, которые были отмечены в этих землях и которые более или менее предположительно могут быть отнесены к римской эпохе, кажутся скорее эллинскими, чем итальянскими. На них изображены широкие величественные улицы, колоннады, виды, которые принадлежат востоку, а не Италии. Даже на западе правило шахматной доски иногда нарушалось. Аквинкум, недалеко от Будапешта, стал "муниципием" при Адриане; его руины, насколько это было запланировано до сих пор, не имеют настоящей планировки улиц. Но это может быть связано с его историей, поскольку кажется, что он не был основан полностью, а медленно развивался, насколько это было возможно, и в конце концов получил статус муниципального.

Римская Африка здесь, как это часто бывает, наш лучший источник знаний. В Тимгаде (стр. 109) город, построенный по римскому образцу с жесткой "шахматной доской" улиц, впоследствии был расширен нерегулярными и почти хаотичными линиями. В Гигти, на юго-востоке Туниса, улицы вокруг Форума, сами по себе достаточно прямоугольные, не идут параллельно или под прямым углом к нему или друг к другу.^[89] В Тибилисе, на границе Туниса и Алжира, улицы, насколько они еще не проложены, сильно расходятся с рисунком шахматной доски.^[90] Один французский археолог даже заявил, что большинству городов римской Африки не хватало этого образца.^[91] Наши доказательства, возможно, все еще слишком скудны, чтобы доказать или опровергнуть этот вывод. Немногие африканские города были достаточно раскрыты, чтобы показать план улиц.^[92] Но городская жизнь была хорошо развита в римской Африке. Вряд ли правдоподобно, что африканцы изучили всю остальную римскую городскую цивилизацию и городское управление, но отказались от планирования. Отдельные случаи такого планирования, которые будут приведены на следующих страницах, рассказывают о себе сами — о том, что, хотя строгое правило часто нарушалось, оно было правилом.

Оранжевый (рис. 21).

Случай, заслуживающий первого места, стоит сам по себе. Это единственное письменное свидетельство (в отличие от структурных остатков), сохранившееся от римского градостроительства. Достаточно любопытно, что он был найден не в Италии, а в провинции, и в провинции, которая, несмотря на все ее богатство римских построек, еще не обнаружила ни малейшего структурного свидетельства римского градостроительства. В апреле 1904 года в Оранже, на юге Франции, прямо в центре города, был выкопан кусок мрамора с надписью шириной и высотой чуть более 18 дюймов. Это отрывок из длинного документа. Но есть шанс, что он будет понятным. В нем перечислены шесть земельных участков — они называются "меридес" от греческого слова, означающего "доля" или "разделение", — которые, по-видимому, образовали один участок: каждый участок пронумерован, и добавлена длина его фасада на пути общего пользования (*in fronte*), имя его арендатора или *манцепса* и имя его поручителя (*фидейуссора*). Фасады четырех участков составляют 200 футов (фасады двух других утеряны), и было высказано предположение, что все шесть вместе составляли 240 футов. Глубина, которая не указана на сохранившемся фрагменте, но, несомненно, была одинаковой для всех участков, могла составлять 120 футов, и весь участок мог покрывать 120 x 240 футов, то есть римский "югерум". Это явно была часть городской собственности. Самый большой "мерис", участок v, имел размеры всего 25 на 40 ярдов. и никому не было дела до такого поля или фермы. Кроме того, этот участок одним концом примыкал к "людусу", или гладиаторской школе, и выходил фасадом на AD K, *ad kardinem*, на улицу, называемую на языке землемеров "кардо". Вся земля, по-видимому, принадлежала одному арендатору, который получал ее от муниципалитета на чем-то вроде бессрочной аренды.^[93]

РИС. 21.
НАДПИСЬ ОРАНЖЕВЫМ
(Из Собрания Академии надписей.)

Сюжет (мерис), который я (проиграл) ...

Сюжет II ... бессрочный арендатор (*manseps*) С. Невий Рустикус: поручитель за него С. Везидий Квадратный. Перед Кардо.

5

Участок III, фасадом 34½ фута и участок IV, фасадом 35 футов; арендная плата за землю (?), 69½ динариев (на полях). Годовая арендная плата II ... (?). Арендатор и поручитель, как указано выше. Напротив Кардо.

10

Участок V, фасад 55½ футов, и участок VI, рядом со школой гладиаторов, фасад 75 футов ...

Вот, вкратце, запись о продолговатом "островке" в римском городе Оранж. Несомненно, это часть более длинной записи, реестра собственности на дома во всем городе. Оранж, *Colonia Iulia Secundanorum Arausio*, был "колонией", основанной около 45 года до н.э. уволенными солдатами Второго легиона Цезаря. Возможно, реестр был составлен в это время; более вероятно, что он был составлен несколько позже и может быть связан *спереписью* Галлии, начатой около 27 г. до н.э. Безусловно, он сохранялся с большой тщательностью, как одно из "достояний" граждан. Место, где она была выкопана, находится в самом сердце как древнего, так и современного города, недалеко от вероятного места расположения Форума, и надпись, возможно, была нанесена по всей длине на стены какого-нибудь общественного здания. Если,

как это вероятно, земля принадлежала городу, связь надписи с Форумом становится еще более очевидной. В любом случае, город был четко спланирован в виде прямоугольной планировки улиц. Сегодня его улочки такие же извилистые, как и в любом другом провансальском городке.^[94] Странная случайность показывает, каким, должно быть, когда-то был этот и многие другие из этих городов.

Тимгад (рис. 22, 23).

От этого полулитературного свидетельства мы переходим к чисто археологическим находкам, и сначала к провинции Нумидия в Римской Африке и к городу Тимгад. Город Тамугади, ныне Тимгад, находился на северной окраине горы Орес, на полпути между Константином и Бискрой и примерно в ста милях от побережья Средиземного моря. Здесь император Траян основал в 100 году нашей эры "колонию" на земле, тогда совершенно необитаемой, и заселил ее солдатами с истекшим сроком службы из Третьего легиона, который служил гарнизоном в соседней крепости Ламбаэзис. Город рос. Вскоре после середины второго века он достигал более полумили в ширину с востока на запад, а его протяженность с севера на юг, хотя и не известна точно, не могла быть намного меньше. Первое поселение было меньше. Насколько удалось раскопать французским археологам — достаточно для нашей цели, хотя и не полностью, — "колония" Траяна, по-видимому, занимала площадь около 29 или 30 акров внутри стен и была почти квадратной по очертаниям (360 x 390 ярдов). В него входили через четыре главных ворота, три из которых до сих пор можно проследить довольно отчетливо и которые располагались посередине своих соответствующих сторон; расположение южных ворот сомнительно. По словам доктора Бартеля, улица, соединяющая восточные и западные ворота, была проложена так, чтобы указывать на восход солнца 18 сентября, в день рождения Траяна.

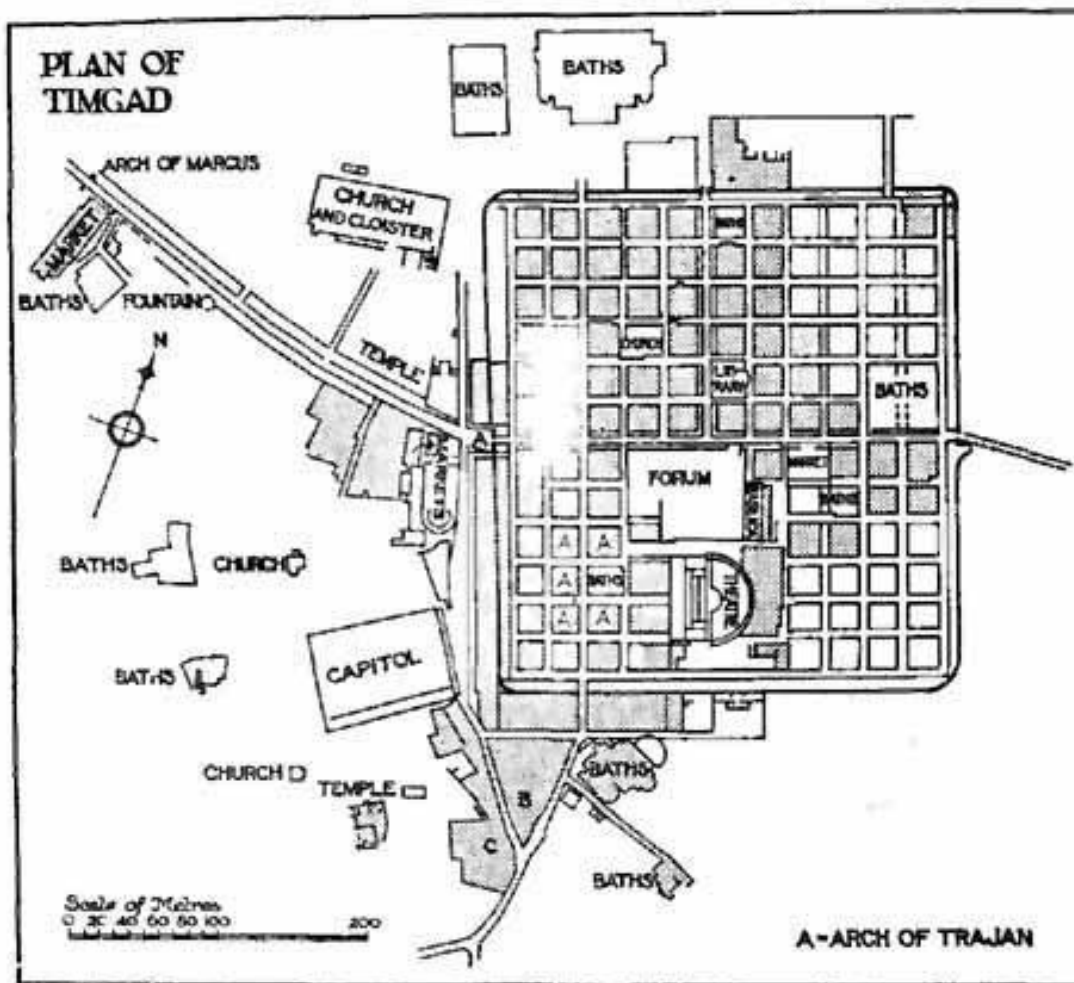

РИС. 22.

ПОСЛЕ КАНЬАТА И БАЛЛУ (1911)

(Шесть "инсул", помеченных буквой А, подробно показаны на рис. 23. Незатененные "островки" еще не вскрыты.)

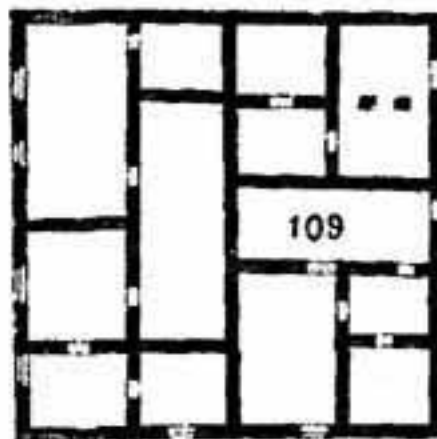
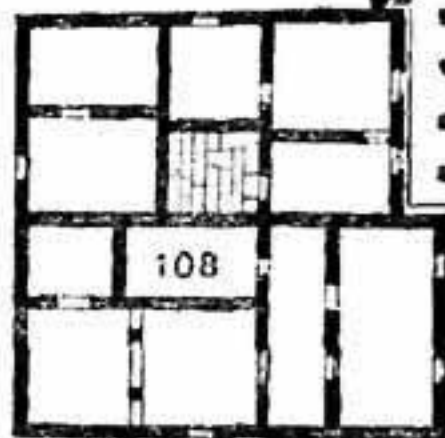
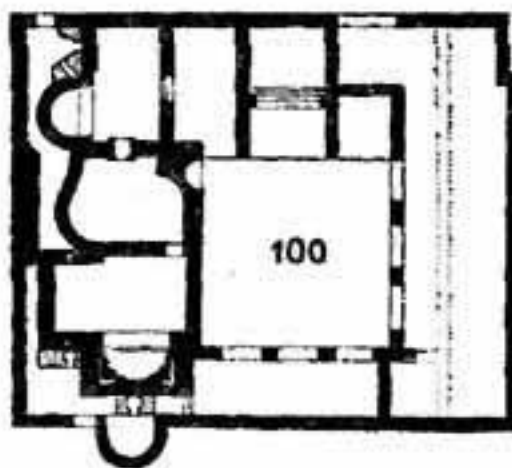
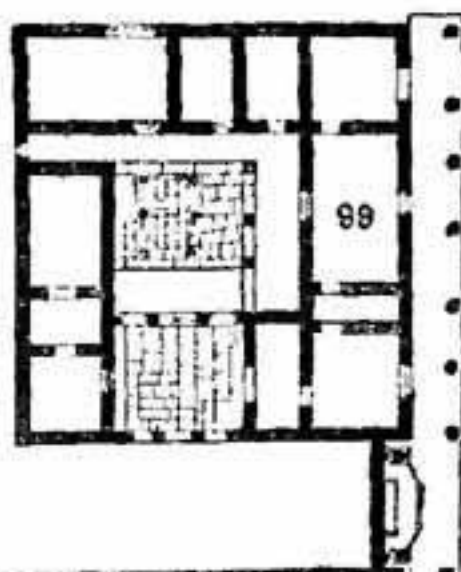
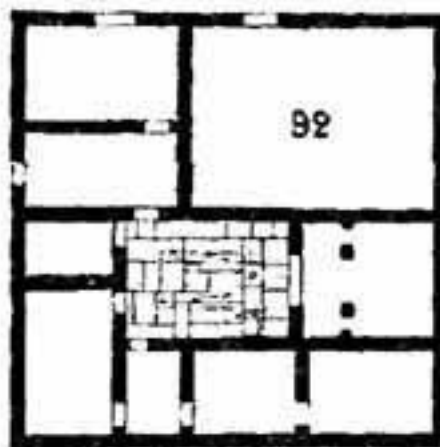
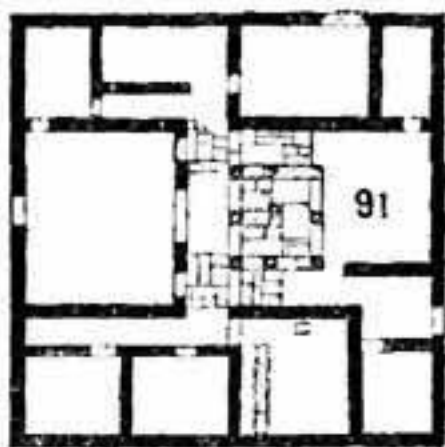

РИС. 23.

ШЕСТЬ "ИНСУЛ" В ЮГО-ЗАПАДНОМ ТИМГАДЕ

(В честь проф. Канья).

Номера 91, 92, 99, по одному дому каждый; 108, 109, по 3 дома; 100, Бани.

Внутренняя часть города была разделена улицами на небольшие квадратные кварталы в шахматном порядке; с севера на юг таких кварталов было двенадцать, а с востока на запад — одиннадцать, а не двенадцать, как часто утверждается. Возможное общее количество 132 "инсула" было, однако, уменьшено из-за площади, необходимой для общественных зданий, хотя нелегко сказать, насколько велико было это пространство в первоначальном городе. В конечном счете, как показывают раскопки, восемь "инсул" были заняты Форумом, четыре - театром, три - различными банями, одну - рынком, одну - Публичной библиотекой и одну - христианской церковью. Но некоторые из этих зданий, безусловно, были построены лишь задолго до 100 г. н.э., а другие, которые, должно быть, существовали с самого начала, вскоре были расширены. Компетентный автор по этому вопросу, доктор Бартель, разрешает использовать семь кварталов для общественных целей в первоначальном городе, но этого кажется слишком мало. Сами кварталы имели в среднем площадь 70 римских футов (23 x 23 ярда) и, возможно, вмещали по одному, двум, трем или даже четыре дома каждый, но они претерпели так много изменений, что их первоначальное расположение совсем не ясно. Улицы, разделявшие эти кварталы, были шириной от 15 до 16 футов; две главные улицы, которые вели к главным воротам, были дополнительно расширены колоннадами и вымощены высококачественными плитами. Под всеми улицами были хорошо проложены коллекторы.

Тимгад Траяна был явно мал. По любой оценке количества домов, первоначальный призыв ветеранов, отправленных туда в 100 году н.э., вряд ли мог превышать 400 человек, а первоначальное население, не считая рабов, должно было составлять менее 2000 человек. Это согласуется с цифрами Аосты (стр. 89). Там на 100 акрах земли было занято 3000 ветеранов и их семей; здесь площадь составляет примерно треть от 100 акров, а земля, доступная для жилья, возможно, составляла одну шестую. Ни в том, ни в другом случае пространство не было потрачено впустую. Вероятно, в Аосте, и уж точно в Тимгаде, не было никаких открытых площадей, красивых фасадов, храмов, открывающихся за величественными проспектами; не было даже частных садов. Единственным большим пространством без крыши в Тимгаде было закрытое помещение площадью в пол-акра в монастыре Форум. Такая экономия места, без сомнения, связана с тем фактом, что "колония" была домом не только для солдат с истекшим сроком службы, но, как сказал проф. Канья справедливо заметил, что квази-крепость наблюдает за склонами горы Орес к югу от нее, точно так же, как Аоста наблюдала за своей альпийской долиной. Как считал заслуживающим внимания Макиавелли, чем короче линия обороны города, тем меньше людей может ее удержать. Градостроительство Тимгада было разработано не по чисто архитектурным или муниципальным принципам. По этой же причине нам, вероятно, напрасно было бы искать сколько-нибудь заметного различия между более богатыми и бедными кварталами и домами большего или меньшего размера.^[95] Центурионы и другие офицеры, возможно, сформировали первую муниципальную аристократию Тимгада, как это делали отставные офицеры во многих римских городах, но среди простых солдат не могло быть определенного элемента бедноты.

Таким был Тимгад Траяна, как показали раскопки, которые сейчас завершены примерно на две трети. Вскоре город преодолел свои узкие границы. За стенами города выросли Капитолий, Бани, большой Мясной рынок и многое другое. Вскоре сами стены, как и во многих средневековых городах — например, северная и западная городские стены Оксфорда, — были надстроены поверх и скрыты более поздними сооружениями. Город вырос с 360 до более чем 800 ярдов в ширину. И по мере того, как он расширялся, он выходил за рамки шахматной доски. Строители более позднего Тимгада не были похожи на строителей более позднего Турина.

Даже *декуманус*, главная улица "востока и запада", уходила на северо-запад неопределенным изгибом, и все, что было обнаружено об улицах за стенами Траяна, нерегулярно и сложно. План города, похоже, был обязательным для первых строителей "колонии". Он потерял свою силу в течение всего нескольких лет.^[96]

Карфаген (рис. 24).

Остается отметить еще один пример градостроительства в римском муниципалитете западной империи, который столь же важен, сколь и ненормален. Карфаген, впервые основанный — хотя и безуспешно — как римская "колония" в 123 году до н.э. и восстановленный в том же ранге Юлием Цезарем или Августом, представляет собой прямоугольный план города, который быстро стал одним из трех или четырех крупнейших и богатейших городов Империи. Регулярность его планировки была отмечена в древние времена одним топографом.^[97] Но план, хотя и прямоугольный, не является обычным. По словам французских археологов, которые исследовали его, он состоял из большого количества улиц — возможно, до сорока, — идущих параллельно побережью, меньшего количества улиц, идущих под прямым углом к ним вниз по склону холма к берегу, и множества продолговатых "инсул", размером каждая примерно 130 x 500 футов, примерно две римские *югеры*. Весь город простирался примерно на две мили параллельно берегу и примерно на милю вглубь страны и занимал площадь около 1200 акров. План его улиц вряд ли может быть старше Цезаря или Августа, но форма его "инсул", по-видимому, не имеет аналогов в ту эпоху. Он ближе всего подходит к продолговатым кварталам Помпеи и Неаполя (стр. 63, 100), и его два театра также напоминают эти города. Одна из причин такого плана, без сомнения, кроется в физическом характере объекта. Земля спускается с холмов к берегу и поощряет использование улиц, которые проходят ровно по склонам, параллельно берегу, а не более или менее круто к нему.^[98]

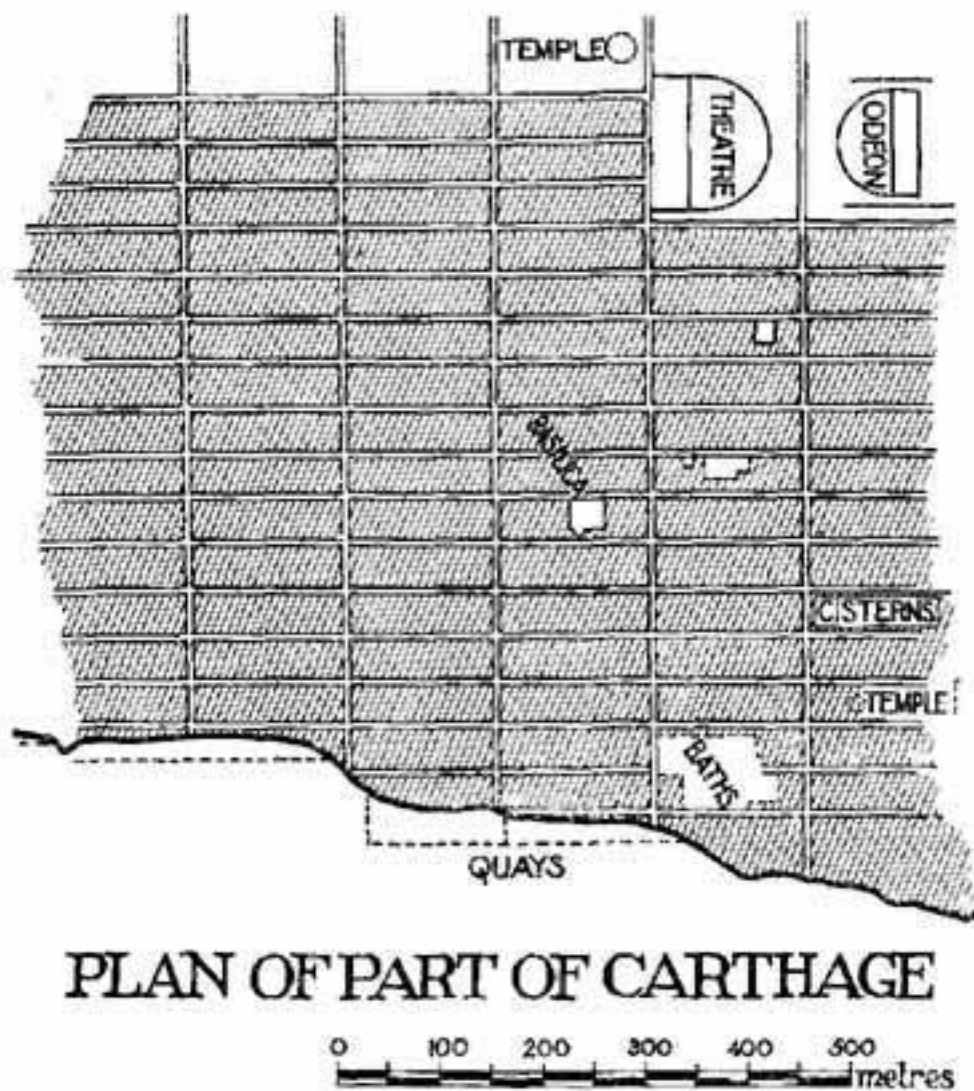

РИС. 24.

ЧАСТЬ

плана КАРФАГЕНА, основанного на *археологической карте руин Карфагена*, составленной Гоклером и Делаттр.

Лайбах (рис. 25),

Нумантия, Линкольн (рис. 26).

Еще три или четыре обычных примера, выбранных наугад из провинциальных муниципалитетов, могут показать распространение градостроительства в западном римском мире. Один из примеров, расположенный на границе с Италией, можно найти недалеко от приятного городка Лайбах на юге Австрии. Здесь Август в 34 году до н.э. основал "Колонию Юлия Августа Эмона", и недавняя работа доктора В. Шмида пролила много света на ее характер. По очертаниям колония представляла собой прямоугольник площадью почти 55 акров (480 x 560 ярдов) и была разделена на сорок восемь кварталов пятью улицами, которые тянулись на север и юг, и семью улицами, пересекавшими их под прямым углом; из этих сорока восьми кварталов некоторые, конечно, должны были быть заняты общественными зданиями. Они различались по размеру:

самые крупные из пока запланированных (II на рис. 25) размером 170 x 195 футов, или $\frac{3}{4}$ акра; два других размером 163 x 170 футов; в то время как один квартал, в котором находился один большой дом, мало чем отличающийся от силчестерской "гостиницы", был 112 x 168 футов. (План, II), а следующий блок был немного меньше. Ни один из размеров не показывает никаких следов нормальных 120 или 240 футов (стр. 79). Улицы были очень широкими (37-40 футов); одна из них, которая, возможно, является "кардо максимум", достигала 47 футов в поперечнике. Под главными улицами, как обычно, проходила канализация. Вокруг всего города стояли мощные стены, усиленные через равные промежутки квадратными выступающими башнями; четыре угла были не закругленными, а прямоугольными, по образцу Аосты и Турина (стр. 87, 90).^[99]

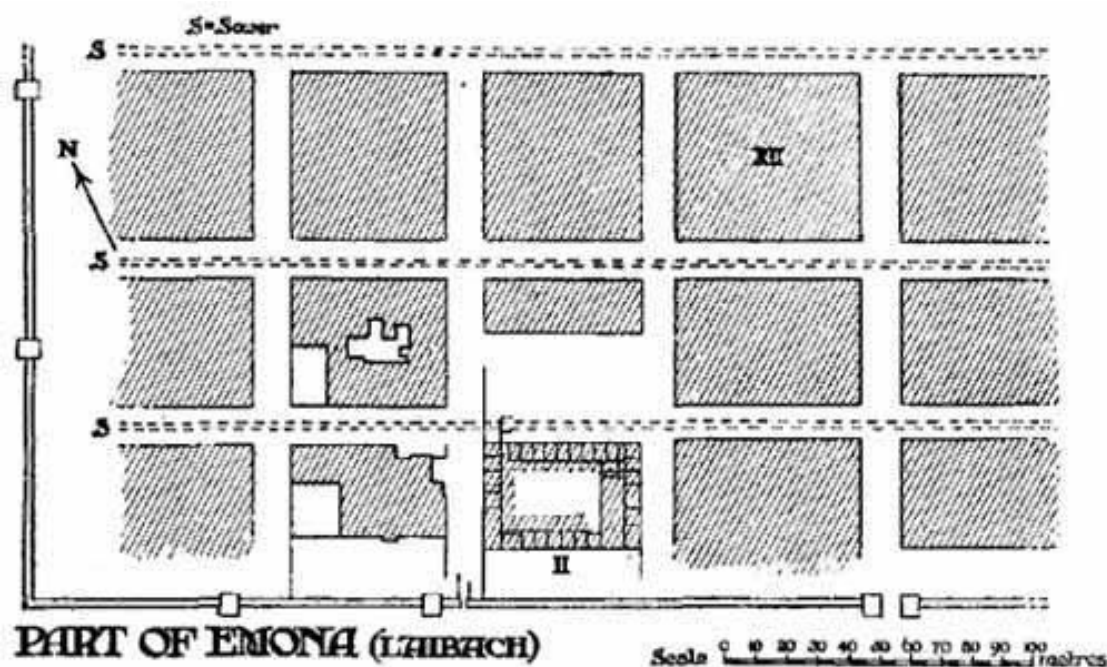

РИС. 25.
ЧАСТЬ ЛАЙБАХА
(От В. Шмида.)

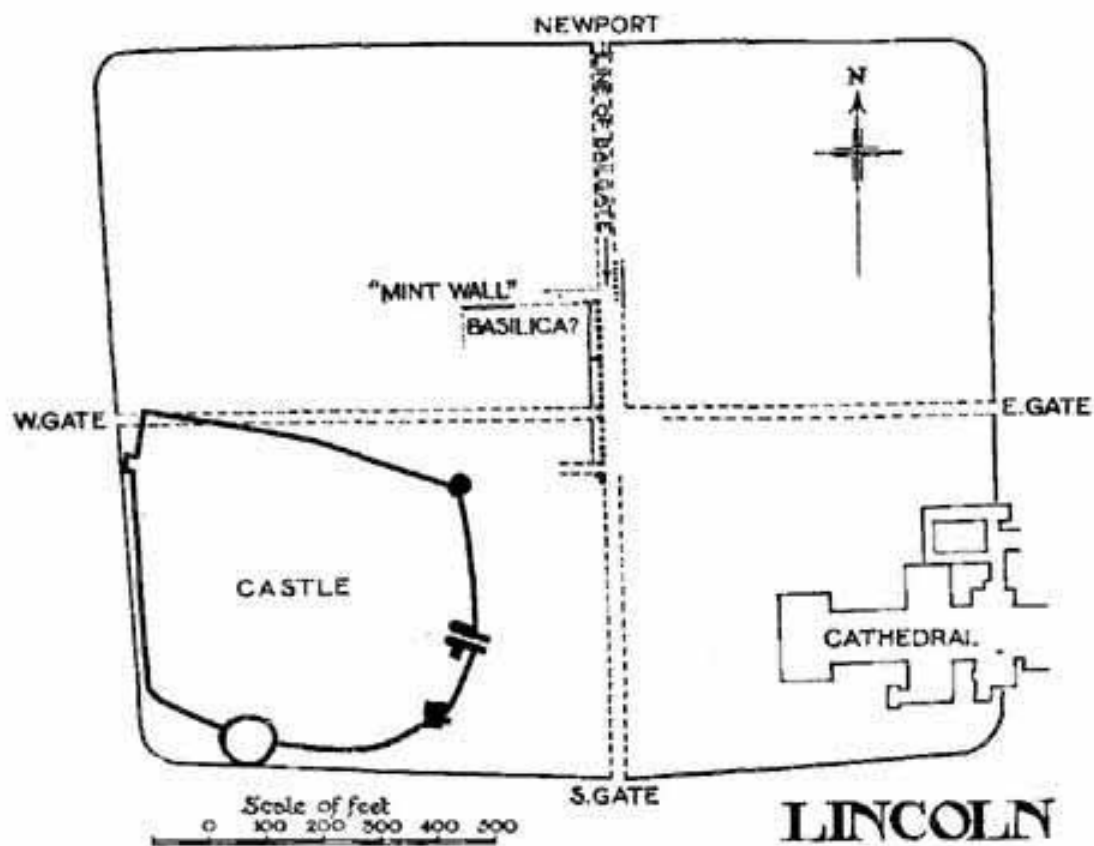

РИС. 26.
ЛИНКОЛЬН, ОЧЕРТАНИЯ РИМСКИХ СТЕН
(См. стр. 118)

РИС. 27.
ЛИНКОЛЬН, ОСНОВАНИЯ КОЛОННАДЫ ПОД БЕЙЛГЕЙТОМ
(стр. 118)

Для второго примера обратимся к отдаленному уголку центральной Испании. Город Нумантия в прежние времена был знаменит своей длительной борьбой с армиями Римской республики. При римском правлении это было совершенно незначительно. На обломках нумантийской свободы вырос маленький римский городок. Но он почти не упоминается, за исключением одного или двух путеводителей. Тем не менее, он имел в той или иной форме муниципальный статус, а его улицы и дома демонстрируют раскопщикам следы римского градостроительства. Улицы шли параллельно или под прямым углом друг к другу; размеры жилых кварталов составляли около 50 ярдов. площадь.^[100]

Третий пример можно привести из нашей собственной страны. Линкольн, римский Линдум, был основан как "колония" около 75 г. н.э., и очертания его первоначальной территории, его "Альтштадта" — поскольку он, возможно, был расширен во времена Римской Империи, — все еще можно проследить "Над холмом" вокруг замка и собора (рис. 26). Он образовывал

прямоугольник размером чуть более 41 акра (400 x 500 ярдов). Четыре ворот, на одних из которых до сих пор сохранилась римская арка, вели к двум главным улицам, которые делили город на четыре симметричных квартала и пересекались под прямым углом в центре. Вдоль одной из этих улиц, которая хотя бы приблизительно совпадает с современной улицей Бейлгейт, тянулась величественная колоннада (рис. 27), хотя не совсем ясно, принадлежала ли она какому-то особому зданию или украшала всю улицу целиком. Под той же улицей, что и в Тимгаде, Лайбахе и других местах, проходила городская канализация (рис. 28). О другой главной улице и переулках ничего не известно, но мы вряд ли можем сомневаться, что они выполняли рисунок шахматной доски.^[101]

Вероятно, остальные четыре муниципалитета Великобритании были спланированы аналогичным образом, хотя доказательств слишком мало, чтобы доказать это. В Ветуламиуме (например) близ Сент-Олбанса местный археолог давным-давно утверждал, что обнаружил схему симметричных жилых блоков, напоминающих квадраты, очень слегка перекошенные. Последующее расследование показало, что эта схема была просто или по большей части плодом воображения.^[102]

РИС. 28.

ЛИНКОЛЬН. КАНАЛИЗАЦИЯ Под БЭЙЛГЕЙТОМ

ГЛАВА IX

ПЛАНЫ РИМСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ. II

В предыдущих главах римское градостроительство рассматривалось в связи с городами определенного муниципального ранга, которые носили названия "колония" или "муниципиум". Система, конечно, тесно связана с таким основанием, как основание "колонии", подразумевавшееся в ранней империи, в то время как не менее римский характер "муниципия" сделал градостроительство подходящим и для этого класса городов.

Однако этим городом дело не ограничивалось. Это нередко встречается в провинциальных городах с более низким правовым статусом, таких, какие не были редкостью в Британии, Галлии и в некоторых других округах. Можно привести четыре примера из двух только что названных провинций. В первом, Autun, градостроительство объясняется созданием города, полностью выросшего под официальным влиянием Рима. К сожалению, однако, о зданиях известно мало, и трудно судить о действительном характере этого места. Во втором случае, Трире, мы можем предположить аналогичное официальное происхождение. В Силчестере, по-видимому, также имело место официальное влияние, и не исключено, что четвертый случай, Кэрвент, может быть объяснен той же причиной. В этих двух последних, однако, более важно наблюдать за природой городов, которая известна лучше, чем природа любых других в Западной Европе. Ибо они воплощают тип городской жизни, отличный от всего, что встречается в Италии или в более цивилизованных районах Империи, и который поразительно иллюстрирует один из слоев провинциальной культуры.

Осень (рис. 29).

Цезарь завоевал северную и центральную Галлию для Римской империи; на долю Августа выпало организовать завоеванные, но пока еще нероманизованные земли. Среди многих шагов к достижению этой цели он, по-видимому, заложил новые туземные города, которые должны занять места старых столиц туземных племен и вытеснить местные кельтские традиции новыми римскими муниципальными интересами. Эти новые города, как правило, не обладали полным римским муниципальным статусом; северная Галлия была еще не вполне созрела для этого. Но они были явно придуманы, чтобы способствовать продвижению романизации, и их цель обозначена их наполовину римскими, наполовину кельтскими названиями - Августодунум (ныне Отен), Цезаромагус (Бове), Августа Суэссон (Суассон), Августа Треверорум (Трир) и тому подобное.^[103] Из двух из них, Отена и Трира, мы случайно узнали планы городов. Читатель заметит определенное сходство между ними.

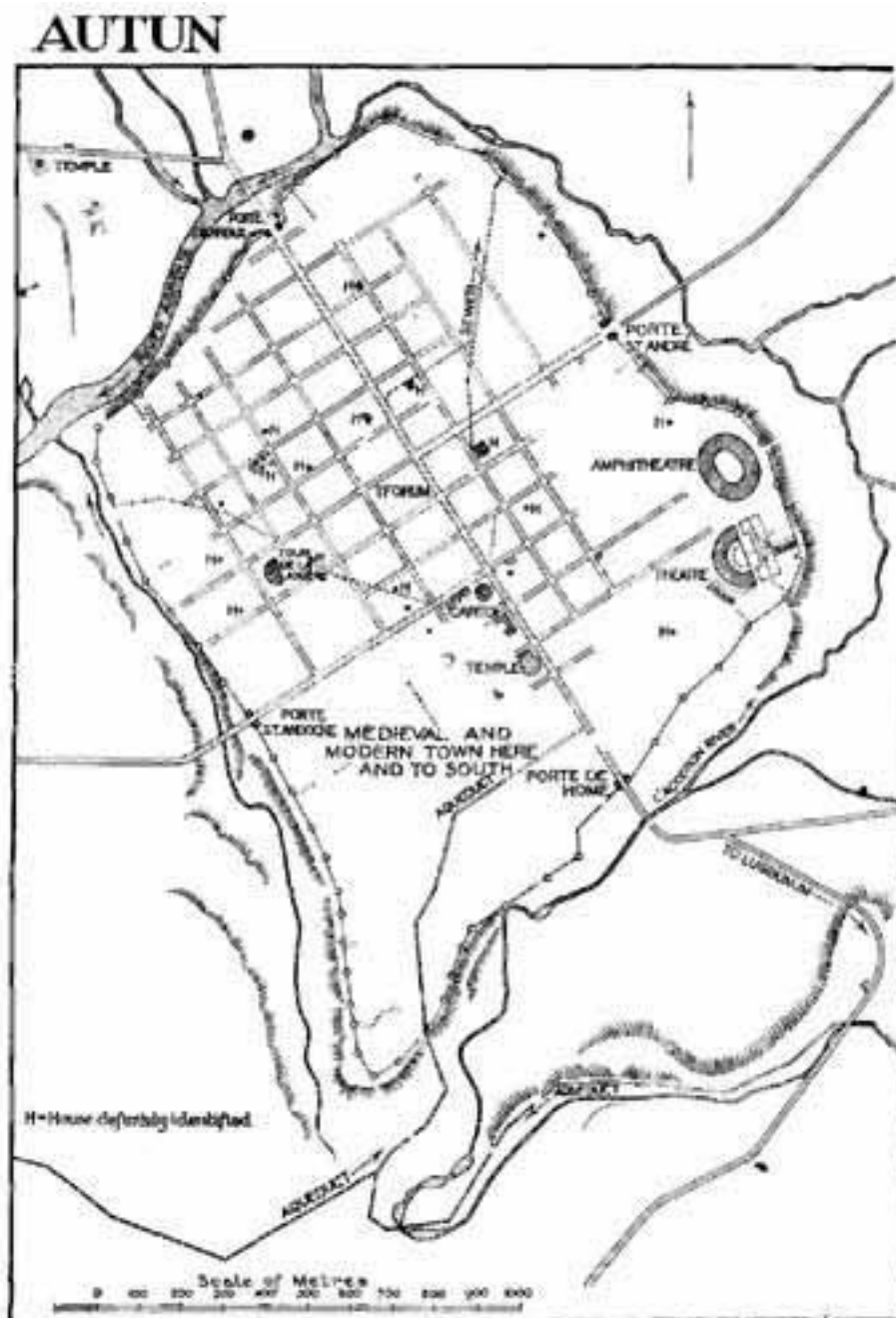

РИС. 29.

ОТЕН

(По Х. де Фонтенэ, 1889 г.)

На этом месте стоит Отен, где находятся величественные руины римского Августодунума, построенного Августом около 12 г. до н.э. Он, как представляется, выселил галльских жителей из старой крепости Бибракте на горе Мон-Беврэ и поселил их в двенадцати милях от города на незанятом участке у реки Арру. Новый город занимал площадь примерно в 490 акров - это при условии, что сохранившиеся ныне стены и ворота, как принято считать, являются работой Августа. Город внутри крепостных стен, должно быть, был заложен полностью сразу. Довольно большая его часть, возможно, составляющая целых три четверти, открыла тщательным исследованиям французских археологов правильную систему четырехугольной планировки

улиц, которая, весьма вероятно, простиралась даже на неисследованный квартал. На римскую улицу, проходившую через город с юга на север, от Римских ворот до ворот д'Арру, выходило по меньшей мере тринадцать "инсул", а на одну из улиц, пересекавших ее под прямым углом, выходило одиннадцать таких кварталов. Они несколько различаются по размеру. Более крупные "инсулы", расположенные к западу от главной северной и южной улиц, имеют продолговатую форму и размеры примерно 150 x 100 ярдов. (скажем, 3 акра); многие дома поменьше имеют более близкую к квадратной форму (98 x 98 или 109 ярдов, около 2 акров).

Но регулярность этого плана - явно работа цивилизованного человека. Когда кельтов привезли жить в римский город, позаботились о том, чтобы он был действительно римским.^[104] Только мы, возможно, можем задаться вопросом, не был ли план составлен Августом с прицелом больше на будущее, чем на настоящее, и, возможно, включал в себя больше "инсул", чем на самом деле было жителей, которые можно было заселить сразу. Так, несомненно, было в средневековом английском городке Уинчелси, где прямоугольные участки под застройку, заложенные Эдуардом I, в значительной степени остались пустыми и незанятыми до наших дней.

Трир (рис. 30).

Мы можем взять другой пример из северного города, Трира на Мозеле, в северо-восточной Галлии (Augusta Treverorum). В более поздние времена это был большой город, возможно, самый большой римский город в Западной Европе. Когда были построены его стены и возведены его знаменитые северные ворота, Порты Нигра, вероятно, ближе к концу третьего века, они занимали площадь в 704 акра, что в двадцать пять раз больше первоначального Тимгада, хотя, следует добавить, эта территория, возможно, не была полностью застроена домами. Но тогда это был старый город. Его самые ранние остатки относятся к самым ранним дням Римской империи (2 год н.э.), когда он был основан, как и Отен, на месте, которое (как кажется) никогда раньше не было заселено.^[105] От этого первого начала у нас есть следы, которые нас здесь интересуют. Восемь или девять лет назад, когда современный город был обеспечен дренажом, инженеры-строители и трирские археологи, возглавляемые покойным доктором Грейвеном, объединились, чтобы отметить места, где дренажные траншеи прорезали участки римской дороги.^[106]

Эти точки позволили получить правильный план улиц, пересекающихся под прямым углом, который во многих своих чертах очень напоминает план Отена. Были проложены тринадцать улиц, идущих на восток и запад, и восемь (доктор Грейвен говорит, что семь, но на его плане показано восемь), идущих на север и юг. Восточная и западная улицы, за двумя исключениями, расположены примерно в 320 футах друг от друга. Северная и южная улицы различались, некоторые соблюдали это расстояние, другие находились на расстоянии не более 260 футов друг от друга. В результате прямоугольные жилые блоки также различались по размеру. Самыми большими, по-видимому, были те, которые выходили на улицу, пересекавшую город с востока на запад, от Императорского дворца до Бань и Западных ворот, и примерно соответствовали нынешней Кайзерштрассе. Вполне возможно, что это была *декуманус*, главная восточная и западная улица "колонии", и, следовательно, выходящие на нее жилые кварталы могли быть необычно большими (стр. 77). Один из них, недалеко от Ноймаркта, достиг неуклюжих размеров почти в 3½ акра (320 x 460 футов). Другие в других местах были меньше, многие размером 320 x 320 футов, а другие снова 320 x 245 футов, что составляет менее 2 акров. В целом, "инсулы" на

восточной и западной сторонах города были больше, чем в центре. Все это имеет сходство с Отоном и более нерегулярно, чем готовы допустить авторы о Трире.^[107]

Неизвестно, сколько домов могло занимать большой или маленький "островок"; действительно, мы почти ничего не знаем о частных домах римского Трира. Мы также не можем установить количество "инсул". На западе, а еще больше на востоке и юго-востоке города, большая часть территории не была затронута дренажными работами и поэтому осталась неисследованной. У нас есть доказательства только улиц и зданий длиной в милю и шириной в полмили.

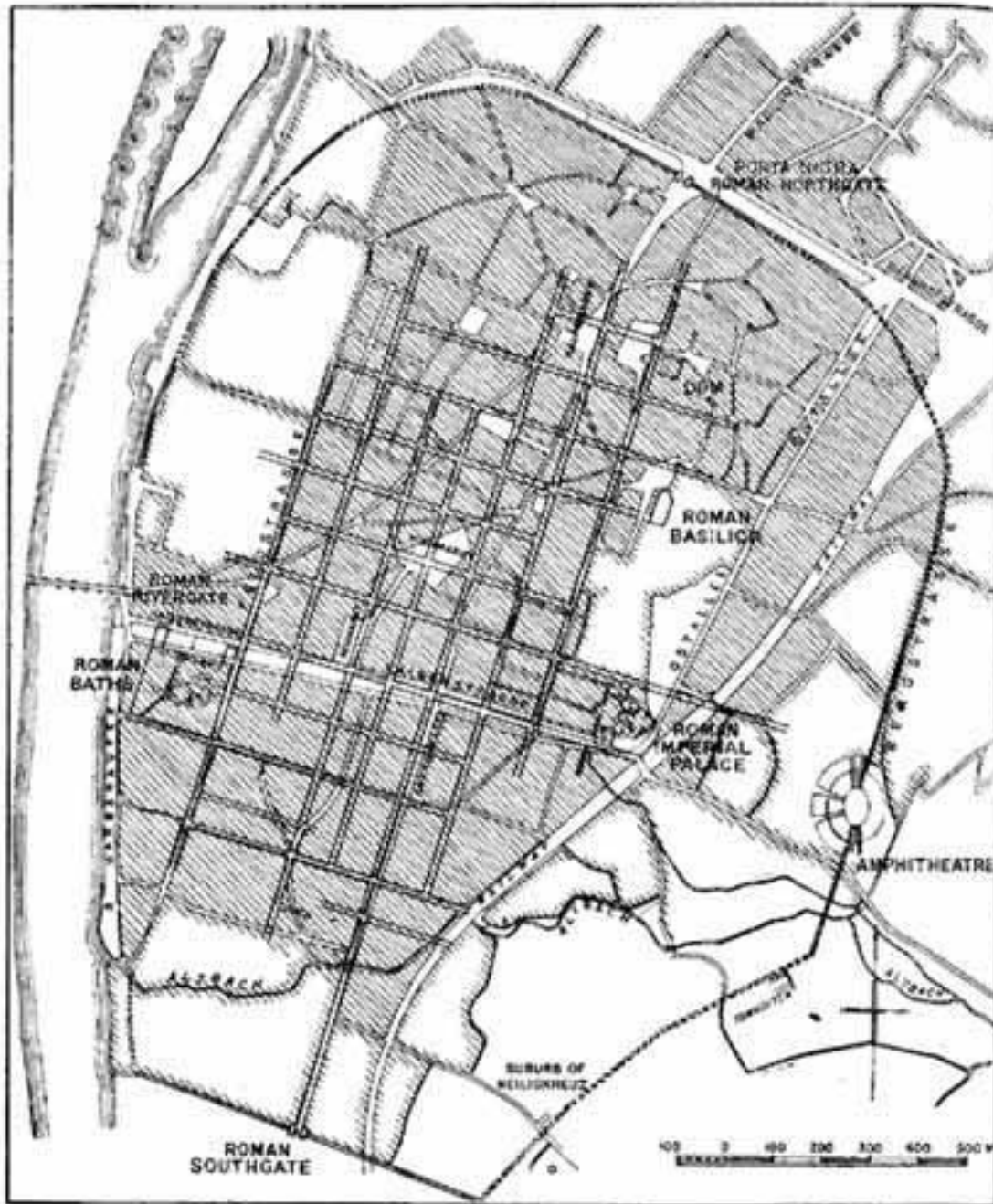

РИС. 30.

ТРИР

(По плану покойного доктора Гревена.)

Тем не менее, мы можем высказать некоторые предположения о первоначальном районе. Сама улица явно датируется первоначальным основанием романо-галльского города Августом. Действительно, насколько мы знаем, в его истории нет другой эпохи, когда можно было бы провести полную реконструкцию. С другой стороны, маловероятно, что первый город был в милю длиной и полмили шириной. Возможно, как предположил проницательный немецкий археолог, небольшие "островки" на юге города могут указывать на линию первоначальной стены и рва, которые, как и первые стены Тимгада, позже были захвачены растущим городом. Несомненно, ранние захоронения, найденные в окрестностях, показывают, что это место когда-то находилось за пределами населенного пункта, и подобные свидетельства были отмечены как на севере города на Симеонштрассе, так и на западе возле Мозельского моста. Если это так, то Augusta Treverorum, возможно, сначала занимала площадь всего 120 или 130 акров; затем, когда территория расширилась за свои первоначальные пределы, ее строители более или менее точно повторяли линии первых улиц и, за исключением Черных ворот, продолжали рисунок шахматной доски, как это было продолжено в Турине.

Силчестер (рис. 31, 32).

Силчестер, Каллева Атребатум (рис. 31), показывает иную картину, которая тем интереснее, что раскопки, проведенные в 1890-1909 годах, дали нам более полное представление о городе, чем о любом другом римском месте в западных провинциях.^[108] Это была, по-видимому, старая племенная столица атребатов и уездный город своего округа во времена римской империи; хотя он и не обладал полным муниципальным статусом, вероятно, это было местопребывание местного самоуправления значительного района. В общих чертах это был неправильной формы восьмигранный участок площадью 100 акров, защищенный прочной каменной стеной, которая была возведена намного позже первоначального фундамента. Внутри он был разделен улицами, которые, за исключением восточных ворот, шли параллельно или под прямым углом друг к другу. Его зданиями являются: Форум и базилика, комплекс общественных бань, четыре небольших храма, небольшая христианская церковь, отель и большое количество частных домов. Его территория ни в коем случае не застроена зданиями. Садовая земля, должно быть, была обычной и дешевой, а сами здания не образуют непрерывных улиц; они даже не выходят фасадом на проезжую часть, как дома в итальянских городах. В этом отношении Силчестер сильно отличается от любого из примеров, которые мы уже рассматривали, насколько нам известны его внутренние постройки. Я не буду называть это "городом-садом", поскольку город-сад представляет собой попытку привнести в город некоторые черты сельской местности. Силчестер, как мне кажется, представляет собой полную противоположность. Это попытка вписать городские черты в сельскую местность.

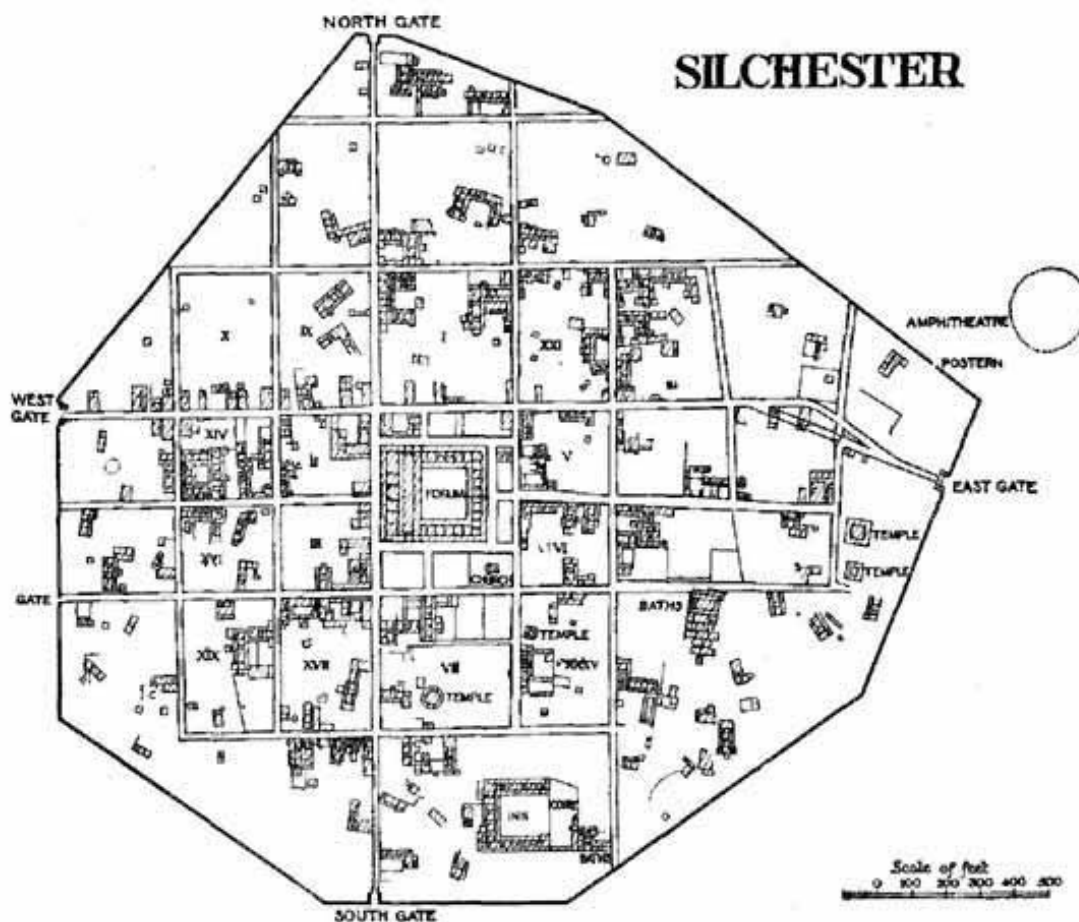

РИС. 31.
СИЛЧЕСТЕР
(Подробнее см. рис. 32.)

Большая часть, должно быть, была выложена сразу. Во всяком случае, территория, углы которой образуют "инсулы" с номерами X, XXI, XXXV и XIX, а центр - Форум, должна была быть спланирована полностью с самого начала. Он занимает всего 40 акров и разделен на прямоугольные участки, из которых самый маленький занимает чуть меньше полутора акров, а самый большой - чуть меньше 3½ акров.^[109] За пределами этого района разделение города на "инсулы" менее полно, хотя большинство улиц проходят прямо до стен, и одна или две детали могут натолкнуть нас на мысль, что разделение на "инсулы" в какое-то время было расширено за линию, которую в конечном итоге заняли стены.

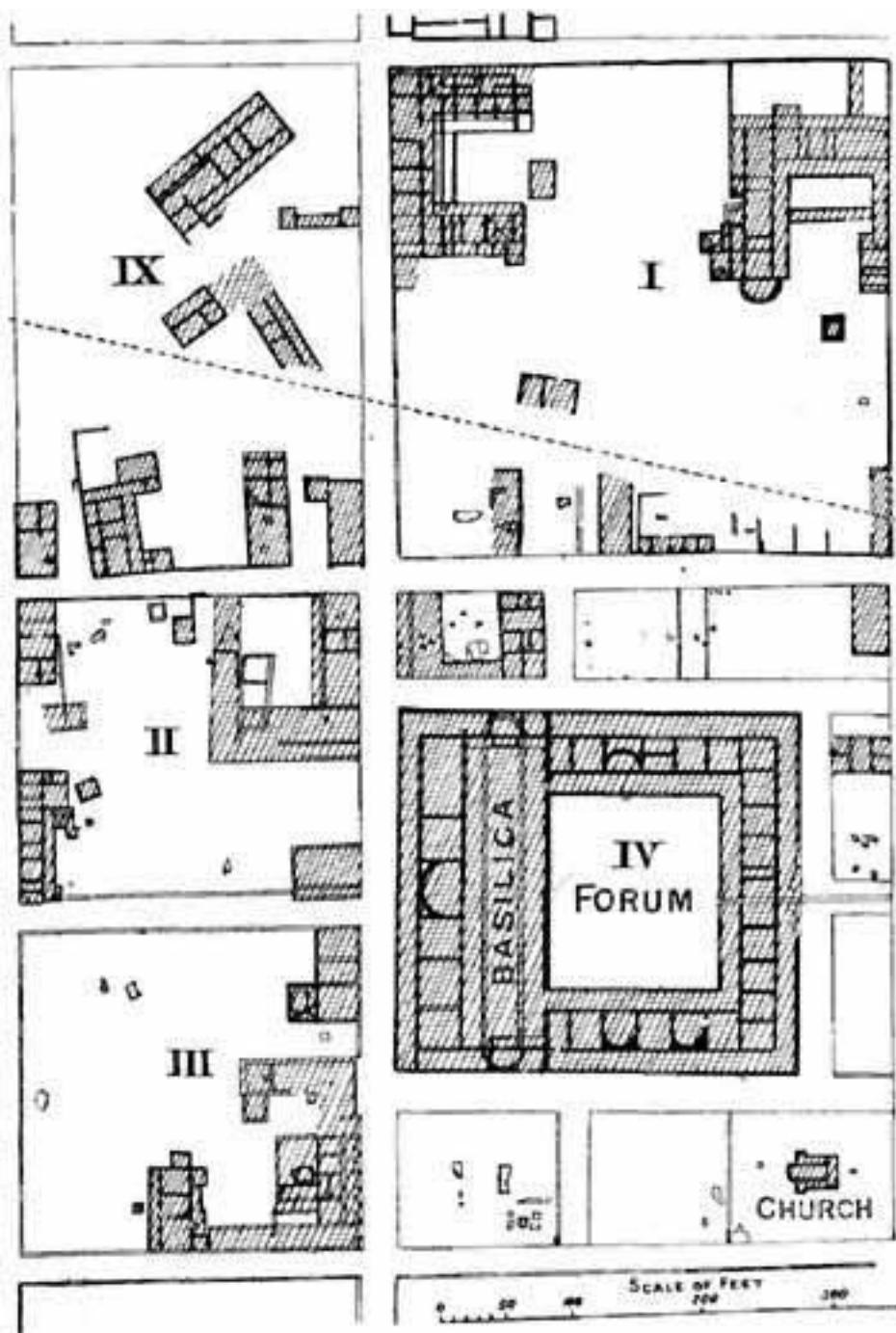

РИС. 32.
ДЕТАЛИ ЧЕТЫРЕХ ИНСУЛОВ, ФОРУМА И ЦЕРКВИ В СИЛЧЕСТЕРЕ
(Из *Archaeologia*.)

Но каким бы ни было точное количество римских зданий и римский план улиц, предоставленный Силчестеру при его первой закладке, по сути, это место не является настоящим городом. Дело не только в том, что, как я уже сказал, дома не образуют непрерывных улиц. Один взгляд на дома покажет, что они никак не могут быть вписаны в улицы. Типы домов, которые здесь видны, не являются городскими домами. Это те типы, которые встречаются среди "вилл", то есть жилищ землевладельцев или фермеров, по всей сельской местности

Римской Британии и северной Галлии, а город, который они составляют, представляет собой скопление загородных домов. Произошло обратное тому, что мы часто наблюдаем сегодня в Англии. У наших современных строителей и архитекторов было — возможно, совсем недавно — только одно представление о маленьком доме, а именно о доме, который сегодня характеризует однообразные улицы в бедных кварталах наших новых городов, с парадной дверью и эркерным окном с одной стороны, офисами позади, а две другие его стороны оставлены пустыми, чтобы на их фоне могли стоять другие дома. Это городской дом. И все же наши современные строители используют его как таковой в самых пустынных сельских районах. Я наткнулся на один такой не так давно, проезжая по уединенной долине в Эксмуре. Там он и стоял, рядом с ним не было другого дома, но две его стороны безучастно ждали улицы, которая должна была образоваться справа и слева.

Противоположное этому произошло в Каллеве; здесь сельский дом был использован, почти без изменений, для создания города. Мы видим римский план улиц, представленный в окрестностях, которые не являются по-настоящему городскими. Внешнее выражение цивилизованной муниципальной системы противостоит провинциальной и сельской жизни. Это была преждевременная попытка муниципализировать британца, которая опередила готовность британца к муниципализации. Силчестер, вероятно, был племенным центром до прихода римлян; какое-то время он, возможно, оставался почти таким же и при римском правлении. Но через сорок лет после римского завоевания, в правление Веспасиана (около 70-85 гг. н.э.), романизация всей провинции, по-видимому, быстро продвинулась вперед. Это, действительно, поощрялось правительством Метрополии. Различные детали позволяют предположить, что закладка Силчестера относилась именно к этой дате. Но до этого Каллеван подняться не смог. Он многому научился в Риме; он узнал даже городскую жизнь; он не узнал городскую жизнь в ее высшей форме. Когда его город был "османизирован" и застроен римскими улицами, римским форумом, базиликой и всем остальным, он все же продолжал жить — возможно, более счастливо, чем истинный горожанин, — в своих беспорядочно расположенных домах и коттеджах среди бескрайних садов. Район Силчестера мало отличался от района Аосты; его население, если судить по количеству жилых домов, едва ли было таким большим, как в Тимгаде.

Кэрвент (рис. 33).

Наконец, я перехожу к другому романо-британскому городу, Кэрвенту (Вента Силурум), между Чепстоу и Ньюпортом в Монмутшире. Это городок поменьше Силчестера. Оба города, возможно, начинались с одинаковой площади, 40 или 45 акров. Но Кэрвент так и не расширился; в пределах городских стен его площадь оставалась ненамного больше 45 акров. Земля в нем, вероятно, была ценной; конечно, его дома расположены теснее, а сад меньше, чем в Силчестере. Общий тип, однако, тот же. Здесь есть очень похожие Форум и базилика, храмы, амфитеатр и большое количество частных домов, которые очень напоминают Силчестерские. Более того, по крайней мере, в тех частях, которые были до сих пор раскопаны, сохранились отчетливые следы прямоугольного уличного рисунка, который, если бы его провели через весь город, образовал бы (включая Форум) двадцать "инсул". Размер этих кварталов невозможно определить с какой-либо точностью. Действительно, в некоторых случаях дома, похоже, вторглись в план улицы и исказили его. Вероятно, было бы верно сказать, что средний квартал занимал полтора или две трети акра.^[110] Мы недостаточно знаем историю Кэрвента, чтобы делать больше, чем догадываться, как к нему пришел этот план улицы. Весьма вероятно, что

здесь был применен тот же процесс создания местной столицы в римском стиле, что и в Силчестере. Весьма вероятно, что этот шаг был сделан в тот же период, что и в Силчестере, то есть в последние тридцать лет первого столетия. Его появление знаменательно. Каервент лежал далеко на западе, за его пределами не было ничего, кроме гарнизонов. Это был форпост римской городской жизни на берегу Атлантики. Это был единственный город римской муниципальной планировки в Британии, который обдувался атлантическими бризами.^[111]

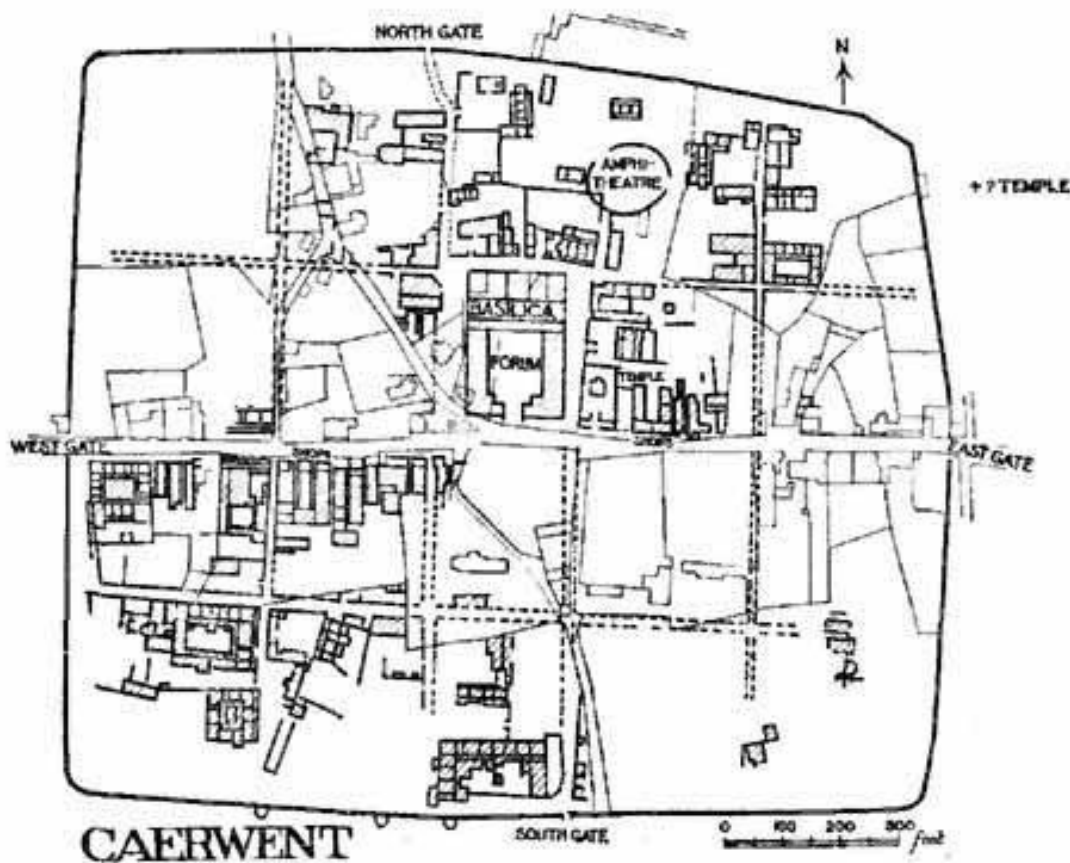

РИС. 33.
КЭРВЕНТ
(Уменьшено с плана Ф. Кинга.)

Силчестер и Кэрвент были не одиноки в Британии. В Роксетере, древнем винокониуме, племенном центре корновии и романо-британском провинциальном городке, очень похожем на Силчестер, хотя и несколько крупнее, продолговатые "инсулы" были недавно обнаружены мистером Дж.П. Буше-Фоксом, которые имеют размеры 103 x 126 ярдов (2-2 / 3 акра). В Сайренчестере, романо-британском центре кантона Добуни и еще более крупном городе, чем Роксетер, "инсулы" рядом с базиликой, по-видимому, достигали 120 ярдов в длину, хотя полные детали еще не получены. Оба этих города можно отнести к поздним годам первого столетия и к тому же процессу цивилизации, что и Силчестер и Кэрвент. Поэтому, по мере обнаружения новых романо-британских городов, мы можем надеяться на новые примеры. Каким бы несовершенным ни было понимание внутреннего смысла градостроительства, оно было явно распространено на юге Римской Британии.

ПРИМЕЧАНИЕ. ВОСТОЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ.

Чтобы завершить обзор римского провинциального градостроительства, мы должны кратко взглянуть на Восток. Здесь городов римского происхождения было немного, и из этих немногих едва ли какие-либо хорошо известны. Но они не лишены интереса. Возьмем, к примеру, Антиной, построенный Адрианом в память о своем любимце Антиноеусе на берегу Нила. Это был параллелограмм более 3 миль в окружности, занимавший площадь в 360 акров. Две главные улицы, каждая с колоннадами, пересекались под прямым углом и делили его на четыре части. О других улицах, похоже, ничего определенного неизвестно. Но упоминания о городе в папирусах обозначают четыре его квартала различными буквами: Альфа, Бета, Гамма, Дельта, а жилые кварталы обозначаются термином "Плентейон" с прикрепленной к нему цифрой. Таким образом, дом описывается как расположенный "в букве Дельта и цоколе 7". Наши документы показывают, что в Антиное было по меньшей мере одиннадцать таких постаментов.^[112] Совершенно очевидно, что это прямоугольные "инсулы" либо римского, либо эллинского типа, в то время как общий вид города и его памятников наводит на мысль о греческом, а не итальянском городе.

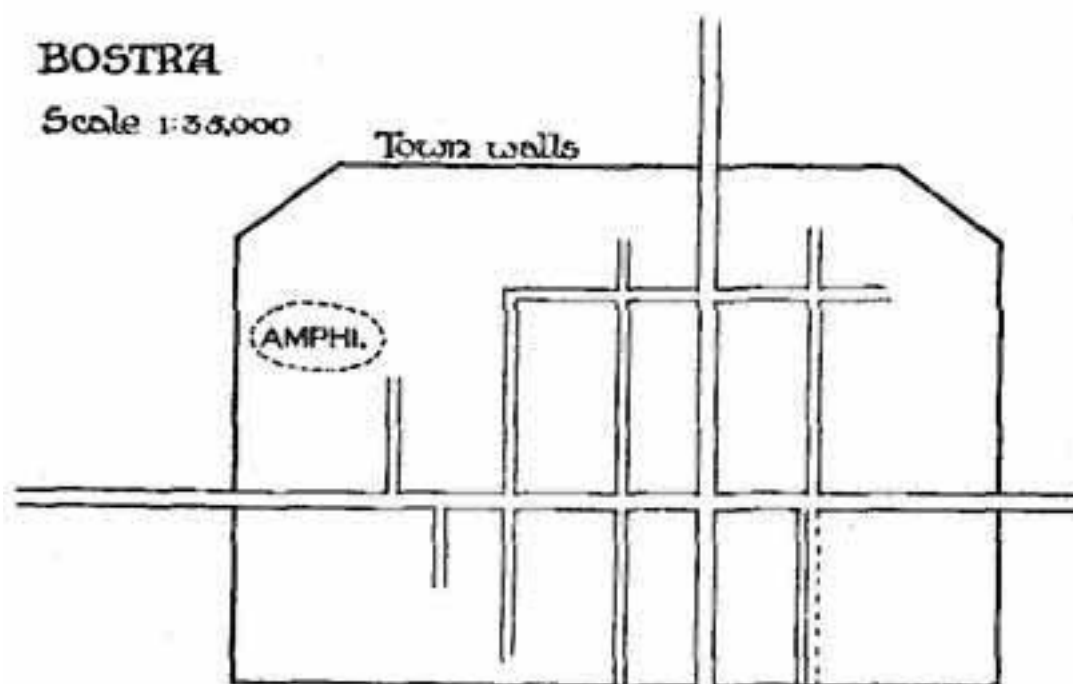

РИС. 34.
БОСТРА
(По Бедекеру.)

Другой пример можно найти еще дальше на восток, в земле за Иорданом, в столице Хаурана Босре, в древности Бостре. В исследовании этого места мало что было достигнуто, кроме изучения величественных руин театров, дворцов, храмов, триумфальных арок, акведуков. Поэтому мало что можно сказать о дате составления его плана. Но по очертаниям он был прямоугольным, или почти прямоугольным; его улицы пересекались под прямым углом и

оказывали прямоугольные помещения.^[113] Всем своим величием это место обязано Риму. Во втором веке это была крепость Киренаикского легиона III, которая охраняла эту часть восточной римской границы. Примерно в 225 году н.э. он стал "колонией", и, возможно, нам следует датировать этим только что описанный план города (рис. 34).

Эта прямоугольная планировка долгое время использовалась в Восточной империи. Когда в 705 году н.э. (как кажется) город Херсонес в Крыму был восстановлен после полного разрушения, он был перестроен по симметричному плану из продолговатых "инсула" (25-30 на 60-70 ярдов). район). Его улицы были средними и узкими. Но их планировка, по крайней мере, была, по-видимому, более правильной, чем у их предшественников.^[114]

ГЛАВА X

РИМСКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ

Археология говорит нам, что в западной половине Римской империи и во многих районах ее восточной половины использовался определенный план города, который для краткости можно назвать рисунком шахматной доски. Остается спросить, дает ли литература, или, по крайней мере, юридическая литература, какую-либо основу теории или какую-либо ратификацию реальной системы, которую раскрывает археология. Знаний об аугурации у нас действительно достаточно, и их можно с избытком. Мы знаем, что *декуманус* и *кардо*, две основные линии римского землеустройства и, вероятно, также две главные улицы римского плана города,^[115] были проложены в соответствии с определенными аугуральными и полурелигиозными положениями. Мы должны ожидать найти больше. Система градостроительства, которая является столь самобытной и широко используемой, вполне могла бы создать серию строительных законов, санкционирующих или модифицирующих ее. Этого не произошло. Ни юристы, ни даже землемеры, так называемые *громатики*, не сообщают нам о каких-либо правовых нормах, касающихся градостроительства в отличие от геодезии в целом. Геодезисты, в частности, гораздо больше озабочены почвой провинции и ее "ограниченностью" и "центурионностью", чем обустройством какого-либо отдельного города, и, независимо от их значения для внешних границ,^[116] не проливают света на улицы и "острова".

Ближайший подход к законам о строительстве, который встречается, - это пункт, который, по-видимому, является постоянным положением во многих муниципальных хартиях и подобных документах начиная со времен Цицерона, о том, что никто не может разрушать, снимать крышу или демонтировать городское здание, если он не готов заменить его зданием, по крайней мере, такого же качества, или не получил специального разрешения от местного городского совета. Самый ранний пример этого положения содержится в хартии муниципалитета Тарента, которая была составлена во времена Цицерона.^[117] Практически теми же словами оно повторяется в хартии "колонии Генетива" на юге Испании, основанной в 44 году до н.э.; оно повторяется в хартии, предоставленной муниципалитету Малаги, также на юге Испании, около 82 года н.э..^[118] Несколько аналогичные запреты на снос даже старых и пришедших в негодность домов без специального разрешения подразумеваются в постановлениях Римского сената, принятых в 44 и 56 годах н.э., хотя на самом деле они, похоже, относятся скорее к сельским, чем к городским

зданиям и, возможно, были скорее аграрными, чем муниципальными по своей цели.^[119] Адриан в депеше, написанной в 127 году н.э. в восточный город, который недавно получил что-то вроде муниципального статуса, включает положение о том, что дом в городе, принадлежащий некоему Клавдию Сократу, должен быть либо отремонтирован им самим, либо передан какому-либо другому гражданину.^[120] Аналогичное законодательство действует в 224 году н.э. и во времена Диоклетиана и позже.^[121]

Также время от времени устанавливались правила, запрещающие устанавливать балконы и подобные конструкции, которые могли препятствовать освещению и проветриванию узких улиц, и было общим правилом, что кладбища и кирпичные заводы должны находиться за пределами населенного пункта. В Риме также различными императорами предпринимались попытки ограничить высоту больших доходных домов, которые там образовывали "инсулы". Эти ограничения, однако, устанавливались бессистемно, без должной привязки к ширине улиц; похоже, они не встречаются за пределами Рима, и даже в Риме они соблюдались очень скудно.

Но в целом никаких определенных законов сформулировано не было. Вероятно, муниципалитеты были в какой-то степени тесно связаны в управлении муниципальной собственностью и должны были передавать схемы использования даже самого маленького свободного места "патрону" или *курутору* города. Но, помимо упомянутых выше положений, у них не было никаких зафиксированных конкретных прав в отношении частных владельцев или строителей. Лишь однажды, после того, как был сожжен сам Рим, императорский указ приговорил землевладельцев, которые "поддерживали" свою землю вместо того, чтобы использовать ее, к лишению права собственности в пользу любого, кто сразу же предложит построить.

ГЛАВА XI

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Каким было продолжение этой долгой работы по градостроительству? Выделяются два факта. Сначала римская планировка помогла городам Империи приобрести определенную форму, но когда Империя пала, ей тоже пришел конец. Лишь кое-где его остатки сохранились на улицах разбросанных городов, как предметы былой эпохи. Но, во-вторых, после этой смерти он восстал снова, сначала в тринадцатом веке, с постоянно растущей силой задавая модель городской жизни современного мира.

I. Значение градостроительства для римской цивилизации было двояким. Это повысило комфорт простого человека; это сделало города более сильными и сплоченными подразделениями для сопротивления вторжениям варваров. Когда после 250 лет конфликта варвары одержали победу, дело было сделано. В следующую эпоху непрекращающихся беспорядочных войн он с его прямыми широкими улицами был менее пригоден для обороны и сражений, чем хаос узких извилистых переулков, из которых он вырос и к которым теперь вернулся. Мало случаев, когда остатки римских улиц обуславливали внешний вид средневековых или современных городов. Мы в Англии, возможно, склонны переоценивать вероятность таких остатков. Наше классическое образование до самого недавнего времени

преподавало большинству из нас скорее древнюю, чем средневековую историю, и когда наши антиквары находят города прямоугольной формы с улицами, пересекающимися в Карфаксе, они указывают на их римское происхождение.

Такая тенденция ошибочна. Многочисленные свидетельства показывают, что даже в Италии и даже в городах, где люди жили безвыездно со времен римской империи, римские улицы, а вместе с ними и римские градостроительные планы, гораздо чаще исчезали, чем сохранялись. В самом Риме, Вечном городе, сегодня нет ни одной улицы, которая использовалась бы в Римской империи. Несколько итальянских городов, подробно описанных выше, имеют больше прав называться "вечными"; полдюжины в северной Италии сохранили свои древние улицы в исключительном совершенстве. Но даже там такие города, как Падуга и Мантуя, Генуя и Пиза, утратили признаки своей прежней моды. То же самое происходит и в провинциях. На дунайских землях можно даже предположить, что только в одном городе сохранилось несколько его римских улиц. Во всех некогда великих городах этого региона, Сирмиуме и Сискии, Поэтовио, Селее и Эмоне, они полностью исчезли; сегодня вы можете прогуляться по этим местам и тщетно искать их на современных улицах, в живых изгородях или переулках. В Галлии было много римских муниципалитетов на юге; было много городов меньшего ранга, но равного богатства в центре, на западе и севере. Но своими знаниями о планах их города мы обязаны надписи из Оранже и некоторым раскопкам в Отене и Трире. Только Кельн и Трир, или почти только они, поддерживают современное использование римских улиц, и они имеют большое значение. Оба стали римскими городами в первом веке; оба имели колониальный статус; с тех пор оба живут непрерывно и почти не меняют своих названий. И все же оба они сегодня несут на себе печать средневековья, а римские улицы, по которым они ходят, представляют собой небольшие и почти неузнаваемые фрагменты.

На самом деле никакого закона выживания не существует. Случайность — это удобное древнее слово для обозначения взаимодействия многих невесомых сил — в одном месте действовала так, а в другом иначе. Иногда сохранились только памятники, иногда только улицы, и мы редко можем объяснить причины такого контраста судеб. В Поле ворота, храмы и амфитеатр все еще рассказывают о римском прошлом, а современная городская площадь настолько явно хранит традиции Форума, что вы не можете пройти по ней, не почувствовав, каким он был. И все же ни одна улица не совпадает с улицами римской "колонии". На равнинах Ломбардии и Тосканы, в Турине, Павии и Пьяченце, во Флоренции и Лукке римские улицы все еще используются, точно так же, как старые римские полевые дороги все еще разделяют плодородные равнины за пределами этих городов. Но, за исключением Турина, от Рима почти не осталось камня на камне. На не менее плодородной равнине нижней Роны, в Ниме, Арле и Оранже, величественные руины вызывают восхищение у самого занятого и наименее образованного путешественника; римских улиц там нет и в помине.

Британия сохранила меньшую преемственность цивилизации, чем любая другая западная провинция; в Британии ее пережитков еще меньше. В Лондоне, в пределах римского города, сегодня ни одна улица не повторяет ни одной римской улицы, хотя римские дороги, ведущие к воротам, все еще используются. В Колчестере до сих пор стоят римские стены; известны места расположения римских ворот; каменная кладка западных ворот все еще видна как кладка ворот. Но современные и древние улицы не совпадают, и к западным воротам, которые так хорошо выдержали удары времени, вряд ли можно добраться по дороге из города. В Йорке оборона крепости легионеров все еще занимает свое место под солнцем, но "колония" на

другом берегу Уза полностью исчезла с лица земли, вместе со стенами и улицами, а дома жителей Эбуракума известны исключительно по находкам мозаичных полов. В Линкольне легко проследить римские стены и ворота, и арка одних ворот остается нетронутой, но только Задние ворота повторяют, и то беспорядочно, линию римской улицы. Дорога от Хамбера, что в тридцати милях к северу от Линкольна, проходит сегодня, как и на протяжении восемнадцати столетий, под ньюпортской аркой, через современный город и далее на юг. Эта длинная прямая дорога придала Линкольну особую особенность, но это особенность благодаря римскому шоссе за пределами города, а не улицам внутри него. Линкольн сам по себе такой же английский, как Кельн и Трир немецкие.

II. Но если римские улицы редко сохранялись до наших дней, если римское градостроительство исчезло вместе с Западной империей, тем не менее оно оказало глубокое влияние на города средневековой и современной Европы и Америки. В начале XIII века люди начали возрождать, с некоторыми изменениями, прямоугольную планировку, которая использовалась в Риме. Возможно, копируя римские оригиналы, увиденные в северной Италии, Фредерик Ступор Мунди теперь построил по образцу шахматной доски Terra Nova, которую он основал на Сицилии. Теперь, в 1231 году, Барселонетта была построена с двадцатью квадратными "инсулами" на юго-востоке Франции. Теперь также "Бастиды" и "Вилль-Нев" на юге Франции и такие города, как Эг-Морт (1240), были построены по аналогичным планам.^[122]

РИС. 35.

ПЛАН БАСТИДСКОГО ГОРОДКА СОВЕТЕР-ДЕ-ГАЙЕНН БЛИЗ БОРДО (1281 г. н.э.)

(Автор доктор А.Э. Бринкманн.)

Вскоре после этого рисунок шахматной доски попал в Англию и использовался в эдвардианских городах, таких как Флинт^[123] и Уинчелси; затем он также был перенят на другом конце цивилизованного мира немецкими солдатами на польских землях. Краков, например, обязан немецким поселенцам середины XIII века тем любопытным шахматным узором своих самых внутренних и старейших улиц, который так сильно озадачивает современного посетителя.^[124] Здесь нет необходимости далее следить за ренессансом градостроительства. С перерывами и возрождениями он продолжал распространяться. В 1652 году он достиг Явы, когда голландцы построили Батавию. В 1682 году он достиг Америки, когда Пенн основал Филадельфию. В 1753 году, когда Кандагар был преобразован в новый город на новом месте, его афганские строители заложили город примерно прямоугольной формы, разделенный на четыре квартала, сходящихся у центрального Карфакса, и разделенный далее на множество странно прямоугольных блоков домов.^[125]

Но по мере роста старое градостроительство перешло на новую стадию. Римляне имели дело с небольшими участками, редко превышавшими триста акров, а часто и гораздо меньше. Планы городов средневековья и даже нового времени затрагивали районы, которые были немногим больше. Только последние дни принесли развитие. До огромных перемен девятнадцатого века — изменений, которые перенесли окончание древней истории с 476 года н.э. примерно на 1800 год н.э. — в городской жизни, как и в большинстве других форм цивилизованного общества, сохранялись старые моды. Города по-прежнему, за редким исключением, были маленькими, и

их трудности, если и были реальными, были простыми. За исключением полудюжины аномальных столиц, даже в относительно современные дни у них не было огромного населения, которое можно было бы прокормить и превратить в гуманных и порядочных граждан. У них не было химической промышленности, ни дымовых труб, загрязняющих воздух, ни канализационных стоков, загрязняющих воду. Теперь строителям приходится работать на многих квадратных милях Чикаго или Буэнос-Айреса, обеспечивать легкие для своих городов, бороться с загрязненными реками и дымом. Их проблемы совсем не похожи на проблемы древних. Когда Коббетт около 1800 года назвал Лондон Великим городом, он двумя односложными словами противопоставил древний идеал города уродливым современным фактам.

Поэтому маловероятно, что современные архитекторы или законодатели извлекут много подсказок из планов Тимгада или Силчестера. Возможно, в развитии Турина, начиная с его маленькой древней шахматной доски и заканчивая современным расширением, есть уроки, но такие события происходят редко. Огромная польза для современных исследователей от такого исследования, которое я попытался провести, заключается в том, что оно показывает медленные и болезненные шаги, с помощью которых человечество, наконец, смогло планировать города как единицы, но населенные отдельными мужчинами и женщинами, и что оно подчеркивает необходимость определенных правил и принципов. Возможно, сегодня не будет лишним указать на то, насколько тесно, даже после великих потрясений девятнадцатого века, формы современной жизни зависят от римского мира.

Сноски:

[1] Например, Белохом в его книге о городах Кампании, Шультенем в различных эссе, Бартемом в недавнем исследовании Римской Африки и другими, которые будут процитированы ниже. Доктор Й. Стюббен в своей работе "*Städtebau*" (Дармштадт, изд. 2, 1907) и г-н Рэймонд Анвин в своей работе "*Градостроительство на практике*" (Лондон, 1909) дали интересные замечания и иллюстрации по этому вопросу для современных строителей.

[2] Compare Brinckmann's remarks on mediaeval towns: 'Der Nachdruck liegt auf den einzelnen Gebäuden, der Kathedrale, dem Palazzo publico, den festen Palästen des Adels, nicht auf ihrer einheitlichen Verbindung. Ebenso erscheint die ganze Stadt nur eine Ansammlung einzelner Bauten. Strassen und Plätze sind unbebaute Reste.'

[3] Чтобы понять связь между такими городами и их местным снабжением продовольствием, обратите внимание на историю Александра Македонского и архитектора Динократа, рассказанную Витрувиусом (II. i). Динократ планировал построить новый город; Александр спросил, есть ли вокруг него земли для выращивания кукурузы, и, услышав, что таковых нет, сразу же исключил предлагаемое место.

[4] Пиндар упоминает "могущественную дорогу, проложенную прямо, чтобы быть разбитой лошадиными копытами в процессиях людей, умолявших Аполлона о помощи" в Кирене (*Пифий*. ст. 90). Надпись из Пирея, датированная 320 годом до н.э., предписывает агораномии (стр. 37) заботиться "о широких дорогах, по которым процессии движутся к храму Зевса Спасителя".

[5] Сравните толпу нуцерийцев, устроивших беспорядки в амфитеатре Помпей в 59 году н.э. (Тас. *Ann.* xiv. 17). Распространенная идея о том, что население города можно подсчитать по количеству мест в его театре или амфитеатре, совершенно неверна.

[6] У.Ф. Петри, *Иллахун, Кахун и Гуроб* (Лондон, 1891), глава ii, лист xiv. План воспроизведен в "*Истории Египта*" Брестеда, стр. 87, "*Городском планировании*" Р. Анвина, рис. 11 (с неправильным масштабом) и др.

[7] Фольга Hdt. i. 178. Рассказы Ктесия и других древних авторов, похоже, не проливают света на градостроительство и улицы Вавилона, какими бы полезными они ни были в остальном.

[8] Описание Елизаветинской Британии Уильямом Харрисоном - пример из современности.

[9] Hdt. i. 180 το δε αὐτο αὐτο, εὐν πληρεὲς οἰκίῳν τριῶφων τε καὶ τετρωφῶν, κατὰ τετμήται τὰς οδοὺς ἰθεὺς, τὰς τε ἀλλὰς καὶ τὰς ἐπικαρσίας, τὰς ἐπὶ τὸν ποταμὸν ἐχούσας. Очевидно, ἐπικαρσίας означает, как говорит Стейн, те, которые находятся под прямым углом к общему течению реки, но это почти = под прямым углом к другим дорогам. Течение реки, по-видимому, тогда было более прямым, чем сейчас.

[10] L. Gaillard, *Variétés sinologiques*, xvi (plan) and xxiii. pp. 8, 235 (Chang-hai, 1898, 1903). Другие приводят цифры немного по-другому, но не настолько, чтобы повлиять на аргументацию.

[11] Hdt. iii. 159. Теория о том, что изначально были две параллельные внешние стены, что Дарий разрушил одну, а Геродот видел другую (Баумстарк в Паули-Виссове, *Настоящая энциклопедия*. ii. 2696), бессмысленна. Не было никакого смысла разрушать одно и оставлять другое, которое было почти таким же сильным (Hdt. i. 181). Однако нет полной уверенности в том, что Геродот (i. 181) имел в виду наличие двух внешних параллельных стен.

[12] Итак, Баумстарк, арт. Вавилон в Поли-Виссове, ii. 2696.

[13] F.H. Weissbach, *Stadtbild von Babylon* (*Der alte Orient*, fasc. 5); R. Koldewey, *Tempel von Babylon und Borsippa*, plates i, ii; S. Langdon, *Expositor*, 1909, pp. 82, 142; Hommel, *Geogr. des alten Orients*, pp. 290, 331; E. Meyer, *Sitzungsber. прройсс. Академия*. 1912, стр. 1102. Я в долгу перед доктором Лэнгдоном за ссылки на некоторые из трактатов, цитируемых здесь и ниже. Я не могу поделиться неблагоприятное мнение, которое принимается гг. Как и Уэллс, последний хороших редакторов Геродота, взглядов этих писателей.

[14] Koldewey, *Pflastersteine von Aiburschabu* (Leipzig, 1901). Некоторые улицы Вавилона намного старше 600 года до нашей эры, но этот момент нуждается в дальнейшей проработке.

[15] *Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft* 42, Dec. 1909, pp. 7, 19; 44, Dec. 1910, p. 26.

[16] *Mitt, deutsch. Оруент-Гезель*. 28 сентября 1905 г.; 31 мая 1906 г.

[17] F. Delitzsch, *Asurbanipal und die assyr. Kultur seiner Zeit* (*Der alte Orient*, Leipzig, 1909), p. 25.

[18] О Гипподаме см. K.F. Hermann, *de Hippodamo Milesio* (Марбург, 1841) и Erdmann, *Philologus* xlii. 193-227, и *Programm Protestant. Gymnasium zu Strassburg*, 1883. Как будет видно, я не согласен со всеми выводами Эрдмана. О Пирее см. Аристотель, *Политика*, II. 8 = стр. 1267 и IV. 11 = стр. 1330. О Туриях см. Диодор XII. 10. О Родосе см. Страбон 654 = XIV. ii. 9: Э. Мейер, *Gesch. дез Альт*. iv. стр. 60, 199 отвергает эту историю. Планы Пирея см. в Вахсмуте, *Афинский город в*

Альтертуме, ii. 134, и в Куртиусе и Кауперте, *Картен фон Аттика* (1881), план II, а Мильхефера. Фукар привел эпиграфические доводы для датировки работ Гипподама здесь 480-470 годами до н.э. (*Журнал ученых*, 1907, стр. 178-82); они не являются окончательными, но, если он прав, трудность приписывания Пирея и Родоса одному и тому же архитектору становится еще более сложной. План города Пирей, приведенный Густавом Хиршфельдом (*Berichte der sachs. Ges. der Wissenschaften*, 1878, xxx. I) неубедителен, и я не очень уверен даже в результатах Мильхефера.

[19] Koldewey and Puchstein, *Die griech. Tempel in "Истории Италии и Сицилии"*, стр. 90, план 29, из Каваллари; Юло и Фужер, *Селинonte*, Париж, 1910, стр. 121, 168, 196. Последние авторы относят перестройку к Гермократу, 408-407 гг. до н.э. Но наши рассказы о Гермократе не предполагают, что он что-либо перестраивал в Селине, кроме оборонительных сооружений.

[20] Смит и Порчер, *Открытия в Кирене* (1864), таблица 40; отсюда Студница, *Кирена* (1890, стр. 167, рис. 35), и Мальтен, *Кирена* (Берлин, 1911). Ссылку на Пиндара см. в Пифии, ст. 90 и стр. 16 выше.

[21] Солунтум, недалеко от Палермо, на северном побережье Сицилии, был обнаружен Каваллари в 1875 году с прямоугольной планировкой улиц; одна главная улица проходила с севера на юг по ровной местности, а несколько улиц поменьше пролегали под прямым углом к ней, поднимаясь по склону холма с помощью ступеней (как в Прине, стр. 42). See the *Bullettino della Commissione di Antichità e Belle Arti in Sicilia*, viii. Palermo, August 1875. Сам Каваллари относил этот план к дате, когда был основан Солунтум — что, к сожалению, точно не установлено, — но только на том общем основании, что "в одном городе, одна вольта контролирует ситуацию и управляет артерией, лишенной связи, не имея возможности управлять генералом". Я придаю этой причине меньшее значение, чем он. Солунтум был в основном финикийским городом с греческим колоритом; в 307 году до н.э. он был заново отстроен для уволенных солдат Агафокла; еще позже, во времена римской империи, он имел звание "муниципиум"; большинство его руин, как правило, считаются римскими, и найденные в нем небольшие предметы также в основном римские, и план его улиц также может быть римским. Поскольку "Bullettino" встречается довольно редко, я добавляю уменьшенный план (рис. 5).

[22] Платон, *Законы* 763 г. до н.э., 779 г. до н.э. и др.; Аристотель, *Ath. Pol.* 50; Арист., *Оес.* ii. 5, стр. 134; Ксенофонт, *Ath. Pol.* iii. 4; Schol. к Эсхину, iii. 24. Тот факт, что слово "Астиномос" встречается у Эсхила, не оправдывает автора статьи в Pauly-Wissowa (*Real-Encyclopedia*. ii. 1870), утверждающего, что магистраты с таким титулом уже работали в начале пятого века; поэт использует существительное в общем смысле, из которого оно впоследствии было выделено. Некоторые из этих правил повторяются в Риме (стр. 137).

[23] С момента изобретения артиллерии солдаты считали прямоугольный план улиц полезным при защите улиц города. Аристотель, однако, прямо отмечает в "*Политике*", что в уличной войне извилистые переулки были намного лучше прямых путей для обороны, и он рекомендует использовать прямоугольную схему только "по частям и местами", хотя и не объясняет, как это сработает (*Политика*, iv. 11, стр. 1330).

[24] Сравните Soluntum, стр. 36, п. 2.

[25] Wiegand and Schrader, *Priene, Ergebnisse der Ausgrabung in den Jahren 1895-8* (Berlin, 1904). Профессор П. Гарднер дал хороший отчет на Градостроительной конференции (*Материалы*, стр. 112-122). Я в долгу перед ним за две мои иллюстрации.

[26] Wiegand, *Abhandlungen der Berliner Akademie*, 1911, Anhang; *Archäol. Anzeiger*, 1911, 420 foll.

[27] Strabo, xvii. 793.

[28] Mahmud Bey, *Mémoire sur l'ancienne Alexandrie* (Copenhagen, 1872); Néroutsos Bey, *L'ancienne Alexandrie* (Paris, 1888).

[29] Д.Г. Хогарт, *Археологический отчет Фонда исследования Египта*, 1894-5, стр. 28, и *Эллинский журнал*, хіх. 326; Ф. Ноак, *Афины. Миттейл.* ххv. (1900), стр. 232, 237. Доктор Ноак считает, что его результаты подтвердили Махмуда; мне, как и некоторым другим, они, скорее, приводят к выводам, указанным в тексте.

[30] Страбон, 565, 566.

[31] Diodorus Sic. хх. 102; *Expédition scientifique de Morée, archit. скульптура et*, iii (1838), пластина LXXXI.

[32] Дикеарх, стр. 143.

[33] Страбон, 646.

[34] Витрувий, i. 6.

[35] Тафрали, *Топография Фессалии*. стр. 121 след. и план.

[36] E. Sachau, *Reise in Syrien* (1883), p. 76; Mommsen, *Ephemeris epigr.* iv, стр. 514, и *Понедельник. Ансур.* (изд. 2), стр. 540.

[37] *Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins*, ххv (1902), plate 6; Bādeker, *Palestine and Syria* (1906), p. 140. О соседней Бостре см. стр. 136.

[38] Другим, возможно, мог бы быть Эфес, основанный Лисимахом около 281 года до н.э. Но неоднократные раскопки там, хотя и позволили нам многое узнать о храмах и других крупных сооружениях великого города, похоже, оставили улицы сравнительно неисследованными.

[39] P. Schatzmann, *Athen. Mitteil.* хххv. (1910) 385; *Archäol. Anzeiger* (1910), p. 541. Этот самый низкий город застроен множеством современных домов и лачуг и изучен не очень полно.

[40] Kolbe, *Athen. Mitteil.* ххvii. 47 and ххix. 75; Hitzig, *Zeitschrift der Savigny-Stiftung, roman. Abteilung* ххvi. 433.

[41] Откровение ххі. 13, 16. Некоторые детали, без сомнения, взяты из более поздних глав Книги Иезекииля, но разница между двумя авторами очевидна.

[42] См. стр. 145 ниже.

[43] Литература о Терремаре очень обширна. Результаты, полученные до 1894 года, были обобщены Ф. фон Дуном в *Neue Heidelberger Jahrbücher*, iv. 144; лучшие недавние отчеты принадлежат Т. Э. Питу, *Каменный и бронзовый века в Италии* (Оксфорд, 1909), главы. 14 и 17,

откуда взят рис. 11, и Р. Манро, *Поселения палеолитического человека и Террамара* (Ред., 1912), стр. 291-487 и листы xxxiii foll. Хороший краткий очерк дан мистером Х.С. Джонсом, *"Компаньон по римской истории"*, стр. 4-6. Один момент в расположении кажется не совсем ясным. Обычно утверждается, что трапецевидная форма была принята для того, чтобы вода могла поступать в канаву из бегущего ручья и легко разделяться на два канала (рис. 11). Это вполне понятно. Но, если это так, то можно было бы ожидать, что розетка будет находиться на противоположном конце, а не (как это есть на самом деле) в середине одной стороны, где это привело бы к "короткому замыканию" тока. (Мистер Х.С. Джонс, похоже, перепутал вход и выход.)

[44] *Археологический журнал*, 1903, стр. 237.

[45] Brizio, *Monumenti Antichi*, i. 252, superseding Gozzadini's *Antica Necropoli a Marzabotto* (Bologna, 1865-70); Grenier, *Bologne villanovienne* &c. (Париж, 1912), стр. 98. Сравните *Авторитет и археологию*, стр. 305, 306.

[46] *Notizie degli Scavi* 1895, p. 272; Durm, *Baukunst der Etr.* p. 39.

[47] Для ознакомления с недавними планами Помпей читатель может обратиться ко второму изданию (1908 г.) *"Помпеи"* Августа Мау или пятому изданию (1910 г.) его *"Фюрер Дерх Помпеи"*, переработанному У. Бартелем. План в крупном масштабе дан в последней части *CIL. iv* (1909); есть также отдельные планы в *Notizie degli Scavi*. See also C. Weichardt, *Pompeji vor der Zerstörung* (Leipzig, 1897).

[48] Мау, *Führer* (1910), p. 5, 'um die Schiefwinkeligkeit zu vermindern.' Truly, a very inadequate reason.

[49] Регион VI содержит древнюю колонну шестого века до нашей эры (Мау, *Фюрер*, стр. 113), но это может быть не *in situ*.

[50] Ливий ii. 34, противоречащий, однако, xxvii. 10 и Дионисию Галику. vii. 13 *объявление окончено*.

[51] *Notizie degli Scavi*, 191, с. 558, 1903, с. 261; Фротингем, *Римские города*, таблица ix. Я в долгу перед доктором Т. Эшби, директором Британской школы в Риме, за информацию об этом сайте. Раскопки, проведенные в 1823 году в римских Фалериях (основан в 241 году до н.э.), показывают, что улицы пересекаются под прямым углом, но найденный фрагмент был небольшим, а дата неопределенной (Канина, *Приморская Этрурия* i, фото ix).

[52] Рис. 14 взят из работы Цукканьи-Орландини (1844). Корнеманн предполагает, что Мутина была восстановлена примерно в 40-20 годах до н.э., но, похоже, нет никаких свидетельств этого разрыва в ее преемственности.

[53] Пролог к Поэме Плавта (стих 49), в котором упоминаются "limites" и "finitor", вполне может быть таким же старым, как и сам Плавт. Но "центурия", все еще видимая в северной Италии вокруг колоний, основанных около 180 г. до н.э., не является полным доказательством прямоугольной съемки на ту дату. Эти города были заново основаны гораздо позже, и их земли и даже улицы, *возможно*, были проложены заново.

[54] *Varro ling. lat.* 5. 143 *oppida condebant Etrusco ritu, id est, iunctis bobus*, cf. *Frontinus de limit.* (гром. i., стр. 27).

[55] Можно сомневаться в том, имели ли *собственники экс вико Лукрецио скамно примо* из Кельна (Корпус XIII. 8254) свою собственность внутри "колонии" этого места или за его пределами (Шультен, *Боннер Ярб. ии.* 28).

[56] Фразу *Roma Quadrata*, возможно, следует упомянуть в этой главе. Однако, по-видимому, она не является явно более древней, чем цicerоновская эпоха. Строка *et qui sextus erat Romae regnare quadratae*, когда-то приписываемая Эннию (ред. Ваблен, 1854, 158), явно датируется гораздо более поздним временем. Как историческое свидетельство, эта фраза просто резюмирует теорию какого-то археолога (очень вероятно, правильную теорию, но все же теорию) о том, что самый ранний Рим на Палатине имел более или менее прямоугольные очертания.

[57] See Mommsen, *Gesamm. Schriften* v. 203; Nissen, *Ital. Ландескунде* ii. 27; Корнеманн в Паули-Виссове, *Энциклопедия*. iv. 520 foll.

[58] Иногда кажется, что современные планы подразумевают, что "инсулы", примыкавшие к стенам, также были ненормально большими. Это связано с тем, что соответствующие современные блоки часто включают в себя, вместе с оригинальной "изоляцией", пространство между ней и стеной, а также саму стену, которая была заброшена и надстроена заново.

[59] Смотрите по этому поводу некоторые замечания В. Бартеля, *Боннер Ярбюхер*, сxx. 101-108.

[60] В Западной Европе провинциальный римский амфитеатр имел в среднем размеры 45 x 70 ярдов. для своей арены.

[61] Информацию о Флоренции и Турине смотрите ниже; о Пьяченце - планы в масштабе 1:1000 и 1:5000 в "*Достижениях Пьяченцы*" Л. Буруни (1895).

[62] Силчестер и Тимгад - единственные два объекта, которые были спланированы достаточно хорошо, чтобы обеспечить точные измерения. Большие планы современных городов (например, Турина, стр. 86) полезны, но не соответствуют нашим целям; во-первых, они часто преувеличивают ширину улиц. Действительно, нужны реальные измерения, сделанные на месте.

[63] Schulten, *Bonner Jahrbücher*, ciii. 23, и приведенные там ссылки.

[64] я. 5 (21), 6 (28, 29).

[65] Возможно, около 180 г. до н.э., Моммзен, *Римская история*. iii. 206.

[66] Аквилея была основана в 181 году до н.э. для охраны северо-восточных ворот Италии и была укреплена в 169 году. Его остатки, насколько удалось раскопать, представляют собой прямоугольный план продолговатых "инсуланов" — некоторые площадью 1½ акра (74 на 94 ярда), некоторые больше - хотя до его падения, примерно в 450 году н.э., мы не слышим ни слова о повторном основании или массовой перестройке. Но если его первоначальная площадь составляла 70 акров, которые обычно отводятся, то это не прямоугольник, а квадрат, несколько перекошенный, что очень плохо согласуется с прямоугольным планом улицы, и можно было бы отнести последний к более позднему времени. See Maionica, *Fundkarte von Aquileia*.

[67] Следы доисторического планирования, обнаруженные некоторыми авторами в Риме, весьма сомнительны.

[68] Посмотрите Атласы Блау, Янссона и других XVII века, современные карты, подготовленные Грасселлини и другими примерно в 1840-50 годах (некоторые в масштабе 1:4000), и, в частности, *Географический Атланте* Аттилио Цукканьи-Орландини (Флоренция, 1844), и недавние городские карты различных итальянских городов (в основном около 1:10 500). Разные карты одного и того же города иногда сильно отличаются по своей детализации. Правительственные карты Италии самого большого масштаба (1:25 000) малы для нашей настоящей цели и выпущены в основном для северной Италии.

[69] Милан (Медиолания), некогда главный римский город северной Италии, обычно утверждается, что сегодня не сохранилось никаких следов римской планировки улиц. Но линия Виа Манцони, Виа Маргерита и Виа Нерино (пересекающая Амброзианскую библиотеку), похоже, действительно представляет одну из его главных улиц, а линия Фулькорина и Корсо ди Порто Романа - другую, в то время как один или два следа "insulae" можно обнаружить рядом с Амброзианской библиотекой. Город был разрушен в 539 году нашей эры, а затем снова в 1162 году, и нельзя ожидать, что от него еще что-то останется.

[70] Beloch, *Campanien*, p. 252.

[71] Carlo Promis, *Storia dell' antico Torino* (Torino, 1869); Alfredo d'Andrade, *Relazione dell' ufficio regionale per la conservazione dei monumenti del Piemonte*, 1883-91 (Torino, 1899); Schultze, *Bonner Jahrbücher*, cxviii. 339; Barthel, *ibid.* cxx. 105; Pianta di Torino (1-10,000), by G.B. Paravia.

[72] Я беру эти цифры из плана Паравии, который, как говорят, является наиболее правильным планом Турина из имеющихся в настоящее время. Промис дает меньшие размеры, 720 x 670 м., и он измерял от того, что, как теперь известно, находится слишком далеко к востоку (Via Accademia delle Scienze), а не от западного фасада Палаццо Мадама; однако за ним обычно следили. На других картах указаны другие размеры: Орландини (1844) - 758 x 780 м.; Валларди (1869) - 680 x 740 м.; Магги (1876) - 730 x 800 м.; Эшби (ст. "Турин" в *энцикл. Британика*) дает 2526 x 2330 футов. что, должно быть, слишком велико. Я воспроизвожу здесь (рис. 15) план Орландини, поскольку он хорошо показывает, насколько сохранились улицы в Турине до великих современных перестроек или расширений.

[73] d'Andrade, *Relazione*, pp. 8-20; *Notizie degli Scavi*, 1885, pp. 173, 271, and 1902, p. 277.

[74] *Notizie*, 1903, p. 3.

[75] Островок упоминается в *Notizie*, 1901, стр. 391, размером 74 x 80 метров. Вполне вероятно, что в древних домах были небольшие неровности, как и в современных многоквартирных домах. "Инсулы", примыкавшие к городским стенам, сегодня представлены чрезмерно большими блоками, скорее продолговатыми, чем квадратными, но эти последние содержат не только площади римских "инсул", о которых идет речь, но также пространство между ними и городскими стенами и сами линии стены (стр. 77).

[76] Это нарушение симметрии повторяется в одном или двух других римских городах, таких как, вероятно, Тимгад (стр. 109) и Кельн (Э. и У. Гейтс), Силчестер и Кэрвент, но иногда это может быть результатом изменений. Иногда он появляется на военных объектах (Риттерлинг, *Лагерный*

дом Хофхайм, стр. 29 примечание). По-видимому, это просто вопрос удобства; с этим не связано никаких суеверий, подобных тому, что побудило китайцев не ставить свои ворота напротив друг друга (стр. 148).

[77] С. Promis, *Antichità di Aosta* (Турин, 1862), с планом, лист 3, датируемый 1838 годом; *Notizie degli Scavi*, 1899, стр. 108, с более поздним планом, но без масштаба; Nissen, *итал. Landeskunde*, ii. 171.

[78] Durm *Baukunst der Römer*, p. 458.

[79] Промис, стр. 140; его план не имеет должного масштаба. Похоже, решающих доказательств нет, и современные улицы Аосты нам не помогают.

[80] Говорят, что город Конкордия на северо-востоке Италии, где Август основал "колонию", несомненно, из уволенных солдат, имел планировку из продолговатых блоков, очень похожую на планировку Augusta Praetoria. Но этот план основывается главным образом на авторитете рабочего, который, по-видимому, не умел ни читать, ни писать (он описан как "аналфбета"), и поэтому я опускаю его здесь. См. *Notizie degli Scavi*, 1880, стр. 412, и таблицу XII (в тексте не указаны размеры, а на плане отсутствует масштаб) и сравните 1882, стр. 426, и 1894, стр. 399.

[81] О римской и раннесредневековой Флоренции см. Виллани, *Хроника* (написана около 1345 г., опубликована в 1845 г.), i. 61, 89, 120; Р. Давидсон, *Описание фон Флоренца и Форшунген* (Берлин, 1886); Л.А. Милани, *Заметки дельи Скави*, 1887, стр. 129; план Центра в 1427 г. Комм. Guido Carocci, *Studi storici sul Centro di Firenze* (Florence, 1889); *Monumenti antichi*, vi. 15. Nissen (*Ital. Landeskunde*, ii. 296) определяет его площадь в 400 x 600 м., около 58 акров.

[82] План П. Синибальди, 1843, 1:4000. *Notizie degli Scavi*, 1906, p. 117, &c. Nissen (*Ital. Landeskunde*, ii. 288) дает площадь 800 x 1200 метров, что кажется слишком большим.

[83] М. Руджеро, *Скави ди Эрколано* (Неаполь, 1885), листы ii и xii; Белох. *Campanien*, стр. 215 и далее; Ниссен, *итал. Ландескунде*, ii. 759; Вальдштейн и Шубридж, *Геркуланум* (Лондон, 1908), стр. 60; Э.Р. Баркер, *Погребенный Геркуланум* (1908); Галл в Поли-Виссове, viii. (1912) 532-48.

[84] *CIL*. x. 1425; сравните Дессау, 896. Без сомнения, возможно, что этот Ноний Бальб и есть М. Нониус ... который построил что-то в честь Тита в 72 году н.э., но идентификация маловероятна.

[85] Beloch, *Campanien* (Berlin, 1879), p. 26; Capasso, *Napoli Greco-Romana* (Napoli, 1905). Форум, Рынок и некоторые другие здания, отмеченные Капассо, кажутся мне (и даже ему или его редакторам) очень сомнительными (стр. 63). Два театра (стр. 82) и храм диоскуров сохранились лучше. Планы см. в *топогр. Пюанте. dei quartieri di Napoli* 1861-5 (1:3,888) and *Pianta della città di N.* (Off. della Guerra, 1865), из которого адаптирован последний рисунок. 20.

[86] Границами являются замок Капуано на востоке, Страда дель Ортичелло на севере, церковь Сан-Пьетро-а-Маджелла на западе и церкви Сан-Марчеллино и Сан-Северино на юге.

[87] Об Оранжевом см. стр. 107. Возможно, в Ниме сохранились одна или две улицы римского Немауса, но это очень сомнительно; см. Карту Менара 1752 года. Смотрите далее в общих чертах, стр. 142.

[88] Хотя, как ни странно, схема полевых подразделений по шахматной доске сохранилась в окрестностях Карфагена.

[89] *Archives nouvelles des Missions scientifiques*, xv. 1907, fasc. 4.

[90] План Джоли, *Арх. Anzeiger*, 1911, p. 270, fig. 17. Предполагалось, что план предполагает "изоляцию" в два раза большую, чем в Тимгаде. По-моему, это не говорит ни о чем столь обычном.

[91] Toutain, *Cités romaines de la Tunisie*, p. 79 note: 'Ce qui toutefois est incontestable, c'est que cette disposition d'une régularité artificielle, autour de deux grandes voies exactement orientées et se coupant à angle droit, est très rare dans l'Afrique romaine. Les villes de ce pays n'ont pas été toutes construites sur le même plan: chacune d'elles a, pour ainsi dire, épousé la forme de son emplacement.'

[92] По-видимому, во многих случаях это можно было проследить с некоторой легкостью. Thelepte, Cillium, Ammaedara, Sufetula, *Archives des Missions*, 1887, pp. 68, 121, 161-171, Simitthu, *Mémoires présentés par divers savants*, ser. I. x. 462, and Thuccabor, Tissot, *Géogr. в д'Африке*, ii. 292, кажется, есть видимые улицы, но никто не записал их точно. План Утики, приведенный Тиссо (*Амлас*, Райнаха, фото vi) на основании авторитетных источников До, вызывает сомнения.

[93] О надписи см. Эсперандье, *Acad. des Inscriptions, Comptes rendus*, 1904, стр. 497; Cagnat, *Année Épigr.*, 1905, 12; и особенно Schulten, *Hermes*, 1906, 1; удобный отчет на английском языке приводится Х.С. Джонсом, *компаньоном Roman Hist.*, стр. 22. Шультеном было высказано предположение, что кварталы сначала были разделены на участки с фасадом 35 футов, и что границы изменились в ходе обычных событий до того, как было произведено обследование. Но это, по-видимому, наводит на размышления довольно далеко.

[94] Было сказано, что на нем видны следы улиц, проложенных прямоугольно, но ни внешний вид самого города, ни его планы, как мне кажется, не подтверждают эту идею; сравните Лентерика, *Ле-Рон*, ii. 110.

[95] Баллу обнаруживает "промышленный квартал" на окраине города, но доказательства, похоже, не оправдывают столь громкого термина.

[96] Бозвильвальд, Канья и Баллу, *Тимгад* (Париж, 1891-1905); см. особенно Приложение, стр. 339-349; Баллу, *Руины Тимгада* (Париж, 1897-1911); Бартель, *Боннер Ярбюхер*, сxx. 101.

[97] *Totius orbis descriptio*, 61 (Müller, *geogr. graeci min.* ii. 527); dispositione gloriosissima constat ... в книге "directione vicorum et platearum aequalibus lineis currentis" (написана, вероятно, около 350 г. н.э.).

[98] *Carte archéologique et topogr. "Руины Карфагена"*, Гоуклера и Делаттра (1:5000); Шультен, *Археол. Анцайгер*, 1905, с. 77; 1909, с. 190; 1911, с. 246; Аудоллен, *Карфаген римский* (Париж, 1901), стр. 309, 846. Более старые рассказы о До и Тиссо кажутся менее заслуживающими доверия.

[99] *Correspondenzblatt des Gesamtvereins der deutschen Geschichts und Altertumsvereine*, April 1912; *Bericht vi der römisch-germanischen Kommission* 1910-11, p. 96. Müllner's *Emona* (Laibach, 1879), p. 19, plate 2, is wholly inadequate.

[100] *Abhandlungen der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Kl.*, viii. (1905), стр. 61, план 2; доказательства кажутся адекватными, хотя и не совсем решающими. Римский город Эмпория, ныне Ампурия, на крайнем северо-востоке Испании, по-видимому, имел прямоугольную планировку улиц, хотя его греческий предшественник был неправильной формы, *Институт изучения Каталонии, ануари, 1908*, стр. 185.

[101] *Archaeologia*, liii. 236 и lvi. 371. План, приведенный мистером Фоксом в liii. 236 представляет его собственную теорию, которая может вызывать сомнения.

[102] Дж.У. Гровер, *британец. Археол. Доц. Журнал*, xxvi. (1870), стр. 45, лист 1. Теории покойного мистера Беллоуза об улицах римского и современного Глостера были столь же ошибочными, хотя и в других отношениях.

[103] Hirschfeld, *Haeduer und Arverner (Sitzungsber. der preuss. Akademie*, 1897, p. 1102). Похожие гибридные названия были созданы англичанами в Индии, в основном на Северо-западной границе, где только они основали новые населенные пункты — Лайаллпур, Абботабад, Эдвардесабад, Робертсгандж и тому подобное. Но почти все это небольшие места или форты, и их названия не отражают политику англицизации.

[104] H. de Fontenay, *Autun et ses monuments* (Autun, 1889), pp. 49 foll. и карта (1:6250). На существование плана города впервые обратил внимание Ж. де Фонтенэ, *Монументальный бюллетень*, 1852, стр. 365, но его карта представляется неверной, а его взгляды в целом слишком сильно основаны на *априорных* предположениях.

[105] Adameit, *Siedlungsgeographie des Moselgebiets*, pp. 367, 431.

[106] H. Gräven, *Stadtplan des römischen Triers* in *Die Denkmalpflege*, 14 Dec. 1904 (1:10,000); the plan has been often copied, as by Cramer, *Das röm. Trier* (Gütersloh, 1911), and Von Behr, *Trierer Jahresberichte*, i. 1908. Compare Barthel, *Bonner Jahrbücher*, cxx. 106. Трир в тот или иной момент стал "колонией". Когда это произошло, горячо оспаривается; мне кажется, свидетельства указывают на то, что он был основан без колониального статуса и стал "латинской колонией" в течение первого столетия (см. Домашевский, *Абхандлунген*, стр. 153). Поэтому я вставил Трир в эту главу вместе с Отеном, а не в главу VIII с Оранж и Тимгадом.

[107] Гревен подсчитал, что, за исключением центральной улицы, все "инсулы" имели размеры 300 римских футов (290 английских футов, 88 метров), но его план предполагает скорее 100 метров. На самом деле нам нужен тот более масштабный план, до завершения которого он не дожил.

[108] Отчеты о раскопках в Силчестере см. в *Archaeologia*, тома. lii-lxii, и *история Виктории. из Хэмпшира*, i. 271, 350; крупный план У.Х. Сент-Джона Хоупа (1:1800) в *Archaeol.* lxi.

[109] Участки трех размеров: два размером 3-4 акра (128 x 130 ярдов), шесть размером около 2,4 акра (128 x 89 ярдов) и шесть размером около 1,4 акра (89 x 80 ярдов). В третьем размере, возможно, можно распознать размер в 240 римских футов (стр. 79).

[110] Три наиболее четко определенных примера имеют размеры около 260 x 260, 260 x 280, 275 x 275 футов (1,55, 1,61 и 1,73 акра соответственно). Единица измерения в 240 римских футов (стр. 79) не указана в Caerwent.

[111] Отчеты о раскопках в Кэрвенте, 1899-1910 гг., можно найти в *Archaeologia*, vol. lvii-lxii. Хороший план всего города, из которого взят рис. 33, был опубликован в vol. lxii, фото 64, автор: мистер Ф. Кинг, архитектор раскопок (масштаб 1:900).

[112] *Exploration des ruines d'Antinoë*, by A.C. Gayet (Annales du Musée Guimet, xxvi, Paris, 1897); *Grundzüge der Papyruskunde*, Wilcken, i, pp. 49, 50. Профессор А.С. Хант отправляет меня к следующим папирусам: — Райнах, 49. 11; Оксиринх, 1110. 9-10 и примечание к нему; Брит. Музей. 1164 (с) 12. Буквенная нумерация подразделений города была заимствована из Александрии, где пять частей города были известны как А, В, С, D, Е. Планы см. в Наполеоновском *Описании Египта* iv (Париж, 1817), фото 53, и Э. Жомар, *Египетские древности* (1818), глава xv.

[113] Бедекер, *Палестина и Сирия* (1906), стр. 162.

[114] Миннс, *Греки и скифы*, стр. 493, 508, и приведенные там ссылки.

[115] См. стр. 73.

[116] Schulten, *Hermes*, 1898, p. 534.

[117] Mommsen, *Eph. Epigr.* ix, p. 9; Dessau, *Inscr. sel.* 6086; 'nei quis in oppido quod eius municipi erit aedificium detegito neve demolito neve disturbato nisei quod non deterius restitutus erit nisei de senatus sententia. sei quis adversus ea faxit, quanti id aedificium fuerit, tantam pecuniam municipio dare damnas esto eiusque pecuniae quei volet petitio est.' (English translation in E.G. Hardy's *Roman Laws and Charters*, p. 101.)

[118] Дессау, 6087, 6089; Харди, *Римские законы*, часть 2, стр. 34, 108.

[119] Об этих указах, которые на сегодняшний день практически эквивалентны законам, см. *CIL*. x. 1401 = Дессау 6043 и де Пачтера в *Mélanges Cagnat*, стр. 169.

[120] О письме Адриана см. *Соответствующий бюллетень. Ад.* x. 111; цитируется Брунсом, *Фонтес*, 1909, стр. 200. Сравните *Историю Августы*, Жизнь Адриана, гл. 18.

[121] Mommsen, *Eph. Epigr.* iii, стр. 111 и *Ges. Schiften*, i. 158, 263, 371; Liebenam, *Städteverwaltung*, 393.

[122] О Бастидах и Вилль-Нев см. доктора А.Э. Бринкмана, *Deutsche Bauzeitung*, январь-февраль 1910 г., и, например, рис. 35. Многие из них могут быть старше 1200 года (А. Жири, *Библ. de l'École des Chartes*, xlii. 451), но те, у кого есть более или менее подробные планы на шахматной доске, кажутся более поздними.

[123] Сравните Э.А. Льюиса, *Средневековые районы Сноудонии*, стр. 30, 61 и далее.

[124] То же самое и с Лембергом. Сравните Р.Ф. Кайндля, *"Немецкая смерть в Карпатских землях"*, i. 178, 293; ii. 304; однако он не имеет дела с реальными планами.

[125] Я должен поблагодарить покойного сэра Альфреда Лайалла за ознакомление с обзором, проведенным английскими инженерами в 1839 году.